

В ШКАФ

§ 134
N 375

Бодлер.

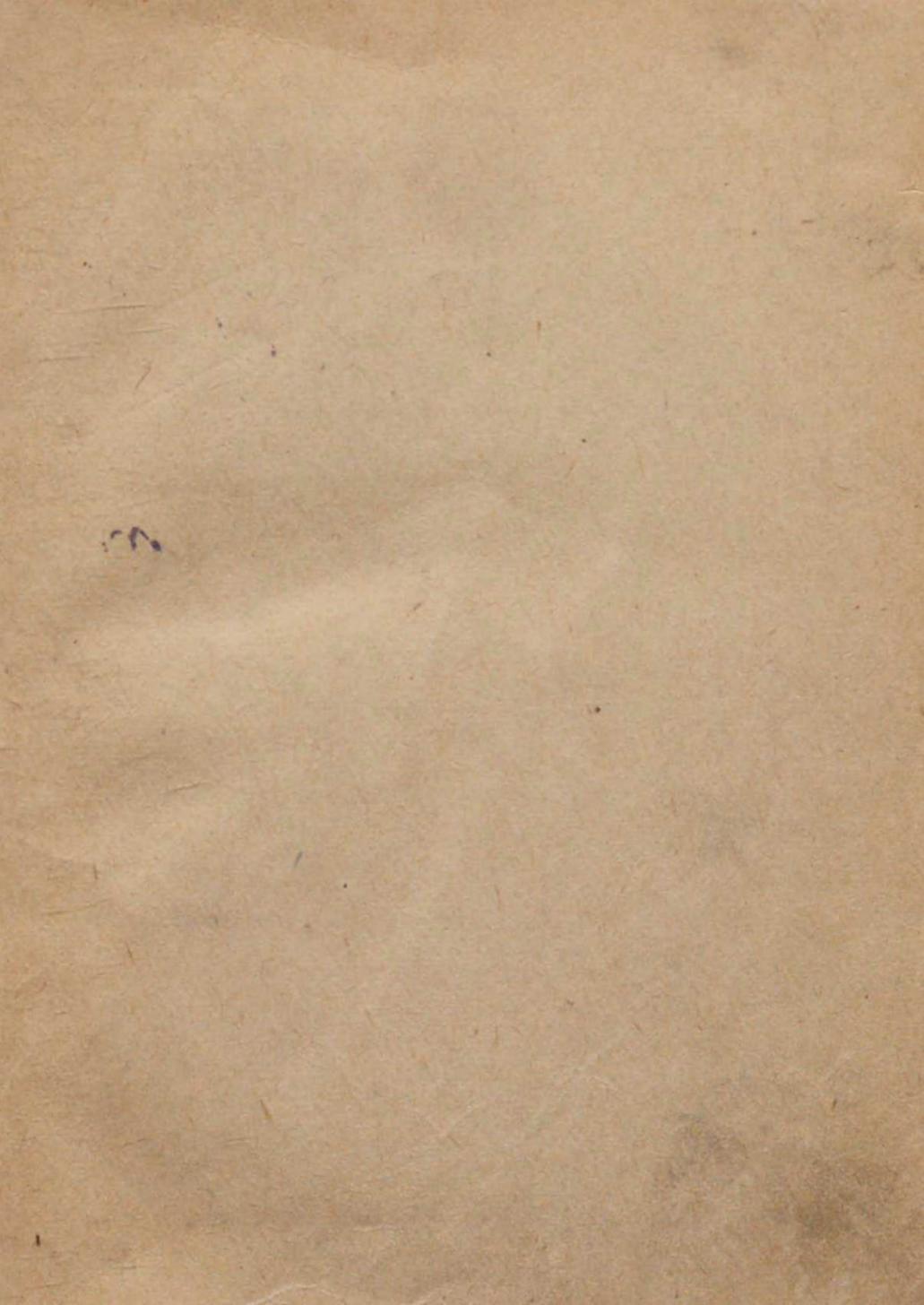
Цветы

ЗЛА.

9 $\frac{134}{375}$

Bes. gesel. Kt.

1/2 ————— 9

$$\begin{array}{r} 134 \\ \hline 375 \end{array}$$

в мнчф

$$\begin{array}{r} \text{op } 1-80 \\ \hline 15485 \end{array}$$

ШАРЛЬ БОДЕЛЭРЪ

16
2/6
134
375
150-160
19592

ЦВѢТЫ ЗЛА

Полный переводъ съ французскаго изданія 1900 г.
Съ биографіей—характеристикой Шарля Боделэра
А. А. Панова

Изданіе О. И. Булгакова.

С.-Петербургъ
Типо-литографія К. Ж. Стефанскаго. Гороховая, 12.
1907.

2011095464

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1961

18

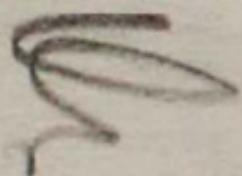
4

л

896

87/8—10 888

2601

Ш. Боделэръ.

1821—1867.

III. БОДЕЛЭРЪ.

(Биографія—характеристика).

„Цвѣты зла“—лучшій цвѣтокъ въ поэтическомъ вѣнкѣ Боделэра. Въ нихъ вылилась вся его оригинальная особенность; ими онъ показалъ, что можно послѣ безсчетнаго множества стихотворныхъ томовъ, гдѣ, казалось бы, исчерпаны всѣ варіаціи сюжета, выпустить въ свѣтъ что-то новое и неожиданное, не имѣя для этого надобности отцѣплять солнце и звѣзды съ ихъ крючковъ, не заставляя въ своихъ произведеніяхъ дефилировать всемірной исторіи“.

Эти слова принадлежатъ критику и другу Боделэра—Т. Готье, которому Боделэръ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ и посвятилъ свои „Цвѣты зла“, букетъ которыхъ такъ не понравился цензурѣ, правительству и добрымъ буржуа Наполеона III и появленіе которыхъ вызвало горячее сочувствіе такихъ людей, какъ Ж. Зандъ, В. Гюго, Флоберъ, Бальзакъ, Т. Готье, Э. Дешампъ, Сентъ-Бѣвъ, д'Аревилль, Эд. Тьерри и мн. друг. Тогда какъ одни кричали о кощунствѣ, о безбожьи, о проповѣди разврата автора „Цвѣтовъ зла“, другіе поздравляли его съ тѣмъ, что ему удалось сказать новое глубокое и блестящее слово...

Необходимо сказать, что женственный по натурѣ, не способный къ активной борьбѣ, Боделэръ самъ былъ какъ бы смущенъ всѣми нападками, что онъ и высказалъ при выходѣ третьяго изданія

„Цвѣтовъ зла“, прибавивъ къ этому изданію собраніе писемъ и отрывковъ, написанныхъ по поводу перваго изданія.

„Никто, всего менѣе—я, не могъ предполагать,—говорить Боделэръ,—что книга столь духовно-мистическаго настроенія, написанная столь громко, столь горячо взывающая къ добру, какъ „Цвѣты зла“, должна стать предметомъ судебного преслѣдованія, или лучше сказать поводомъ къ какому-то недоразумѣнію“.

Но если полиція нравовъ Наполеона III признала „Цвѣты зла“ противной религіи и нравственности и наложила штрафы на автора и его издателя, то общество въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей послѣшило ободрить впаваго въ недоумѣніе и огорченіе поэта.

Вотъ что написалъ Боделэру В. Гюго изъ своего изгнанія:

„Я получилъ . . . вашу прекрасную книгу. Искусство, какъ небесная лазурь,—безконечно: вы только что доказали это. Ваши „Цвѣты зла“ блестятъ и ослѣпляютъ, какъ звѣзды. Продолжайте. Я кричу браво вашему отважному духу. Позвольте мнѣ кончить эти нѣсколько строкъ поздравленіемъ. Вы получили одну изъ рѣдкихъ наградъ, какія только можетъ дать существующее французское правительство. Вы осуждены во имя того, что оно зоветъ своей моралью и своимъ правосудіемъ“.

Полный пессимизма самаго отчаяннаго и въ то же время романтикъ съ нѣжной чувствительной душой, Боделэръ въ своихъ „Цвѣтахъ зла“ касается самыхъ сокровенныхъ струнъ человѣческаго сердца, заставляетъ ихъ болѣзненно вибрировать, вывора-

чивается на изнанку всю скрытую грязь человеческой души, всю ту мерзость, которую способна породить въ человѣкѣ скука, сплинъ,—и въ то же время онъ скорбитъ объ идеалѣ, добивается его, грезитъ о немъ. И именно эта тоска по идеалу, стремленіе къ нему ставитъ Боделэра въ ряды великихъ поэтовъ; все же грязное, всё эти физиологическія почти описанія зла и порока, которые такъ возмущаютъ филистеровъ и противниковъ поэзіи Боделэра,—нечто иное, какъ такъ сказать фонъ, на которомъ поэтъ описываетъ свою тоску и стремленіе къ идеалу. Вотъ то стремленіе къ идеалу среди житейской грязи и зла—вотъ идея „Цвѣтовъ зла“, и новая форма выраженія своихъ мыслей и чувствъ черезъ символы, вотъ заслуги Боделэра, какъ стилиста, внесшаго, по словамъ Гюго, въ поэзію „новое трепетанье“.

Значеніе Боделэра важно еще и потому, что его не безъ основанія считаютъ родоначальникомъ „декадентизма“ въ новѣйшей поэзіи. Къ сожалѣнію, декаденты, которые чтутъ Боделэра, какъ своего родоначальника, за немногими исключеніями, заимствовали отъ него лишь отрицательныя стороны этого таланта, отбросивъ все положительное, и потому они на самомъ дѣлѣ далеки отъ него, не имѣютъ ничего другаго съ другомъ сходнаго.

И не только въ Россіи, но даже во Франціи въ иныхъ классахъ общества, Боделэръ считается какимъ-то пугаломъ, и, не зная поэта, видятъ въ поэзіи проповѣдь и воспѣваніе разврата, а не проповѣдь чистоты, высреннихъ стремленій, исканія идеала.

Посмотримъ, какъ развивался этотъ, если и не ге-

ніальний, то во всякомъ случаѣ оригинальный и въ высшей степени талантливый писатель.

Шарль-Пьеръ-Боделэръ родился въ Парижѣ 21-го апрѣля 1821 года. Онъ былъ сыномъ Франсуа Боделэра, стариннаго друга Кондорсэ и Кабаниса. Весьма порядочный, учтивый, какъ маркизь XVIII вѣка, радикаль по убѣжденіямъ, аристократъ по манерамъ, по одеждѣ и по любви къ изящному, Франсуа Боделэръ имѣлъ большое вліяніе на своего сына, и, несомнѣнно, что именно ему поэтъ обязанъ своей любовью къ изящному. Отецъ часто водилъ своего сына по общественнымъ садамъ, показывая ему статуи. Но вліяніе отца было непродолжительно. Кажется въ 1831 году, т. е. когда Шарлю было 10 лѣтъ, старикъ Боделэръ умеръ.

Молодая вдова — мать Шарля — вскорѣ вышла замужъ вторично за генерала Опику. Какъ относился къ матери молодой Шарль — неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ такое скорое забвеніе памяти нѣжно любимаго отца должно было оставить горькій осадокъ въ дѣтской душѣ будущаго поэта. Что касается своего вотчима, то у молодого Боделэра не было никакихъ основаній относиться къ нему особенно любовно, хотя, быть можетъ, генераль Опику по-своему любилъ и заботился о пасынкѣ и мечталъ устроить его карьеру, пустивъ его по военной дорогѣ. Но призваніе Боделэра было иное. 9 лѣтъ Шарль поступилъ въ коллежъ въ Ліонѣ. Успѣхи его въ наукахъ были посредственны, и онъ считался скорѣй за тупого, чѣмъ за способнаго ребенка. На 16-мъ году онъ перешелъ въ Парижскій коллежъ Людовика Великаго, гдѣ впервые началъ писать стихи въ духѣ байронизма. Это была такъ сказать дань модному

увлеченію поэзіей геніальнѣйшаго въ мірѣ писателя. Матери Боделэра не правилась такая склонность сына къ литературнымъ занятіямъ и въ семьѣ поэта стали происходить несогласія и ссоры. Въ 1838 году Боделэръ совершилъ съ вотчимомъ поѣздки въ Пиренеи, которая произвела на него сильное впечатлѣніе. Въ 1839 году произошла какая-то невыясненная исторія, за которую Боделэра исключили изъ коллежа передъ самымъ окончаніемъ курса... Впрочемъ, впоследствии онъ, хотя и съ трудомъ, сдалъ экзаменъ на бакалавра литературы.

Чтобъ дать другое направленіе его мыслямъ и мечтамъ, въ которыхъ онъ упорствовалъ, говорить Т. Готье въ вступительной своей статьѣ къ „Цвѣтамъ зла“, Боделэра послали путешествовать—и услали его очень далеко. Онъ объѣхалъ моря Индіи, видѣлъ островъ св. Маврикія, Мадагаскаръ, Цейлонъ, берега Гангейскаго полуострова, но тѣмъ не менѣе ни на мгновеніе не отказался отъ своего намѣренія сдѣлаться литераторомъ. Тщетно пробовали заинтересовать его и коммерціей,—торговля его нисколько не занимала. Изъ своего длиннаго путешествія онъ не вынесъ ничего, кромѣ впечатлѣній отъ умопомрачающаго великолѣпія экваторіальной природы, которое онъ и сохранилъ на всю свою жизнь... Да еще во время своего путешествія онъ приобрѣлъ странную любовь къ черной Венерѣ, и эта любовь навсегда стала его культомъ.

Вернулся изъ своего путешествія Боделэръ уже совершеннолѣтнимъ. Не было никакой причины противиться выяснившемуся призванію молодого человѣка, а призваніе это еще болѣе окрѣпло отъ путешествій, и уже ничто не могло отвлечь его отъ

намѣченной цѣли. Къ тому же къ этому времени онъ получилъ 75 тысячъ франковъ—свою долю изъ наслѣдства отца. Старшій братъ Шарля — Клодь (отъ другой матери) получилъ землю. Кромѣ этого брата у Боделэра не было родственниковъ. Клодь на 55-мъ году своей жизни былъ разбитъ параличемъ и умеръ въ сумасшедшемъ домѣ.

Получивъ наслѣдство, которое, сказать кстати, хватило Боделэру не на долго, оно быстро растаяло и замѣнилось большими долгами, которыхъ онъ всю жизнь не могъ выплатить и которые стали несчастьемъ и проклятьемъ всей послѣдующей жизни поэта,—получивъ эти 75 тысячъ, Боделэръ сталъ жить разсѣянной и беспорядочвой жизнью литературной богемы. Къ этому времени относится его знакомство съ выдающимися литераторами и художниками того времени. Совершенно случайно и даже смѣшно познакомился онъ съ Бальзакомъ. Онъ встрѣтился съ нимъ на улицѣ и столкнулся съ нимъ; и тотъ, и другой старались уступить другъ-другу дорогу, но постоянно сталкивались, и столкновенія эти, кончившись смѣхомъ, дали начало сперва знакомству, а потомъ пріятельскимъ отношеніямъ съ Бальзакомъ.

Боделэръ занялъ маленькое помѣщеніе въ зданіи, въ которомъ находился отель Пимодана, гдѣ собирались въ тѣсномъ и пріятельскомъ кружкѣ художники и литераторы и гдѣ происходили также собранія гашишистовъ и потребителей опія. Въ этихъ собраніяхъ принималъ участіе и Боделэръ, и, надо полагать, что они то и послужили основаніемъ для губельной привычки поэта—потреблять опій. Хотя Т. Готье и увѣряетъ, что Боделэръ никогда не

злоупотреблялъ этимъ ядомъ и лишь „изъ любви-знательности сдѣлалъ одинъ или два опыта“, но врядь ли это такъ... Самъ Боделаръ въ одномъ изъ своихъ писемъ за два года до своей смерти (въ 1865 г.) говоритъ, что онъ долго употреблялъ опій. И по всему видно, что Боделару были пріятны эти сеансы, результаты потребленія этого яда—экстазы, грезы, галлюцинаціи. Вѣроятно все же, что опій также былъ причиной той болѣзни, которая привела Боделара сперва въ сумасшедшій домъ, а затѣмъ и преждевременно свела поэта въ могилу. Тѣмъ болѣе ядъ долженъ былъ сильно дѣйствовать на Боделара, что въ его роду многіе предки, по его собственному признанію, были идиотами и маньяками, или отличались странностями. Братъ Боделара, какъ мы сказали, кончилъ параличемъ. У матери Боделара въ старости также были парализованы ноги. Несомнѣнно также, что подъ вліяніемъ опія написаны и нѣкоторыя (съ отѣнками болѣзненности) стихотворенія Боделара. Въ другомъ своемъ интересномъ сочиненіи, озаглавленномъ „Искусственныя обители блаженства“ (*Les paradis artificiels*), Боделаръ описываетъ сеансы гашишистовъ и опиумоѣдовъ „съ большимъ знаніемъ дѣла“.

Очутившись на свободѣ и освобожденный отъ опеки семьи своей, которая съ ужасомъ убѣдилась, что ихъ Шарль сталъ литераторомъ, заживъ жизнью артистической богемы, Боделаръ завязалъ сношенія съ женщинами, занимавшими въ обществѣ двусмысленное положеніе и вполне окунулся въ эту жизнь. Но борьба съ семейными за свое призваніе была очевидно упорна и тяжела. Даже воспоминаніе объ этой борьбѣ наполняло сердце поэта горечью. Не-

сомнѣнно, что въ стихотвореніи „Благословеніе“, которымъ открывается сборникъ „Цвѣтовъ зла“, находится элементъ біографической,—и какой горькой печалью и ироніей дышатъ строки этого стихотворенія...

Въ отелѣ Пимодана, Боделаръ познакомился съ Теодоромъ Банвиль, Урліакомъ, Лавассеромъ, Делакура, котораго поэтъ ставилъ высоко, и со многими другими выдающимися художниками и литераторами. Въ противоположность артистическимъ черзчуръ свободнымъ нравамъ, Боделаръ отличался самой строгой благопристойностью; вѣжливъ и учтивъ онъ былъ чрезмѣрно, до того, что казался даже манернымъ. Онъ соразмѣрялъ свои фразы, употребляя самыя изысканныя выраженія, нѣкоторые слова произносилъ какимъ-то особеннымъ значительнымъ образомъ, словно желалъ ихъ подчеркнуть, придать имъ таинственную значительность. Въ звукахъ его голоса имѣлись курсивы и подчеркиванія. Но шаржъ, который былъ въ большомъ почетѣ у Пимодана, презирался имъ какъ нѣчто искусственное и грубое, и въ то же время онъ позволялъ себѣ и даже любилъ парадоксы и крайности. Съ вѣдомъ натуральнымъ и простымъ, совершенно отвлеченно, какъ будто говоря общее мѣсто, онъ высказывалъ аксіомы діавольски-чудовищныя, съ ледянымъ спокойствіемъ поддерживалъ какую-нибудь теорію математической нелѣпости. Онъ смотрѣлъ на вещи съ какой-то особой точки зрѣнія, которая, такъ сказать, измѣняла очертанія предметовъ, словно онъ ихъ разсматривалъ съ высоты птичьяго полета, словно передъ его взоромъ эти предметы вырисовывались изъ далека,—и онъ сразу

схватывалъ и улавливалъ сходства, которыя были незамѣтны для другихъ, которыя своей странной причудливостью и вполне однако логичныя, поражали. Жесты его были умѣренны, спокойны, округлы. Бѣглости въ рѣчи онъ не любилъ. Худошавый, тонкій, стройный, онъ одѣвался изысканно-просто, съ изысканностью дѣнди въ вкусѣ романовъ Ричардсона. Позднѣе онъ сталъ брить даже усы, находя въ этомъ живописный шикъ и считая ношеніе усовъ буржуазнымъ. Много поэтическихъ описаній наружности Боделэра за это время существуетъ у писателей, современниковъ его... Особенно поэтично описаніе друга поэта Т. Банвилля, который говоритъ, что видъ Боделэра неволью заставлялъ думать о знаменитой фразѣ его: „*Mon âme voltige sur les parfumes, comme l'âme des autres hommes voltige sur la musique*“.

Впослѣдствіи портретъ молодости поблекъ... Но и уже изнуренный болѣзнью, съ горящими глазами, со сжатымъ крѣпко ртомъ, Боделэръ останавливаетъ вниманіе оригинальностью своего лица.

Во всякомъ случаѣ въ натурѣ Боделэра не было ничего сатанинскаго, онъ не былъ влюбленъ въ порокъ и въ зло, или даже въ сатану, какъ это стараются доказать противники и враги Боделэра; это была натура нѣжная, мягкая, неспособная къ борьбѣ и къ активной дѣятельности, о чемъ свидѣтельствуетъ, какъ мы это увидимъ ниже, вся жизнь поэта.

Боделэръ не долго искалъ свою литературную колею, онъ скоро нашелъ ее. Онъ увидалъ не по сю, а по ту сторону романтизма неизслѣдованную страну—родъ Камчатки щетинистой и суровой,—и

на самомъ краю этой страны построилъ, какъ говорить Сентъ-Бевъ, кіоскъ, или юрту причудливо-странной архитектуры...

Есть люди, которые отъ природы манерны, говоритъ Т. Готье въ своей статьѣ о Боделэрѣ. Изъ всѣхъ образовъ ихъ поражаютъ самые причудливые, утонченные, запутанно-многосложные, фантастически—отдаленные отъ трактуемаго предмета; но описанія свои они умѣютъ связать какой-то таинственной невидимой нитью, что все распутывается, становится простымъ и яснымъ. Такой складъ ума былъ и у Боделэра, и тамъ, гдѣ критики хотѣли видѣть усилія, чрезмѣрный трудъ, крайности, „пароксизмъ умысла“—есть нечто иное, какъ свободное и легкое проявленіе индивидуальности поэта.

Уже вскорѣ по вступленіи Боделэра въ артистическую и литературную семью, имя его начинаетъ подвергаться критикѣ съ извѣстнымъ трепетомъ ожиданія, продолжаетъ Готье, и молодое поколѣніе, идущее послѣ великаго поколѣнія 1830 г., казалось, весьма рассчитывало на него. И Боделэръ не обманулъ этихъ трепетныхъ ожиданій своихъ друзей.

Но продолжимъ біографію поэта.

Дѣйствительно ли вынесъ изъ своего экваторіальнаго путешествія Боделэръ „культъ черной Венеры“, или онъ утверждалъ это лишь изъ оригинальности; только жизнь поймала Боделэра на словѣ. Онъ влюбился въ мулатку Жанну Дюваль, фигурантку одного изъ маленькихъ парижскихъ театровъ, которая цѣлко ухватила за поэта. Эта Жанна не представляла изъ себя ничего замѣчательнаго; по свидѣтельству современниковъ и друзей поэта, она не отличалась ни особенной красо-

той, ни талантомъ, ни умомъ, ни сердцемъ; это было безгранично эгоистическое, легкомысленное и жадное созданіе.

Вотъ что извѣстно объ этомъ періодѣ жизни Боделэра.

Въ сборникѣ стихотвореній Боделэра, переведенныхъ г. П. Я., читаемъ:

„Сойдясь съ Жанной и, быть можетъ, въ началѣ полюбивъ ее вполнѣ искренно, Боделэръ считалъ потомъ долгомъ чести не покидать до конца эту несчастную. Она всячески обманывала его, разоряла, вводила въ неоплатные долги, надѣвала ему петлю на шею, а онъ кротко и покорно выносилъ все, никогда никому не жалуясь, не пытаясь даже порвать эту неестественную связь со своей „belle ignorante“, какъ онъ называлъ Жанну Дюваль въ стихахъ. Какъ многія изъ женщинъ цвѣтной расы, Жанна имѣла пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ и еще въ молодые годы была поражена параличемъ. Боделэръ помѣстилъ ее въ одну изъ лучшихъ лечебницъ и, отказывая во всемъ себѣ, устроилъ тамъ самымъ комфортабельнымъ образомъ. Но, любя веселье и ненавидя отъ всей души скуку, Жанна, не успѣвъ еще хорошенько поправиться, посѣшила выйти изъ больницы и поселилась на этотъ разъ въ одной квартирѣ съ поэтомъ. Надо думать, что этотъ періодъ совместной жизни съ фривольной, невѣжественной и взбалмошной женщиной былъ для него особенно тяжелъ, тѣмъ не менѣе онъ терпѣливо вынесъ нѣсколько лѣтъ такой жизни. Даже въ самые послѣдніе годы, находясь уже въ добровольномъ изгнаніи въ Бельгій, въ когтяхъ полной нищеты, Боделэръ не переставалъ помогать Жаннѣ; не за-

бывала и она его, даже въ то время, когда онъ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, продолжая громить письмами, въ которыхъ требовала денегъ и денегъ... Послѣ смерти поэта, впавъ въ страшную нищету, и она вскорѣ умерла гдѣ-то въ госпиталѣ.

Конечно, такая несчастная связь не могла не оставить въ душѣ поэта мрачныхъ слѣдовъ. Живя въ такой средѣ, гдѣ мало встрѣчалось порядочныхъ женщинъ, и судя о нихъ по Жаннѣ и по другимъ образчикамъ большей частью того же типа, онъ естественно долженъ былъ пріобрѣсти самые странные и дикіе взгляды на ихъ счетъ. Онъ считалъ женщину одною изъ оболстительныхъ формъ дьявола; онъ выражалъ даже удивленіе тому, что ее пускаютъ въ церковь...“

Первоначально, Боделаръ выступилъ въ печати не въ качествѣ поэта, а критикомъ, — и въ мѣрѣ французскихъ художниковъ принято считать, что Франція не имѣла художественнаго критика, равнаго Боделару по тонкости вкуса, красотѣ и энергіи стиля. Какъ уже мы замѣтили выше, любимымъ художникомъ его былъ Делакруа. Но можно также предполагать, что онъ предпочиталъ реальную живопись, школа которой лишь зарождалась въ 40-хъ годахъ.

Но не критика, ни даже „Цвѣты Зла“, которые первоначально имѣли лишь успѣхъ скандала, прославили имя Боделара. Громкая извѣстность его начинается съ изданіемъ въ свѣтъ переводовъ Эдгара Поэ. Трудно представить себѣ болѣе родственнаго Боделару по духу писателя, чѣмъ Эдгаръ Поэ. Боделаръ натурализовалъ во Франціи этотъ единственный въ своемъ родѣ геній съ индивидуальностью

столь рѣдкой, столь оконченной, столь исключительной, что казалось, что это не переводы, а оригинальныя творенія Боделэра. До его переводовъ Франція не знала о произведеніяхъ американскаго писателя, и послѣдній безъ всякаго сомнѣнія имѣлъ большое вліяніе на своего французскаго переводчика. *Необыкновенные рассказы, Приключенія Артура Бурдонъ Пима, Смѣшные и серьезные рассказы, Евреки* были переведены Боделэромъ съ тождественностью столь точной и стилиа и мысли, но въ то же время такъ поэтически свободно, вѣрно и гибко, что переводы производятъ эффектъ оригинальныхъ работъ и имѣютъ гениальное совершенство. Переводамъ *Необыкновенныхъ рассказовъ* предшествуютъ критическія статьи высокаго достоинства, гдѣ переводчикъ, какъ поэтъ, анализируетъ этотъ эксцентричный и полный новизны талантъ, каковымъ является Поэ. Со времени этихъ переводовъ во Франціи имя Боделэра неотдѣлимо отъ имени Эдгара Поэ, и, по выраженію Т. Готье, подчасъ кажется, что идеи американца принадлежать въ сущности французу.

Какъ критикъ Боделэръ замѣчателенъ своими статьями о Салонѣ и среди нихъ брошюрой о своемъ любимомъ художникѣ — Делакруа. Т. Готье отрицаетъ, что Боделэръ склонялся къ реалистической школѣ живописи. Правда, нѣкоторыя картины „Цвѣтовъ зла“ полны правды столь оскорбительно-жестокой, до того въ нихъ поэтъ не отступаетъ передъ безобразіемъ житейской дѣйствительности, что можно было бы на мгновеніе предположить, что онъ склоняется къ доктринамъ этой школы. Но картины эти въ „Цвѣтахъ Зла“ такъ сказать *мнимо-реальныя* и служатъ исключительно контрастами къ картинамъ

идеальнымъ, полнымъ томной сладости. Но ни духовно, ни умомъ, ни симпатіями, увѣряеть Готье, Боделэръ не могъ принадлежать къ этой школѣ, — это не согласовалось съ его аристократическими вкусами, съ его стремленіемъ къ прекрасному, онъ искалъ въ жизни странное, чудесное, любилъ въ ней лишь единичное, оригинальное.

Мы, впрочемъ, не согласны съ Т. Готье, и думаемъ, что въ натурѣ Боделэра уживались романтикъ и реалистъ, но только романтикъ преобладалъ, ибо дѣйствительность жизни казалась ему черезчуръ пошлой, унижительно-буржуазной.

Т. Готье также реабилитируетъ память поэта, говоря, что онъ не былъ ни гашишистомъ, ни опиумопотребителемъ, что Боделэръ былъ трезвъ, какъ всѣ работники пера, что въ отелѣ Пимодана, гдѣ собирался кружокъ гашишистовъ и опиумоѣдовъ, Боделэръ приходилъ лишь въ качествѣ простого наблюдателя, что экстазъ, купленный въ аптекѣ, ему былъ противенъ и экстазъ этотъ онъ сравнивалъ съ экстазомъ помѣшаннаго. Но хотя и самъ Боделэръ подтверждаетъ эти увѣренія Готье въ *Paradis artificiels*, говоря, что человекъ и безъ помощи аптеки и чаръ можетъ честными средствами достичь неба (Да и что это за рай, купленный цѣной вѣчнаго спасенія?! — восклицаетъ онъ), — все-таки приходится допустить, что Боделэръ былъ потребителемъ опиума. Въ своихъ интимныхъ письмахъ поэтъ самъ признается, что долгое время употреблялъ опиумъ. Въ одномъ изъ писемъ 1859 года онъ говоритъ: „Я мраченъ, а опиума нѣтъ!“ Въ дневникѣ 1862 года онъ писалъ: „Я культивировалъ свою исторію съ наслажденіемъ и ужасомъ!“

Монографія „о гашишѣ и опиумѣ“ составлена у Боделэра великолѣпно, до того хорошо и медицински точно, что въ *Les Paradis artificiels* наука можетъ черпать для себя вѣрныя справки. Онъ великолѣпно выразилъ истинный характеръ галлюцинацій, происходящихъ отъ потребленія гашиша, который самъ по себѣ ничего не творить, но лишь развиваетъ особенныя наклонности индивида, превеличивая ихъ до высшей силы, доводя ихъ до крайней интенсивности... (См. переводъ *Les Paradis artificiels* въ „Новомъ Журналѣ Литературы, Искусства и Науки“ 1906 г. №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12).

Но, описывая галлюцинаціи, Боделэръ видимо питаетъ отвращеніе къ тому благополучію и счастью, которыя достигаются искусственными средствами. Онъ разбиваетъ тотъ взглядъ, что опьяненіе гашишомъ помогаетъ рожденію идей, которыми пользуется гений.

Кромѣ „Цвѣтовъ Зла“, переводовъ Эдг. Поэ, „Искусственного Рая“, статей о Салонахъ, критическихъ разборовъ и этюдовъ, Шарль Боделэръ оставилъ послѣ себя книгу *поэмъ въ прозѣ*. Помѣщены они были въ разное время въ разныхъ журналахъ и сборникахъ (обозрѣніяхъ). Разбросанныя понемногу повсюду, эти маленькія поэмы потомъ были соединены въ одинъ небольшой томъ, такъ и озаглавленный: „*Petits poèmes en prose*“.

„Эта форма рѣчи, говоритъ Т. Готье по поводу „Маленькихъ поэмъ въ прозѣ“, требуетъ замѣчательнаго искусства, замѣчательной тонкости: здѣсь каждое слово, ранѣе чѣмъ быть употреблено, должно быть взвѣшено на самыхъ чувствительныхъ вѣсахъ, должно имѣть свое имя, свое значеніе, свою звуч-

ность. Боделэръ здѣсь рельефно выставилъ всю дивную, нѣжную, богатую особенность своего таланта. Онъ сумѣлъ и смогъ собрать и сблизить все трудно выразимое, передать тѣ неуловимые оттѣнки, которые колеблются между звукомъ и краской, выразить мысли, граничащія съ музыкальными фразами... Эта форма превосходна: она примѣнима не только для выраженія природы физической, но и для самыхъ сокровенныхъ движеній, своенравныхъ томленій духа, для выраженія сплина со всѣми его галлюцинаціями, со всѣмъ его неврозомъ. Авторъ „Цвѣтовъ зла“ извлекъ изъ этой формы такіе великолѣпные эффе́кты, что подчасъ даже удивляешься этому языку, который то становится прозрачнѣе грезы, то ясенъ и жгучъ, какъ лучи солнца, когда они рельефно выдѣляютъ въ голубыхъ просѣкахъ дали полуразрушенную башню, группу деревьевъ, горную вершину, — этотъ языкъ позволяетъ намъ видѣть также предметы, которые, казалось, не поддаются описанію потому, что до сихъ поръ *не были завоеваны языкомъ*“.

Своими поэмами Боделэръ умножилъ уже завоеванную славу. Дѣйствительно, стиль Боделэра замѣчательнъ по своей чистотѣ, ясности и совершенной красотѣ.

Какъ уже сказано выше, безпечному поэту не на долго хватило его 75 тысячъ франковъ. Когда ему было 25 лѣтъ, у него оставалось мало отъ этихъ денегъ. Онъ даже свой изысканный черный костюмъ замѣнилъ рабочей блузой, сохраняя, впрочемъ, даже и при этомъ костюмѣ любовь къ изящному.

Слава о Боделэрѣ стала гремѣть за предѣлами

тѣснаго дружескаго кружка, собиравшагося въ отелѣ Пимодана, гдѣ онъ часто читалъ свои произведенія, изъ которыхъ многія потомъ вошли въ сборникъ „Цвѣтовъ Зла“. Въ 40-хъ уже годахъ имъ были написаны лучшія стихотворенія „Альбатросъ“, „Душа вина“, „Вино тряпичниковъ“ и многія другія. Но поэтъ, чрезвычайно взыскательный къ своимъ произведеніямъ, долго ихъ отдѣлывалъ, прежде чѣмъ выпустить ихъ въ свѣтъ. Сборникъ подъ названіемъ „Цвѣты Зла“ появился лишь лѣтомъ 1857 года, когда уже Боделэръ составилъ себѣ имя критическими статьями и переводами Эдгара Поэ, котораго онъ началъ переводить въ 40-хъ годахъ и котораго переводилъ вплоть до самой своей смерти.

До какой страстности доходила эта мистическая любовь Боделэра къ Поэ, видно изъ его дневника послѣднихъ лѣтъ его жизни, гдѣ на ряду съ покойнымъ отцомъ онъ считаетъ духъ Поэ своимъ заступникомъ передъ „высшимъ милосердіемъ“.

Женственно-нѣжная, мягкая, неспособная къ борьбѣ натура Боделэра не устояла однако передъ общественнымъ демократическимъ движеніемъ 48 года, которое увлекло и его, который не принадлежалъ ни къ какой опредѣленной демократической фракціи, не имѣлъ и никакой особенной политической программы. Онъ любилъ скитаться по грязнымъ предмѣстьямъ и окраинамъ Париза, гдѣ наблюдалъ и изучалъ рабочій народъ. Кромѣ того, у него было озлобленіе противъ буржуазіи и противъ правительства. Все это, а также общіе гуманитарные принципы, сочувствіе къ обездоленному рабочему классу заставили его примкнуть къ ре-

волюціи 48 года. Говорять, что Боделэра видѣли съ ружьемъ во главѣ толпы, которую онъ призывалъ къ разрушенію дома своего отчима—генерала Опицца. Одно время, но очень не долго, Боделэръ былъ редакторомъ одного Парижскаго революціоннаго изданія, выходившаго въ 1848 году.

Когда демократическое движеніе было подавлено и вожди демократіи частью очутились въ изгнаніи, частью погибли, когда наступила реакція—президентство, диктаторство, а затѣмъ имперія Наполеона III,—началась эпоха высшаго расцвѣта буржуазіи, которую такъ терпѣть не могъ Боделэръ. Но бороться съ правительствомъ Наполеона, какъ это могъ, на примѣръ, Викторъ Гюго, Боделэръ не былъ въ состояніи; онъ поникъ духомъ и почувствовалъ въ душѣ своей страшную пустоту. Ненавидя правительство Наполеона, онъ, неспособный къ активной борьбѣ, не поддерживалъ отношеній и съ революціонерами, и даже охладѣлъ къ демократическимъ идеямъ и принципамъ... Вообще, Боделэръ никогда не былъ и не могъ быть политическимъ дѣятелемъ: у него не было никакого своего политическаго *sicco*; потерпѣвъ пораженіе, какъ демократъ, онъ остался лишь поэтомъ романтикомъ-пессимистомъ...

Наконецъ, лѣтомъ 1857 года, вышли въ свѣтъ знаменитые „*Fleurs du mal*“.

Необходимо согласиться съ Боделэромъ, что тотъ шумъ, который подняла буржуазія по поводу „*Цвѣтовъ зла*“, былъ результатомъ какого-то недоразумѣнія.

Обратили вниманіе не на *идею* сборника, а на нѣкоторыя слишкомъ ужъ фізіологически-правди-

выя описанія иныхъ стихотвореній, на заглавія нѣкоторыхъ вещей и отдѣловъ (Revolte, Litanie de Satan), наконецъ, на заглавіе всего сборника...

Цвѣты зла!.. Ахъ, мошь, это цвѣточки, тогда— что за ягодка самъ авторъ! Стало быть, авторъ собралъ все зло, все ужасы жизни, всю мерзость—и это еще считаетъ цвѣтами!.. Такъ разсуждала буржуазія,-- и въ результатѣ провозглашеніе автора—апологистомъ мерзости зла, обвинительный вердиктъ сборнику полиціи нравовъ! Ханжамъ и фари́сеямъ бюрократіи и буржуазіи времени Наполеона III не было дѣла до внутренняго смысла, до души и духа произведеній, они придрались къ картинкамъ, къ заглавію книги.

Какъ мы указывали выше, нелѣпый шумъ и бессмысленный приговоръ съ одной стороны, послужили поводомъ, съ другой—ко всеобщему сочувствію и самыхъ лестныхъ отзывовъ о книгѣ со стороны лучшихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей Франціи того времени.

Въ 1861 году выходитъ второе изданіе „Цвѣтовъ зла“, дополненное 35-ю новыми стихотвореніями.

Впрочемъ, по выходѣ 1-го изданія нѣкоторыя стихотворенія сборника частью по принужденію, частью по волѣ самого поэта были выброшены изъ сборника. Съ 1862 года у Боделэра развивается со всею интенсивностью болѣзнь, которая черезъ пять лѣтъ свела его въ могилу. У него постоянныя нервныя боли, рвоты, головокруженія. Онъ мраченъ, обаятельность его манеръ исчезаетъ, онъ даже страшень. Усталость, борьба съ жизнью, мученія и пытки страсти, можетъ быть гибельная при-

вычка къ опиуму состарили его одухотворенную физиономію, — осталась лишь маска, изношенная, поблеклая, гдѣ страданія и страсти наложили свои клейма. Лишь глаза продолжали сверкать молодымъ блескомъ, свидѣтельствуя о сжигавшей организмъ мысли... Онъ сталъ желченъ. Парижъ со всѣмъ его блескомъ, роскошью, грязью и пороками, Парижъ, который онъ такъ любилъ, сталъ ему невыносимъ, противенъ... Жизнь способствовала быстрому разрушенію организма. Литературный заработокъ Боделэра сталъ ничтоженъ, такъ какъ, относясь черезчуръ строго къ своимъ произведеніямъ и ихъ формѣ, Боделэръ творилъ мало; къ тому же (онъ самъ въ этомъ признается) онъ былъ лѣнивъ. Къ довершенію всего издатель и другъ Боделэра Пулэ де-Меласси прогорѣлъ; его легкомысленная подруга Жанна ничего не хотѣла знать о трудныхъ обстоятельствахъ поэта, требуя отъ него денегъ, денегъ и денегъ. Къ этому времени относится и перемѣна чувствъ Боделэра къ своей матери, вспыхиваетъ страстная любовь къ ней... Жить становится все труднѣе: болѣзнь беретъ послѣднія силы, долги растутъ, а между тѣмъ теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, Боделэръ чувствуетъ, что на немъ лежатъ обязанности по отношенію къ любимымъ существамъ.

Онъ борется. Онъ мечтаетъ о возстановленіи своего здоровья, проклинаетъ время, когда онъ такъ бессмысленно расточалъ здоровье и средства,—и слабый волей—мечтаетъ измѣнить свою жизнь, посвятить ее всецѣло исканію идеала... Онъ, какъ дитя, пишетъ въ своемъ дневникѣ о своихъ надеждахъ на обновленіе—и это почти что на порогѣ

вѣчности, когда смерть его уже осѣнила своимъ крыломъ...

Въ апрѣлѣ 1864 года, Боделэръ покидаетъ Парижъ и ѣдетъ въ Брюссель, ухватившись за предложеніе бельгійскихъ художниковъ прочесть въ Брюсселѣ рядъ публичныхъ лекцій объ искусствѣ, онъ ѣдетъ туда, чтобы въ то же время отдохнуть, начать болѣе спокойную жизнь вдаль отъ Парижа. Онъ читаетъ лекціи съ громаднымъ успѣхомъ, но жизнь и тутъ преслѣдуетъ его: его антрепренеръ надуль его, и вмѣсто обѣщанныхъ 500 франковъ за лекцію сталъ платить всего 50... Надежды и здѣсь обманули поэта, и онъ возненавидѣлъ Бельгію.

Мрачная меланхолія его увеличивается, онъ уже совершенно слабѣетъ и ужъ не въ силахъ работать. Его замѣтки и записки за это время кратки, неясны, онѣ почти іероглифичны. Появились зловѣщіе симптомы: рѣчь его замедлилась, онъ сталъ запинаться, какъ бы затрудняясь въ наборѣ словъ, но такъ какъ, говорить Т. Готье, онъ часто говорилъ церемонно-сентенціознымъ тономъ, задерживая свою рѣчь и растягивая свои слова, чтобы придать имъ болѣе выраженія, то на медленность и даже беспорядочность рѣчи не было обращено надлежащаго вниманія.

Въ апрѣлѣ 1866 г. его разбилъ параличъ, лишилъ его языка, парализовавъ всю правую половину его тѣла. Шумъ о смерти Боделэра распространился съ той крылатой поспѣшностью дурныхъ извѣстій, какая несетя, кажется, быстрѣе электрическаго тока. Боделэръ былъ еще живъ, но ложный слухъ объ его смерти былъ, къ сожалѣнію, лишь преждевре-

менной правдой. Онъ уже, можно сказать, пересталъ существовать.

Друзья и родные увезли его изъ Брюсселя въ Парижъ, помѣстили въ хорошую лѣчебницу, онъ жилъ еще почти что годъ, даже казалось одно время, что болѣзнь поддается лѣченію, но это лишь только казалось. Разбитый параличемъ, не будучи въ состояніи говорить, онъ, казалось, былъ сжимаемъ мыслью, которую не могъ выразить. Идея—мысль видѣлась, трепетала въ выраженіи его глазъ, но она было плѣнной и безгласной, она была лишена возможности сообщаться съ внѣшнимъ міромъ. Отнынѣ безсмертная мысль заключалась въ глиняной тюрьмѣ, которую могла открыть лишь могила... Смерть наступила 31 августа 1867 года, казалось, безъ особенныхъ страданій, послѣ долгой, но тихой агоніи...

Какъ страшно-радостный и близкій мнѣ примѣръ
Ты все мнѣ чудисься, о, царственный Бодлэръ,
Любовникъ ужасовъ, обрывовъ и химеръ!

Ты, павшій въ пронасть, но жаждавшій вершинъ,
Ты, видѣвшій лазурь сквозь тяжкій желтый сплинъ,
Ты, между варваровъ заложникъ-властелинъ!

Ты, знавшій женщину, какъ демона мечты,
Ты, знавшій демона, какъ духа красоты,
Самъ съ женскою душой, самъ властный демонъ ты!

Познавшій таинства мистическихъ ядовъ,
Понявшій образность гигантскихъ городовъ,
Потокъ бурлящійся, рожденный царствомъ льдовъ!

Ты въ чей богатый духъ навѣкъ перелита
Въ одну симфонію трикратная мечта:
Благоуханія и звуки, и цвѣты!

Ты—духъ блуждающій въ разрушенныхъ мірахъ,
Гдѣ привидѣнія другъ въ другъ будятъ страхъ,
Ты—черный, призрачный, отверженный монахъ!

Пребудь же призракомъ навѣкъ въ душѣ моей,
Съ тобой дай слиться мнѣ, о, магъ и чародѣй,
Чтобъ я безъ ужаса могъ быть среди людей!

Таково восторженное обращеніе къ Боделэру одного изъ современныхъ поэтовъ-лириковъ — переводчика и поэта К. П. Бальмонта; въ этомъ стихотвореніи онъ образно обрисовываетъ значеніе и сущность поэзіи Боделэра, этого демона мечты, павшаго въ пропасть, но жаждавшаго вершинъ...

Да, Боделэръ былъ именно таковъ.

А вотъ и другой отзывъ о Боделэрѣ — совершенно противоположный.

Максъ Нордау въ своей интересной, но тенденціозно написанной книгѣ „Вырожденіе“, гдѣ онъ доказываетъ оскудѣніе и вырожденіе современнаго молодого поколѣнія, и его психическое извращеніе, и въ своемъ замѣчательномъ трудѣ со своей громадной эрудиціей обрушивается на демонистовъ, мистицистовъ, декадентовъ и эстетовъ, и гдѣ онъ смѣло наноситъ удары Метерлинку, Вагнеру, Э. Зола, Ибсену, Ницше и даже отчасти Л. Н. Толстому, онъ клеймитъ недостойное зрѣлыхъ людей отступ-

ничество, и доказываетъ, что вѣчные „идеалы замѣнены разными идолами“.

Вотъ какъ отзывается М. Нордау въ своей книгѣ о Боделарѣ, относя послѣдняго къ школѣ французскихъ парнасцевъ, которые, по его мнѣнію, „несомнѣнные и прямые потомки французскихъ романтиковъ“, у которыхъ замѣтны уже всѣ зачатки извращенности, проявляющейся у парнасцевъ съ особенной силой:

„Пристрастіе парнасцевъ къ безобразному и преступному объясняется одною лишь органическою извращенностью. Мысль, что будто бы такого рода склонность свойственна каждому человѣку, даже наилучшему и вполне нормальному, и будто бы она только подавляется имъ, въ то время, какъ парнасцы даютъ ей волю, совершенно произвольно и бездоказательно. Наблюденіе и весь ходъ культурнаго развитія человѣчества противорѣчитъ этому взгляду на дѣло“.

„Боделаръ воспѣваетъ всякую мерзость и болѣзнь, преступниковъ и распутныхъ женщинъ... Что Боделаръ былъ психопатъ — это не требуетъ (!) доказательствъ. Онъ умеръ отъ общаго паралича, поразившаго его послѣ тяжелаго сумасшествія... Боделаръ любилъ опьянять себя гашишемъ и опиумомъ... Боделаръ ненавидитъ жизнь и движеніе... Онъ столько же ненавидитъ естественное, сколько любитъ искусственное... Боделаръ можетъ испытывать только смертельную тоску и скуку, потому что онъ не воспринимаетъ ничего новаго и отраднаго и вынужденъ безпрестанно погружаться въ созерцаніе своего собственнаго тоскующаго и ноющаго „я“... Его умственный кругозоръ наполненъ исключительно

мрачными, свирѣпыми, омерзительными картинами... Болѣе всего Боделэру нравятся картины смерти и разложенія... Видѣ страданій не трогаетъ его, и когда передъ нимъ проливаютъ слезы, онъ думаетъ только о ландшафтѣ съ текущей водой... Если Боделэръ молится, то непременно чорту... Тутъ къ извращенности примѣшивается мистицизмъ, столь сродный психопатамъ... Кромѣ діавола, Боделэръ поклоняется еще только одной силѣ — сладострастію... Онъ вѣчно страдаетъ отъ воображаемыхъ страховъ... Тѣ запахи, которые представляются здоровому человѣку зловоніемъ, онъ предпочитаетъ благоуханію. Гниль, разложеніе, смрадь — сущій аромать для его носа“.

Эти всѣ отзывы, граничащіе съ ругательствомъ, конечно, мало-доказательны. Но я особенно старательно выписалъ ихъ, какъ мнѣ это ни было трудно, чтобы не быть одностороннимъ, чтобы привести мнѣнія о Боделэрѣ людей, относящихся къ нему и къ его поэзіи отрицательно. Я-бы сравнилъ критику твореній Боделэра Макса Нордау съ критикой поэзіи Пушкина Писаревымъ. Какъ послѣднему, реалисту и позитивисту, необходимо было развѣнчивать великаго русскаго поэта, осмѣивать его, такъ и Максу Нордау, преслѣдующему въ книгѣ „Вырожденіе“ извѣстную цѣль, необходимо было представить Боделэра извращеннымъ эротоманомъ и сумасшедшимъ. Но врядъ-ли можетъ служить доказательствомъ ненормальности Боделэра то обстоятельство, что онъ сошелъ съ ума, что его разбилъ параличъ?.. Сколько блестящихъ писателей, ученыхъ и дѣятелей тогда бы пришлось признать психопатами!

Но Максъ Нордау, не говоря уже о томъ, что онъ приводитъ лишь отрицательныя стороны Боделэровской поэзи, напоминая въ этомъ отноше- нии тѣхъ современниковъ Боделэра, которые осу- дили книгу поэта во имя нравственности, не вни- кая въ сущность поэзи, онъ видитъ одну „бездну“, но не видитъ духа, томящагося въ этой безднѣ, стремящагося постоянно къ вѣчному „идеалу“. Нордау, приведя въ подтвержденіе своихъ „силь- ныхъ“ мнѣній о произведеніяхъ поэта, группи- руетъ выдержки и раздробляетъ ихъ такъ, какъ это необходимо для преслѣдуемыхъ имъ цѣлей. Такъ, напри- мѣръ, приведя содержаніе стихотворе- нія „Падалъ“, онъ беретъ, дѣйствительно, омерзи- тельную картину разлагающагося трупа, но не при- водитъ заключительной строфы этого стихотворенія, гдѣ поэтъ говоритъ:

Тогда, о, скажи тѣмъ червямъ, что твои
поцѣлуи,
Ѣсть будутъ, скажи имъ, моя красота,
Что помнить я буду подругу свою дорогую,
Что въ смерти жива дорогая мечта...

Такимъ образомъ этой послѣдней строфой поэтъ отмщаетъ проклятой тлѣнности безсмертіемъ дорогого и милого воспоминанія.

Нѣтъ, Боделэръ не молится одному лишь діа- волу, и совсѣмъ даже онъ не молится ему; онъ обращается къ Богу, со словами:

„Тебя, котораго единственно люблю, я
умоляю
Изъ темной глубины пучины, куда мой
духъ упалъ!“

Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

„О, Господь! созерцать эту мерзость дай
силы,
Дай мнѣ силы — и тѣло и душу мои
созерцать!“

Въ своемъ стихотвореніи: „День разчета“ Боделэръ выражаетъ ту же идею, что и евангельская притча „о талантахъ“.

Боделэръ не смакуетъ зловоніе, какъ говоритъ М. Нордау (то же самое онъ говоритъ объ Э. Зола), но онъ слишкомъ реагировалъ на запахи... И откуда Нордау взялъ, что Боделэръ любитъ лишь запахи гнили и разложенія?..

„Какъ кадило цвѣты въ воздухѣ чистый
струятъ испаренья,
Ароматы и звуки несутся въ неслышномъ
теченіи!...“

Вдыхать ароматъ волосъ любимой женщины (пусть даже кожи, какъ говоритъ Нордау), не значитъ еще любить зловоніе.

И развѣ мистицизмъ сроденъ однимъ психопатамъ?

Развѣ протестъ не свойственъ человѣку, и если, протестуя, человѣкъ принимаетъ въ распрѣ братьевъ библейскихъ сторону не Авеля, а Каина, изъ этого развѣ слѣдуетъ, что человѣкъ поклоняется діа-

волу?—Неужели Байронъ также поклонялся и исповѣдывалъ діавола?

Если въ стихотвореніи „Молитва язычника“ поэтъ взываетъ къ сладострастію, значить-ли это, что сладострастіе—культъ самого поэта?

„У романтиковъ мы находимъ всѣ чувства извращенности, — говоритъ М. Нордау: у В. Гюго фантазія дика и необузданна...“.

Я-бы сказалъ, что романтизмъ свойственъ всякому человѣку, тѣмъ болѣе въ юности... Боделаръ, дѣйствительно, скучаетъ — но не отъ отсутствія внутренняго содержанія, какъ хочетъ въ томъ увѣрить читателя М. Нордау, а лишь отъ несовершенства окружающаго міра,—и своей скукѣ, своему „сплину“ онъ противопоставляетъ „идеаль“, къ которому и стремится всей своей измученной душой.

И какъ ни мрачна подчасъ поэзія Боделара, какія картины омерзительныя онъ ни рисуетъ, и въ книгѣ „Цвѣты зла“ вижу не букетъ ядовитыхъ и зловонныхъ цвѣтовъ, а вижу лишь „тоску по идеалу“, и совсѣмъ не вижу выраженія скуки безъ всякаго содержанія.

Я скорѣе раздѣляю мнѣніе П. Бурже, котораго Нордау называетъ „пустозвономъ и краснобаемъ“ и который говоритъ о Боделарѣ:

„Его глубокое презрѣніе къ избитому проявилось въ чрезмѣрныхъ парадоксахъ и мистификаціяхъ... Многіе, даже самые проникательные читатели подчиняются опасенію, что великое презрѣніе поэта ихъ обманетъ и поэтому отказываютъ ему въ должномъ уваженіи“ (какъ это и случилось съ М. Нордау, скажу я въ скобкахъ).

Конечно, если бы Боделаръ былъ таковъ, ка-

кимъ его рисуеть М. Нордау, онъ былъ бы достойнымъ родоначальникомъ „декадентизма“, какoвымъ его многіе и считаютъ, но въ томъ-то и дѣло, что Боделэръ не былъ „декадентомъ“ въ томъ смыслѣ, какимъ являются декаденты, осмѣянные Вл. Соловьевымъ въ его остроумныхъ критическихъ статьяхъ о современныхъ декадентахъ въ „Вѣстникѣ Европы“. Мы не отрицаемъ, что въ Боделэревской поэзіи есть отрицательныя уродливыя стороны, но онѣ, такъ сказать, являются внѣшнимъ выраженіемъ, за которымъ скрывается глубокое внутреннее содержаніе. Взавъ отрицательныя эти стороны себѣ за образецъ, декаденты развили ихъ до крайности, отбросивъ всю глубину содержанія; вмѣсто того, чтобы подражать духу, сущности, они подражаютъ нѣкоторой, не всегда удачной, формѣ.

Мы остановимся здѣсь на отрицательныхъ сторонахъ поэзіи Боделэра, чтобы, покончивъ съ этимъ, остановиться на духѣ его поэзіи, которая заслужила ему славу глубоко-чувствующаго поэта-пессимиста и которая поставила его въ ряду первыхъ французскихъ стилистовъ.

Крайности Боделэру не чужды, и онъ откровенно говоритъ объ этомъ самъ, разсуждая о томъ, что есть и чѣмъ должна быть поэзія: „въ концѣ концовъ не много шарлатанства всегда дозволено гению, даже приличествуетъ ему. Это все равно, что румяны на щекахъ жевщины, красивой отъ природы, эти румяны—новая приправа для ума“. Эта фраза весьма характерна для Боделэра и указываетъ на пристрастіе поэта къ искусственному. Онъ не скрывалъ этого пристрастія, и первый назвалъ

себя „декадентомъ“, но конечно не въ современномъ значеніи этого слова.

Говоря о декадентахъ, онъ имѣлъ въ виду фатальную неизбѣжность превращенія языка у народовъ и цивилизацій, гдѣ жизнь искусственная устранила жизнь природы, развѣвъ въ людяхъ невѣдомыя ранѣе потребности, когда неизбѣжно вырабатывается новый стиль подобный тому, какой выработался у римлянъ время упадка...

Этотъ стиль, такъ сказать, послѣднее дыханіе могучаго человѣка, уже преображеннаго, готоваго для жизни духовной. Такой языкъ лишь и способенъ для выраженія страсти. Болѣе раннія, и, слѣдовательно, болѣе наивныя, эпохи могли ограничиваться для выраженія своихъ мыслей, для изображенія внѣшней и внутренней жизни человѣка словаремъ рассиновскаго діалекта, но эпоха болѣе сложная (таковой Боделаръ и считалъ свое время) требуетъ уже болѣе богатаго языка, чтобы передать современные идеи, мысли, понятія во всей ихъ безконечной сложности, въ ихъ измѣнчивомъ и многократномъ колоритѣ. И Боделаръ, который такъ неважно сдалъ свои экзамены на бакалавра, именно создалъ такой стиль.

„Онъ любилъ,—говорить Т. Готье,—тотъ стиль, который такъ неопредѣленно называютъ стилемъ упадка (*décadence*), но который есть нечто иное, какъ искусство, которое достигло той зрѣлости, что своимъ свѣтомъ, своими скрытыми отъ глазъ солнцами затмѣваетъ уже старѣющую, уже одряхлѣвшую культуру и цивилизацію: этотъ стиль полонъ замысловатости, полонъ изысканности и нюансовъ, онъ стоитъ внѣ предѣловъ языка, онъ не раболѣп-

ствуешь передъ нарѣчіемъ, онъ преисполненъ самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ и изысканныхъ словосочетаній; этотъ языкъ расширилъ свои границы до крайнихъ предѣловъ, онъ черпаетъ свои сокровища во всѣхъ словаряхъ мѣстныхъ и техническихъ, онъ беретъ краски со всѣхъ палитръ, звуки у всѣхъ существующихъ инструментовъ, онъ умѣетъ приспособить мысль къ вещамъ, всего труднѣе поддающимся выраженію, форму къ очертаніямъ, наиболѣе смутнымъ и неуловимымъ, онъ способенъ передавать самыя утонченныя тайны невроза, признанія старѣющей страсти, развратъ, галлюцинаціи и помѣшательство, переходящее въ безуміе. Этотъ стиль упадка есть послѣднее слово языка“.

И такимъ вотъ языкомъ, такимъ стилемъ пользовался Боделэръ въ совершенствѣ, иногда слишкомъ, впрочемъ, сгущая краски этого языка, но это лишь тогда, когда надо выразить какое-нибудь любопытное, оригинальное исключеніе, какую-нибудь невѣдомую сторону души или предмета; но когда это не необходимо Боделэру, у него языкъ такъ чистъ, свѣтелъ, правиленъ и точенъ, что самыя взыскательные люди не могутъ этого не признать. Въ стихахъ Боделэръ болѣе утонченъ, болѣе изысканъ, чѣмъ въ прозѣ, напримѣръ въ своихъ „Поэмахъ въ прозѣ“, гдѣ, по словамъ того же Готье, Боделэръ однимъ удачно выбраннымъ эпитетомъ, словомъ можетъ выразить болѣе, чѣмъ иной писатель цѣлыми страницами.

И если подчасъ описанія Боделэра слишкомъ ужъ физиологически противны, то они почти всегда покрываются идеей вещи, гдѣ таковое описаніе су-

ществуетъ; и люди изъ одной лишь формы, отрицающіе всю поэзію Боделэра, похожи на тѣхъ людей, которые брезгливо бросаютъ раковину, въ которой скрыта черная жемчужина лишь потому, что раковина въ иномъ мѣстѣ покрыта вонючимъ иломъ и тиной.

Къ недостаткамъ Боделэра надо отнести и его манерность; но выше мы говорили, что манерность его была, такъ сказать, въ его натурѣ.

Онъ проходилъ мимо обыденныхъ, подчасъ весьма интересныхъ, жизненныхъ явленій, и останавливался на явленіяхъ, слишкомъ экстравагантныхъ, странныхъ, подчасъ чудовищныхъ. Стоитъ остановиться на такихъ стихотвореніяхъ, какъ „Падалъ“, „Мученица“, „Пляска Смерти“, „Хмѣль убійцы“, „Поѣздка на островъ Цитеру“, „Проклятыя женщины“, „Какъ трупъ коченѣлый.“ и на нѣкоторыхъ другихъ. Надо признаться, что сюжеты мало того, что мрачны, но если бы за этими описаніями и рискованными образами, за дикой и болѣзненной фантазіей не скрывались всегда очищающей эти картины *идеи*, они были бы (тогда можно было бы согласиться съ Нордау) ненужно-отвратительны, даже порочны...

Какъ же это объяснить, что писатель, ненавидѣвшій зло, какъ „уклоненіе отъ законовъ математики и нормы“ рисуетъ подчасъ, какъ это кажется съ перваго взгляда, исключительно зло и порокъ?

Необходимо вернуться къ характеру поэта. Мистификація не была чужда Боделэру. Вспомнимъ, какъ иногда, съ самымъ спокойнымъ видомъ, онъ поддерживалъ и защищалъ вещи безконечно-нелѣпыя. Но не одной лишь мистификаціей надо объ-

яснить крайніе образы и картины Боделэровской поэзіи...

Боделэръ не думалъ, что человѣкъ рожденъ добрымъ; онъ допускалъ врожденную испорченность, какъ элементъ, который можно найти въ глубинѣ самыхъ чистыхъ душъ, развращенность, какъ дурного совѣтчика, который толкаетъ человека дѣлать то, что для человека — гибель *и именно потому лишь, что это для него гибель.* („Чувство извращенности“, такъ хорошо описанное Эдгаромъ Поэ), изъ удовольствія лишь попрасть законъ... Онъ разсматривалъ эту извращенность, какъ въ другихъ, такъ и въ самомъ себѣ, и „бичевалъ ее, какъ преступнаго раба, застигнутаго на мѣстѣ преступления... И въ своихъ произведеніяхъ, рисуя иногда порокъ, какъ нѣчто роковое, неизлѣчимое, онъ въ виду такого взгляда воздерживался отъ всякихъ поученій, да и не въ духѣ Боделэра читать мораль, онъ только старался уйти отъ этой мерзости, или старался подавить собственное чувство отвращенія, взывая къ Богу, чтобы онъ далъ ему силы безъ отвращенія созерцать эту мерзость души и тѣла. Трактую подчасъ о его жестахъ мерзкихъ, отвратительныхъ, болѣзненныхъ, онъ говоритъ о нихъ съ наружнымъ спокойствіемъ, но полный ужаса, того самаго ужаса, граничащаго съ очарованіемъ, который застываетъ замагнитизированную глазами змѣи птичку итти навстрѣчу змѣиной смрадной пасти... Но Боделэръ мощнымъ ударомъ своихъ крыльевъ, которыя поднимали его къ идеалу, разрушалъ это проклятое очарованіе, и на окрѣвшихъ крыльяхъ подымался въ заоблачную лазоревую мистическую высь.

И вотъ отчасти изъ свойственной Боделэру любви къ мистификаціи, отчасти отъ того, что онъ былъ слишкомъ пораженъ (загипнотизированъ) иной картиной зла или порока, иногда для большаго отбъненія чистой идеи, Боделэръ беретъ рискованный образъ, или правдивую до отталкивающего реализма картину...

Оюда надо отнести и стихотвореніе Боделэра „Акаеиствъ Сатанѣ“—богу зла и князю міра сего. Это одна изъ обыкновенныхъ холодныхъ и безжалостныхъ ироній автора. И напрасно искать и видѣть въ этой вещи предумышленное издѣвательство надъ религіозностью, проповѣдь нечестія, кощунство.

Нечестіе не въ природѣ Боделэра, который вѣрить въ высшую математику, установленную Богомъ на вѣки и прежде всѣхъ вѣковъ, вѣрить, что малѣйшее нарушеніе этой математики наказывается самыми суровыми карами не только въ этомъ, но и въ будущемъ мірѣ. И если онъ нарисовалъ и показалъ Сатану, въ его всей пышности и величіи, это не изъ угожденія ему, не для поклоненія, не для прославленія... У него есть даже предубѣжденіе довольно странное о діаволѣ, какъ объ искушителѣ, и его когти онъ видитъ вездѣ и повсюду... Словно для человѣка недовольно одной врожденной извращенности, чтобы толкать его на грязь, къ безчестію и къ преступленію!.. Преступленіе, ошибка у Боделэра всегда сопровождается угрызениями, томлениями, отчаяніямъ, отвращеніемъ, наказывается само собою, содержитъ кару въ самомъ себѣ. Это самая худшая мука!“.

Съ этими словами Т. Готье нельзя не согла-

ситься. „Акаоистъ Сатанѣ“, помѣщенный въ отдѣлѣ „Протестъ“—есть не что иное, какъ протестъ извращенности, противъ высшей силы, противъ высшаго милосердія, человѣка, погрязшаго въ бѣдствіяхъ жизни, протестъ, оправленный въ поэтическую иронию.

Манерность письма и изысканность образовъ, преувеличенная любовь къ контрастамъ, тяжелые эффекты—все это можно отнести къ минусу поэзіи Боделэра. Но его ошибки также оригинальны, какъ и его достоинства, и даже тамъ, гдѣ онъ не нравится, онъ, такъ и кажется, именно этого и добивается изъ-за какой-то особой эстетики, изъ какого-то противорѣчія съ самимъ собою. Объ этомъ можно долго спорить.

Поэтъ-мистикъ Боделэръ особенно любитъ сумерки—часы, когда встревоженная дневной сутолокой душа, отдыхаетъ, отдаетъ себѣ отчетъ о прошломъ, когда кругомъ все тихо—и эта тишина такъ гармонируетъ съ жаждущей покоя душой, и, вѣроятно, потому, что ночь ему нравится, какъ пора, умиряющая страсти, дающая забвеніе, онъ переноситъ любовь и на животныхъ, которыя живутъ особенно полной жизнью лишь ночью: онъ любитъ совъ, которыя днемъ ему кажутся изваяніями какихъ-то странныхъ боговъ, боящихся движенія, такъ неподвижно сидятъ они мѣрными рядами на вѣтвяхъ тисовыхъ деревьевъ, летучихъ мышей, кошекъ...

Особенно Боделэръ любилъ кошекъ, онъ ихъ обожалъ, считалъ гениями (*genius loci*), и посвятилъ имъ немало красивыхъ нѣжныхъ стихотвореній, и упоминаетъ о нихъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ. Въ „Цвѣтахъ зла“ три стихотворенія о

кошкахъ. Боделэра прельщала таинственная, кабалистическая сторона кошекъ, фосфорическій взглядъ ихъ зеленыхъ глазъ, выдѣленіе электрическихъ искръ изъ ихъ эластичныхъ шеурокъ, ихъ любовь къ свободѣ, ихъ неподвижность и домосѣдность, ихъ мудрость, онъ считалъ ихъ всегдашней принадлежностью кабинета Фауста или какого-либо ученаго алхимика.

У Боделэра изъ всѣхъ чувствъ особенно было развито чувство обонянія, онъ сопоставляетъ запахи съ красками, подобно тому, какъ въ физиологій сопоставляются и связываются ощущенія свѣта и звука. Боделэръ дѣлитъ запахи на классы, каждый изъ нихъ возбуждаетъ въ немъ различныя мысли, идеи, чувства и воспоминанія, и особенно возбуждаютъ его сильные запахи мускуса, амбры, бензоа, ладона.

„Mon âme voltige sur les parfumes, comme l'âme des autres hommes voltige sur la musique“.

Мы начали настоящій очеркъ тѣмъ, что привели выдержку изъ письма В. Гюго къ Боделэру. Приведемъ еще нѣкоторые отзывы о „Цвѣтахъ зла“ современниковъ Боделэра.

Эдуардъ Тьерри сравниваетъ Боделэра съ Мирабо и въ то же время съ Дантомъ, говоря, что знаменитый флорентинецъ узналъ бы не разъ во французскомъ поэтѣ „свою фугу, свою ужасающую фугу, свои безжалостные образы и звучность своего бронзоваго стиля“; онъ называетъ „Цвѣты зла“ шедевромъ свирѣпой дѣйствительности, книгой роскошнѣйшаго стиля и поучительной жестокости.

Ф. Дюламонъ, останавливаясь на мрачности сюжетовъ, о которыхъ трактовалъ Боделэръ въ своихъ

„Цвѣтахъ зла“, удивляется тѣмъ ропотамъ и крикамъ, что раздались при рожденіи книги, и спрашиваетъ: развѣ поэтъ отвѣтственъ за жизнь или за свои сюжеты; это все равно, что назвать Ювенала разбойникомъ, а Шекспира убійцей. Боделэръ,—говоритъ Дюламонъ,—въ своихъ повѣствованіяхъ великолѣпно искренень, полонъ терпимости и кротости; ни въ характерѣ, ни въ поэзіи Боделэра нѣтъ ничего сатанинскаго.

Д'Авревилль восторженно отзывается о „Цвѣтахъ зла“. Онъ говоритъ:

„Въ столь развращенную книгами эпоху, какова наша, „Цвѣты зла“ не принесутъ зла. Это мы осмѣливаемся утверждать. Они не принесутъ зла не только потому, что мы—митридаты въ отношеніи всяческихъ ужасныхъ снадобій, но по причинѣ болѣе основательной. Вся эта книга—это стонъ; и глубина стона этой книги должна произвести эффектъ, абсолютно обратный тому, чего такъ видимо боятся. Вѣрьте заглавію книги лишь на половину.—Книга Боделэра — не только одни *Цвѣты зла*. Это экстрактъ самый жестокій, самый сильный, который когда-либо добывался изъ этихъ окаянныхъ и проклятыхъ цвѣтовъ, и мука, вызываемая подобными ядами спасаетъ отъ опасности быть ими опьяненными...

...Возмущая своей правдой, какъ это часто—увы!—бываетъ въ мірѣ грѣха и паденія—эта книга всегда будетъ нравственной... Поэтъ изобразилъ послѣдовательно всѣ акты божескаго возмездія... Боделэръ не стойкъ и не цензоръ. Но когда необходимо истерзать человѣческую душу терзаніями души своей, онъ рѣшителенъ и чуждъ страданія,

какъ тотъ, что разбираетъ тѣло свое послѣ чтенія Платона. Сила, карающая жизнь. — еще безжалостнѣе и хладнокровнѣе... Богъ у Боделэра—это безконечное возмездіе... Поэтъ ужасный, но и самъ полный ужаса, хотѣлъ вдохнуть въ насъ омерзѣніе отъ этой ужасной корзины, полной цвѣтовъ, которую онъ—весь блѣдный—несетъ на головѣ своей; чело его блѣдно и измождено подъ тяжестью этой мерзости... Вотъ тутъ-то, поистинѣ, великое зрѣлище!...

Мы, конечно, не будемъ утверждать, что поэзія „Цвѣтовъ зла“—поэзія себялюбивая. Безъ сомнѣнія, будучи тѣмъ, что мы есть, мы всѣ (даже самые сильные изъ насъ) вносимъ какія-нибудь кровавыя лохмотья нашего сердца въ свои произведенія, и поэтъ „Цвѣтовъ зла“ повинуется этому закону, какъ и всякій изъ насъ... Хотя и большой лирикъ въ выраженіяхъ и порывахъ, Боделэръ въ сущности поэтъ драматическій... Его книга безымянная драма, въ которой онъ—всемирный актеръ, и вотъ почему она не стѣсняется ни ужасомъ, ни отвращеніемъ, ни тѣмъ изъ того, что можетъ произвести наиболѣе мерзкаго испорченная и извращенная натура человѣческая. Шекспиръ и Мольеръ стѣснялись еще менѣе деталями, возмущающими выраженіями, когда творили—одинъ своего *Яго*, другой—своего *Тартюфа*... Онъ игралъ комедію, но комедія эта была полна крови,—какъ говорилъ о немъ Паскаль.

Ah! Seigneur! donnez-moi la force et le courage,
De contempler mon coeur et mon corps sous gégout,
молился такъ Боделэръ.

Все въ „Цвѣтахъ зла“ звучитъ невѣдомымъ въ литературѣ тономъ.

Въ авторѣ „Цвѣтовъ зла“ много дантовскаго, но это Дантъ эпохи одряхлѣвшей и падшей, это Дантъ атеистическій и современный, Дантъ, пришедшій послѣ Вольтера въ такое время, которое не будетъ имѣть своего святого Оомы. Муза Данта видѣла адъ въ мечтахъ, муза Боделэра дышетъ этимъ адомъ... Одна приходитъ изъ ада, другая туда идетъ. Если первая болѣе величественна, вторая болѣе взволнована и возмущена. Она не имѣетъ той удивительной эпичности, такъ высоко поднимающей воображеніе и утишающей ужасы своимъ спокойствіемъ, въ которое совершенно исключительные геніи умѣютъ облекать свои произведенія—самыя страстныя, самыя пламенныя. Напротивъ, она полна ужасныхъ реальностей, которыя мы знаемъ, которыя слишкомъ мерзки, чтобы допустить тягостное спокойствіе презрѣнія. Боделэръ не хотѣлъ быть въ своей книгѣ „Цвѣты зла“ сатирикомъ, но тѣмъ не менѣе онъ таковъ, если не по заключенію и по проповѣди, то по крайней мѣрѣ по душевному негодованію, проклятіямъ и воплямъ. Онъ мизантропъ преступной жизни.

Мы не можемъ и не хотимъ ничего цитировать изъ сборника стихотвореній для подтвержденія нашихъ взглядовъ, и вотъ почему: вещь цитированная будетъ имѣть лишь свою индивидуальную цѣнность, а не надо забывать о томъ, что въ книгѣ Боделэра всякое стихотвореніе имѣетъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ удачныя детали, чѣмъ богатство мысли его,— оно имѣетъ большую цѣнность въ зависимости отъ совокупности всѣхъ стихотвореній и мѣстораспо-

*ложеиія ихъ въ книгъ, и не надо уменьшать этихъ достоинствъ, разбивая произведенія... Здѣсь есть скрытая архитектура, планъ, рассчитанный по-этомъ, полный созерцательности и размышлений. Цвѣты зла—не послѣдовательный рядъ лирическихъ стихотвореній, разбѣянный вдохновеніемъ и потомъ собранный въ сборникъ лишь съ цѣлю ихъ соединенія. Они—стихотворенія менѣе, чѣмъ поэтическое произведеніе самаго сильнаго единства. Съ точки зрѣнія искусства и эстетическаго единства они потеряли бы очень много, если бы не блистали въ томъ самомъ порядкѣ, въ который привелъ ихъ поэтъ, вѣдавшій, что творилъ. Но они потеряли бы еще болѣе съ точки зрѣнія эффекта моральнаго!.. Будемъ опасаться, чтобы не ослабить этого эффекта. То, что помѣшаетъ губительному дѣйствию яда—въ этомъ сила Боделэра!.. Послѣ *Цвѣтовъ зла*, кончаетъ свою статью д'Аревилль, для поэта, создавшаго ихъ, остается двѣ дороги: или всадить себѣ пулю въ лобъ, или... сдѣлаться христіаниномъ“.*

Асселино, авторъ обширнаго сочиненія о Боделэрѣ, такъ говоритъ объ авторѣ „*Цвѣтовъ зла*“ и его твореніяхъ:

„Что подумаютъ наши потомки, когда найдутъ въ современныхъ журналахъ эпитетъ дикаря и чудака по адресу *величайшаго создателя ритма и стиля, какого только имѣла Франція со временъ Ронсара...*

...Я не придамъ суду Боделэра за его *преувеличенія*. Всѣ чрезмѣрно—страстные темпераменты, всѣ самодовлѣющіе таланты содержатъ въ себѣ недостатки, которымъ не помогутъ никакіе совѣты. Въ подобномъ случаѣ надо или совсѣмъ упразднить

поэта, или примириться съ его недостатками. Недостатки Делакруа бросаюся въ глаза: первый встрѣчный можетъ замѣтить въ его живописи и дерзость, и небрежность, и уродство лицъ,—во необходимо было двадцать лѣтъ, чтобы поняли роскошный тонъ его красокъ и интензивность его композицій...

Я поздравляю Боделэра съ тѣмъ, что онъ понялъ новое призваніе поэзіи, ибо это есть доказательство силы—очутиться съ перваго же раза съ перваго же взмаха крыльевъ на высотѣ своего времени.

Поэзія Боделэра глубоко образная, живая и живучая, и въ высокой степени обладаетъ качествомъ интензивности и самородности, которыя я требую отъ современнаго поэта. Она рѣдкое дарованіе; онъ полонъ всепрощенія и молитвъ, онъ—прорицатель и духовидецъ. Скажутъ, что порою тонъ его вещей слишкомъ мраченъ, или слишкомъ ярокъ, что поэту, повидимому, нравится верезить тѣ раны, куда онъ вложилъ свой зондъ, но будемъ опасаться и мы въ свою очередь вдаться въ преувеличенія.

Съ тѣхъ поръ какъ мамыши выдумали, что нельзя водить своихъ дочекъ на выставку, большая часть художниковъ оставила изученіе наготы и предалось изученію нарядовъ, ханжеству чувствъ, что разврашаетъ и соблазняетъ болѣе, чѣмъ истинная природа.

Боделэръ замѣчателенъ тѣмъ, что вызываетъ въ глазахъ живую и великолѣпную дѣйствительность, облекаетъ въ плоть и драматизируетъ абстракцію. Это достоинство поразительно въ его стихотвореніи, которымъ открывается сборникъ „Благославленіе“, гдѣ авторъ описываетъ благотворное дѣйствіе несча-

стія въ жизни поэта: онъ родится и мать его полна отчаянія отъ того, что выносила въ своемъ чревѣ этотъ дикій плодъ, этого ребенка столь непохожаго на другихъ, котораго преслѣдуетъ сама судьба; онъ вырастаетъ, и жена его насмѣхается надъ нимъ, ненавидитъ, обманываетъ его, желаетъ ему гибели, но поэтъ черезъ всё эти бѣдствія продолжаетъ итти къ своему идеалу,—и стихотвореніе заканчивается сладостраснымъ гимномъ, величественныхъ, какъ финаль Гайдна:

Поэтъ возводитъ къ небу взоръ лучистый.
И видитъ въ небесахъ чудесный храмъ:
Оттуда свѣтъ струится въ душу чистый
Къ нему, неся прощеніе врагамъ:

„—Благословенъ Дарующій страданье,
Какъ средство чистое намъ, немощнымъ,
Смиряющее плотскія желанья,
Ведущее ко благамъ неземнымъ!

Я знаю уготовилъ для поэта
Мѣстечко ты въ странѣ святой своей,
И призовешь его на праздникъ свѣта,
Силь Ангельскихъ, Престоловъ и Властей

Одна лишь скорбь въ величїи неизмѣнна!
Я изъ нея вѣнокъ сплести бы могъ,—
Но данъ нужна со всѣхъ міровъ вселенной,
Со всѣхъ временъ, чтобы сплести мнѣ тотъ
вѣнокъ—

Вѣнокъ мистическій. Въ его сїяньи
Затмятся драгоцѣнности земли:

Что передъ нимъ небесныхъ звѣздъ мерцанье,
Блескъ солнца, что земные всѣ огни!

Онъ свить изъ чистаго огня и свѣта,
Не изъ земныхъ невидимыхъ лучей
Предъ нимъ день—тьма ночная безъ просвѣта,
Предъ нимъ ничто блескъ смертныхъ всѣхъ
очей!“

Я не думаю, чтобы когда-либо гимнъ великолѣпнѣе былъ воспѣтъ славы поэта, чтобы когда-либо величье скорби и самоотреченія были выражены стихами болѣе великолѣпными“.

По поводу стихотворенія „Мученица“ Асселино, рассказавъ содержаніе этого стихотворенія, говорить: „Ужасомъ вѣетъ отъ этой картины, ужасомъ наполняется сердце. Время объяснить загадку этого стихотворенія и другихъ вдохновенныхъ вещей поэта. Мы такъ приучены къ подлой лести, намъ столько разъ повторяли—намъ всѣмъ—и большимъ, и малымъ — поэтамъ, артистамъ, буржуа, что мы самые добродѣтельные, самые совершенные, самые деликатные люди, что поэтъ, который приходитъ свергнуть насъ съ мнимаго величія, который хочетъ отрѣшить насъ отъ лицемѣрнаго самодовольства, отъ безпечности, заставляетъ насъ бояться, раздражаетъ насъ... „Цвѣты зла!“ Вотъ они эти цвѣты: сплинь, меланхолическое безсиліе, духъ мятежа, порока, чувственность, лицемѣріе, мерзость и пошлость. Развѣ не правда то, что часто наши добродѣтели даже рождаются изъ своихъ контрастовъ? Наше мужество рождается изъ унынія, энергія изъ слабости, воздержаніе изъ неумѣренности и вѣра изъ невѣрія?...

Впрочемъ, Боделэръ не всегда держитъ бичъ въ рукахъ, не всегда онъ ирониченъ, не всегда онъ сатирикъ. Въ стихотвореніи „Врагъ“—нѣтъ ни мрачныхъ идей, ни ужасныхъ картинъ, и этотъ советъ служить единственнымъ ключомъ и моралью книги“.

Въ своемъ письмѣ къ Боделэру Сентъ-Бевъ говоритъ:

„...Я получилъ вашу прекрасную книгу... Я звалъ нѣкоторыя изъ вашихъ стихотвореній, читалъ ихъ въ разныхъ журналахъ; будучи соединены въ одинъ сборникъ, они производятъ совершенно другой эффектъ, другое впечатлѣніе. Сказать вамъ, что впечатлѣніе это — въ общемъ грустное, — это васъ не удивитъ: этого вы и хотѣли достигнуть. Сказать вамъ, что собирая свои *Цвѣты*, вы не отступали ни передъ какими образами и красками, какъ бы ужасающіе и прискорбны ни были они,— это вы знаете лучше, нежели я; этого вы хотѣли также. Вы всецѣло поэтъ школы *искусства*... Вы изъ тѣхъ, которые ищутъ поэзіи всюду, и до васъ другіе искали ихъ въ разныхъ мѣстахъ и областяхъ, еще не изслѣдованныхъ... Вамъ не много оставили мѣста: всѣ нивы земныя и небесныя были почти всѣ сжаты,—ихъ болѣе тридцати лѣтъ обрабатывали лирики подъ всяческими формами — и вотъ пришли вы—поздно—и сказали, я думаю, вы себѣ такъ: „*И отлично, я въ этомъ найду еще поэзію, я найду ее тамъ, гдѣ собирать ее никто еще не осмѣливался, — и я изобразжу ее!* — И вы взяли адъ, вы создали діавола. Вы захотѣли вырвать у демоновъ ноги ихъ тайны. И исполняя это съ тонкимъ остроуміемъ и рѣдкой талантливостью,

роняя, какъ драгоценности, мысли и выраженія, отдѣливая, словно нанизывая жемчугъ, детали, будущи Петраркой ужаснаго, вы имѣете видъ, словно вы играете, а между тѣмъ вы страдали, вамъ было тяжело, вы сокрушались и были полны угрызений, когда говорили о своихъ скорбяхъ, когда рассказывали о своихъ кошмарахъ, когда передавали намъ свои нравственные мученія! О, какъ должны вы были страдать, мое дорогое дитя! Эта особенная печаль—ею дышатъ ваши строки и въ ней я узнаю послѣдній симптомъ больного поколѣнія, прародители котораго намъ хорошо извѣстны. Эта печаль зачтется вамъ!“.

Маркизь де Кустэнъ говоритъ, что Боделэръ отражаетъ, какъ „вѣрное зеркало, духъ времянь и больной страны“.

Эмиль Дешампъ пишетъ Боделэру:

„Вашъ колоритъ, ваша гармонія, звучащая такъ особенно—все это полно совершенства, а дивная тайна формы очаровываетъ сердце! Сколько стиховъ, проникнутыхъ удивительною силой, необыкновеннымъ очарованіемъ! Какіе обороты эпически-новые, какія рѣзмы послушныя, звучныя!.. Будьте всегда такимъ, какимъ вы бываете часто. Вотъ въ одной строкѣ моя критика и сердечная похвала!“.

Въ другомъ мѣстѣ—въ стихотвореніи своемъ по поводу „Цвѣтовъ зла“ Дешампъ говоритъ:

„Этотъ ужасный букетъ „Цвѣтовъ зла“ Боделэра рвутъ, проклиная, на части въ неистовыхъ вопляхъ! Нѣтъ, господа! *Здѣсь реальность - реальность одна!* Зеркало вы разобьете, — останется жизнь!... Живопись, правда, мрачна, но въ ней

нѣтъ ликованія, нѣтъ и разврата. Ужасомъ вѣсть
отъ странныхъ легендъ, но артистъ мѣрно разскажъ
философски спокойно ведетъ“.

И такъ заканчиваетъ свое стихотвореніе Де-
шампъ:

„...лѣчить поэтъ
Лирой своей отъ порока, отъ зла и отъ
страсти
Въ смѣлыхъ стихахъ. (Такъ въ ретортѣ
алхимикъ ученый
Варить лѣкарство, чтобъ вѣчную юность
! найти!)
Онъ устрашаетъ и лѣчить, увѣренъ въ
добрѣ;
Кровью смываетъ онъ грязь, и самъ чистъ
онъ въ безстыдствѣ.
О, Боделаръ, ты великій поэтъ, основатель
Мудрой системы: познанье добра черезъ зло.
Предалъ анаѹемъ злобной творенья твое
Свѣтъ невнимательный. Грозную бурю ты
вынесъ,
Смѣло талантомъ сражаясь съ людскимъ
лицемѣремъ.
Пусть же проклятья звучать, но потомство
постигнетъ
Книгу суровую зла въ изученіи свободномъ.
Сильный талантъ твой познають, поэтъ!
Вѣдь нельзя
Путь весь за нѣсколько ложныхъ шаговъ
осудить!
Мрачная тайна — душа, — безъ сомнѣнья
скрываешь

Ты въ сокровенной глуби—весь законъ
христіанскій.
Долженъ отъ мрачнаго ада, на крыльяхъ
любви
Ты унесись далеко-далеко,—и тогда,
Зло миновавши, для цѣлей иныхъ
воскрешенный,
Царство откроешь ты вѣчнаго свѣта и
блеска,—
И—исцѣленный, оправданный, сердцемъ
мятежнымъ
Рай безконечный обратишь, какъ Дантъ
Алигьери!“

Любовь къ женщинѣ, какъ въ произведеніяхъ всякаго лирика, занимаетъ и въ поэзіи Боделэра, можно сказать, главное мѣсто. О „культѣ черной Венеры“ мы уже упоминали выше. Былъ ли здѣсь искрененъ Боделэръ, или онъ использовалъ этотъ культъ изъ оригинальности,—только женитьба его на мулаткѣ Жаннѣ Дюваръ испортила поэту всю его послѣдующую жизнь, и благодаря, можетъ быть, этой неудачной женитьбѣ, а также печальнымъ воспоминаніямъ дѣтства, Боделэръ былъ достаточно мраченъ въ своихъ взглядахъ на женщину. Любовь къ женщинѣ у него тѣсно сплеталась съ ненавистью. Amo et odi, —старая исторія! Для Боделэра женщина подчасъ являлась страшилищемъ, исчадьемъ похоти, вампиромъ... Онъ искалъ въ женщинѣ лишь граціи, красоты, опьяняющихъ „экзотическихъ“ ласкъ, и не вѣрилъ ни въ умъ, ни въ сердце женщинъ. Пусть даже страдаетъ она, томится, плачетъ,

—она всегда остается мелочной, она всегда ниже мужчины, „влюбленная въ тѣло свое, въ рабствѣ безстыдная“ и всегда порабощающая мужчину. Онъ не скупится на красивые ласкательные эпитеты по отношенію къ женщинѣ, часто, почти всегда, она у него граціозна, прелестна, успокоительна, но всегда—не глубока... Даже къ своей матери онъ относится отрицательно, что видно изъ стихотворенія, которымъ открывается книга „Сплинъ и идеаль“. Въ этой же книгѣ есть стихотвореніе, гдѣ онъ говоритъ о женщинѣ, какъ о пожирательницѣ мужчинъ,—и это стихотвореніе полно какого-то мистическаго ужаса передъ этой „тварью, способной вмѣстить весь міръ въ свой альковъ“, передъ этой силой, способной все разрушать и въ то же время способной произвести генія...

Лишь въ единственной вещи „Признаніе“, Боделэръ полонъ теплаго человѣческаго отношенія къ женщинѣ и видитъ въ ней искреннее чувство, понимаетъ ея печальное положеніе въ современномъ обществѣ...

Но постоянно Боделэръ возвращается къ женщинѣ.

И какъ во всемъ другомъ, такъ и по отношенію къ женщинѣ, онъ не удовлетворенъ земной дѣйствительностью, онъ стремится и ищетъ идеала, стремится въ далекій невѣдомый край, „гдѣ все—покой, любовь и счастье, все—красота, все—сладогтрасть“ и онъ скорбитъ объ исчезнувшемъ раѣ дѣтства, о безгрѣшной любви, о чистыхъ поцѣлуяхъ, о свиданьяхъ украдкой, о бѣготнѣ, танцахъ и пѣсняхъ, онъ вѣчно стремится въ ясную чистую дань небесъ отъ земной душной атмосферы, заражающей насъ міазмами...

Онъ стремится всегда душой, но въ то же время не видитъ выхода изъ житейской дѣйствительности... И только искусство, высшій даръ человѣка, подымаетъ въ немъ духъ. Въ великихъ твореніяхъ великихъ мастеровъ живописи онъ видитъ „маяки“, которые мѣшаютъ человѣку окончательно заблудиться въ дебряхъ житейской пошлости, которые служатъ лучшимъ доказательствомъ, что „человѣкъ рожденъ не для оковъ“...

Поэтъ у Боделэра—всегда жрецъ и пророкъ, съ душой, погруженной въ страданіе... И въ этомъ страданіи очищается душа и сердце человѣка, какъ желѣзо въ горнѣ, и онъ славить Бога,—источникъ страданія:

„Благословенъ дарующій страданье,
Какъ средство чистое намъ немощнымъ,
Смиряющее плотскія желанья,
Ведущее ко благамъ неземнымъ!..

Лишь страданіе—одно страданіе—способно очистить человѣка, дать ему успокоеніе, котораго, быть можетъ, не дастъ и смерть...

Но рисуя несовершенство и мерзости жизни, „гдѣ изъ слезъ нашихъ сдѣлали грязь“, Боделэръ далекъ отъ всякихъ намековъ, онъ никогда не унижается до двусмысленности и никогда онъ не скабрезенъ...

Да, онъ подчасъ циниченъ своей откровенностью, грубъ въ изображеніяхъ порока, невыносимъ своей прямою, но онъ всегда при этомъ серіозенъ, глубоко и трогательно печаленъ въ своемъ тщетномъ стремленіи оторваться отъ житейской пошлости и

грязи и найти идеаль. И поэтому онъ и оставляетъ въ душѣ читателя, хотя и тяжелое, но всегда чистое впечатлѣніе... Онъ рисуетъ пороки такъ ярко, такъ беспощадно правдиво, что онъ *не можетъ* загрязнить сердца: *онъ можетъ убить въру въ жизнь, но отравить душу онъ не можетъ.*

Я, какъ переводчикъ, старался возможно близко передать не только содержаніе, но и манеру и духъ языка Боделэра. Если мнѣ подчасъ это не удавалось, то я отсылаю читателей моего перевода къ подлиннику.

Боделэръ занимаетъ въ поэзіи совершенно особенное мѣсто, и я не могу сравнить его ни съ однимъ изъ извѣстныхъ мнѣ поэтовъ. Пожалуй, онъ напоминаетъ Шелли по своему вѣчному стремленію къ идеалу. Отчасти, какъ находятъ нѣкоторые современники Боделэра, онъ напоминаетъ и Данте по изображеніямъ тѣхъ ужасовъ и мукъ, которыми полна жизнь и душа человѣка; онъ напоминаетъ нѣсколько и величайшаго мірового поэта—Байрона по своему протесту противъ условностей жизни, по „свирѣпой ненависти къ человѣчеству“. Но, конечно Байронъ отражается въ Боделэрѣ „какъ солнце въ малой каплѣ воды“ и въ сравненіи съ поэтомъ титаномъ Боделэръ малъ. Но не надо забывать, что Боделэръ представляетъ изъ себя порожденіе другой эпохи,—эпохи, когда демократическое движеніе 48 года смѣнилось режимомъ Наполеона III и когда этотъ режимъ распространилъ не только надъ Франціей, но и надъ всей Европой удушливую атмосферу мрачнаго отчаянія и безысходной тоски, когда высшіе классы обнищали и стали подавлены, когда впервые раздался возгласъ

соціализма: „Пролетаріи всѣхъ странъ объединяйтесь“, а разжирѣвшая буржуазія апатично замкнулась въ самое себя, отрѣшившись отъ политической жизни, копашась въ мелкомъ развратѣ и сплетняхъ, а высшіе классы и бюрократія погрязли въ продажности, и все общество достигло апогея развращенности и вмѣстѣ съ тѣмъ безсилія.

И Боделаръ, жившій въ это самое скверное время не могъ достигнуть силы громовыхъ проклятій генія Байрона, натуры болѣе глубокой и способной къ активной борьбѣ, жившаго во время болѣе революціонное... И Боделаръ полонъ лишь пессимизма, онъ рисуетъ пошлость и пороки мелкаго общества, онъ, не будучи въ состояніи достигнуть высотъ вѣрованій Байрона,—онъ стремится къ невѣдомому идеалу. И онъ такъ безрадостенъ, нищета вокругъ него такъ громадна, надежды на обновленіе такъ мало, что онъ не можетъ ничего дать кромѣ стремленія къ идеалу и кромѣ глубокой и трогательной любви къ обездоленному и нищему рабочему классу.

Постоянно живя въ Парижѣ, онъ любилъ его предмѣстья, гдѣ наблюдалъ этихъ отверженныхъ и несчастныхъ, и, не имѣя ничего общаго съ Беранже, онъ, какъ этотъ народный французскій поэтъ, полонъ симпатіи, вѣжности и любви къ этимъ выброшеннымъ за бортъ наслажденій жизни людямъ.

Онъ любитъ наблюдать маленькихъ старушекъ, смѣшныхъ и пугливыхъ, которыя когда-то блистали въ свѣтѣ блудницами или святыми и звѣзда которыхъ навсегда закатилась. Онъ такъ любовно описываетъ этихъ „уродцевъ“, которыхъ забыла сама смерть... Онъ описываетъ опьяненіе тряпични-

ковъ, которыхъ вино на мгновение дѣлаетъ самодержцами. Онъ скорбитъ о жертвахъ людского порока, о падшихъ женщинахъ, и, клеймя проституцію—эту язву современнаго общества, никто сочувствуетъ этимъ ужаснымъ жрицамъ любви. Не видя другого исхода для бѣдняковъ, какъ смерть, онъ заманчиво изображаетъ ее, какъ послѣднее тихое пристанище, гдѣ можно отдохнуть отъ усталостей дня.

Но и все человѣчество, страдаетъ ли оно, или веселится и кривляется средь шабаша наслажденій, представляется ему одинаково безумнымъ, страдающимъ и несчастнымъ, и только смерть и здѣсь представляется ему единственнымъ средствомъ изцѣленія; смерть—это *ultima ratio* страданій жизни.)

И въ образномъ стихотвореніи „Путешествіе“ онъ заканчиваетъ это стихотвореніе и вмѣстѣ съ тѣмъ и весь сборникъ „Цвѣтовъ зла“ такъ

Пора, капитанъ старый—смерть!

Подымайте вѣтрила

Снимайтесь съ якоря!... Смерть о, возьми
насъ скорѣй!

Жить скучно... Пусть небо и море темны,
какъ чернила.

Сердца наши полны, ты знаешь, блестящихъ
лучей!

Влей ядъ въ насъ цѣлебный... Пора! мы
хотимъ удалиться!

Пылаетъ нашъ мозгъ, бремя жизни намъ
трудно нести...

Не все ли равно: въ адъ или рай,—только-бы
намъ погрузиться
Въ пучину безвѣстнаго, чтобы тамъ новое
намъ обрѣсти!

Пессимизмъ и скептицизмъ и стремленіе къ идеалу—въ этомъ вся поэзія Боделэра, весь его сборникъ „Цвѣты зла“. Пессимизмъ дѣлаетъ его слѣпымъ, онъ не находитъ ничего достойнаго въ жизни, кромѣ выпрєннихъ ощущеній, которыхъ не даетъ жизнь. Скептицизмъ разрушаетъ въ немъ всѣ иллюзіи,—и даже любовь его, его Беатриче, строить ему козни вмѣстѣ съ его врагами—демонами порока и зла...

И тогда онъ обращается къ своей душѣ, но и тамъ, къ своему ужасу, онъ видитъ, что и онъ, подобно другимъ, стоитъ на краю бездны, онъ видитъ тамъ „оазисъ ужасный въ пустыни тоски“, вмѣсто Эльдорадо онъ видитъ тамъ ужасный образъ казненнаго, его сердце растерзанно когтями и зубами женщинъ, онъ видитъ въ душѣ своей дымящуюся кровь и картины ужаснаго разложенія...

И онъ полонъ человѣческой скорби и отчаянія... Онъ обращается къ Богу и трагическій вопль его звучитъ, какъ безконечный стонъ, проходя красной нитью черезъ всѣ его произведенія:

О, Господь, созернать эту мерзость дай силы,—
Дай мнѣ силы—и тѣло — и душу свои созерцать!...

ЖИЗНЬ.

Стихотвореніе въ прозѣ.

...Мрачныя мысли, тяжелыя мысли...

...Передо мною стоитъ женщина. Она прекрасна, какъ таинственная мечта, какъ божественное вдохновеніе. Она закутана вся прозрачнымъ туманомъ: это моя грѣшная мысль омрачаетъ глаза мои,—и я не могу хорошо разглядѣть черты ея.

Мнѣ больно, мнѣ тяжело...

Мнѣ хочется подойти къ этой женщинѣ, хочется спросить ее: кто она? Кого любить она? Кто въ силахъ любить ее?—Хочется сказать ей много, много... но ноги мои сковываетъ ужасъ, на устахъ моихъ печать молчанія,—и я опускаю глаза, которымъ невыносимо сіяніе этой жгучей красоты.

Зачѣмъ она здѣсь? Чего хочетъ она отъ меня? Зачѣмъ она такъ прекрасна, и что это за ужасъ, который леденитъ кровь въ жилахъ?!

...И я слышу голосъ — грозный, какъ буря, — нѣжный, какъ пѣснь первой любви, — мятежный, какъ волна безбрежнаго океана... Я слышу голосъ,— я очарованъ, но въ немъ мнѣ слышатся проклятія, и онъ звучитъ, какъ цитра въ моихъ ушахъ:

— Я — Жизнь. Я — прекрасна! Иди ко мнѣ, смертный, ты забудешь въ моихъ объятіяхъ о смерти, о несчастіяхъ, и будешь счастливъ, какъ

вѣчно молодой богъ. Иди ко мнѣ!.. Я дамъ тебѣ наслажденіе, страсть,—ты будешь мой,—и я буду любить тебя... Будь же счастливъ... Иди ко мнѣ...

И улыбка раскрываетъ уста ея. Жемчугъ—какъ бѣденъ онъ въ сравненіи съ чуднымъ блескомъ зубовъ ея, какъ заманчива улыбка, и сколько наслажденій сулитъ высоко вздымающаяся грудь.

Я слабѣю. Я готовъ упасть...

Я дѣлаю шагъ къ ней.

— Я богата,—шепчетъ она: платье мое соткано изъ южнаго неба, на немъ блеститъ небесная роса, и брилліантовыя звѣзды сіяютъ на бѣлоснѣжныхъ плечахъ моихъ... Иди ко мнѣ,—и будь счастливъ!.. Любовь моя—рай... Во мнѣ отражается природа во всей своей красѣ... Люби меня,—и ты познаешь тайну жизни... Люби меня!.. Брось свои тяжелыя, мрачныя мысли: что тебѣ до несчастныхъ, когда счастье улыбается тебѣ!

Но я колеблюсь...

— О, не чаруй меня,—не открывай предо мною прекрасныхъ картинъ твоихъ!.. Я умру, не вкусивъ блаженства, не познавъ тайны жизни... Зачѣмъ ты, Жизнь, такъ прекрасна, зачѣмъ ты сулишь мнѣ такъ много?!.. Моя грѣшная мысль готова вѣрить рѣчамъ твоимъ, твое дыханіе уже жжетъ меня... Но тамъ—вдали—вдали—я слышу стоны и хрипѣнія...—О, Смерть задушитъ меня, ревнуя къ тебѣ, Жизнь. Ты прекрасна!—Но Богъ создалъ тебя не для смертныхъ, потому что любить тебя нельзя безнаказанно.

И я поднимаю глаза.

Закутывающій ее туманъ разсѣвается: она сіяетъ красотой ярче, чѣмъ звѣзды въ морозную

зимнюю ночь,—какъ огонь палать ея страстныя, загадочныя очи.

И я готовъ упасть къ ногамъ божественной женщины, и сказать:

— Я люблю тебя, красавица. Пусть будетъ то, что будетъ... Не все-ли равно?.. Я иду къ тебѣ,— я хочу забыться и не думать...

Но блѣднѣетъ вдругъ фигура ея,—и вмѣсто чарующей улыбки красавицы, мнѣ безобразно скалить зубы черепъ, качаясь на хрупкихъ позвонкахъ...

Въ ужасѣ бѣгу я отъ страшнаго скелета и падаю ницъ въ изнеможеніи на землю... И вмѣстѣ со зловоннымъ дыханіемъ доносится до меня нѣжный голосъ:

— Иди ко мнѣ, смертный... Я прекрасна... И я люблю тебя...

ИСТИННОМУ ПОЭТУ

дивному чародѣю французской словесности

МОЕМУ МНОГОЛЮБИМОМУ И НЕЖНО-ДОРОГОМУ

УЧИТЕЛЮ И ДРУГУ

ТЕОФИЛУ ГОТЬЕ

съ чувствомъ

глубочайшаго смиренія

ПОСВЯЩАЮ Я

эти болѣзненные цвѣты.

III. Б.

Какъ миллионъ червей кипитъ и копошится
У насъ въ мозгу миллионъ чертей порочныхъ,
грязныхъ;
Мы дышемъ,—въ легкія струей волнообразной
Незримо съ жалобой глухой къ намъ смерть
струится...

И, если ядъ, насилія, поджогъ, кинжалы
Не изукрасили рисункомъ намъ канву
Всей жизни пошленькой, то только потому,
Что трусимъ подло мы, и храбрости въ насъ мало!

Но среди гончихъ сукъ, пантеръ и скорпионовъ,
Средь обезьянъ и змѣй, средь гадовъ всѣхъ
ползущихъ,
Чудовищъ воющихъ, вижжащихъ и ревающихъ,—
Въ звѣринцѣ нашихъ чувствъ, средь мерзостныхъ
миллионовъ

Пороковъ—есть одно чудовище нѣмое...
Оно не мечется, не воетъ, но звѣкомъ
Однимъ могло бы поглотить міръ цѣликомъ,—
Безъ образа—поганое—и злое, злое...

То—СКУКА!.. Ей снится висѣлецъ позорный рядъ,
Взоръ слезъ невольныхъ полнъ... Все скрыто
целеною...

Читатель, знаешь ты чудовище больное?
—Читатель-лицемѣръ, двойникъ мой и мой братъ!✓

Сплинь и идеаль.

БЛАГОСЛОВЕНІЕ.

Едва по волѣ вашего хотѣнья
 Родился въ этотъ скучный міръ поэтъ,
 Мать,—въ бѣшенствѣ—полна богохуленья,
 Клянеть дитя—и Бога—и весь свѣтъ:

„—Зачѣмъ клубокъ эхиднѣ на свѣтъ родила я,
 Я лучше имъ дала бы грудь сосать!
 Будь проклята та ночь любви, когда я
 Могла его средь страстныхъ ласкъ зачать!

И если стала я противна мужу,
 Родивъ чудовище.—о, горе же ему!
 Коль не могу я выбросить на стужу
 Коль сжечь его, какъ хламъ я не могу,

То даръ небесъ проклятый и несчастный
 Я иначе съумѣю умертвить:
 Растенье гнуть я буду ежечасно,
 Чтобъ почки мерзкія не дать ему развить!“

Питаясь желчною злобою, не зѣаетъ
 Она, какъ цѣль предвѣчную понять, —
 И тѣмъ себѣ въ аду приготовляетъ
 Костеръ за материнскій грѣхъ свой мать.

Межь тѣмъ, подъ тайной Ангела охраной
Дитя безъ ласкъ родительскихъ растетъ
И крѣпнетъ день отъ дня. Нектаръ румяный,
Амброзію—во всемъ онъ ѣстъ и пьетъ;

Играетъ съ вѣтромъ, съ облачкомъ болтаетъ,
Поетъ, сиротство горькое забывъ, —
Хранитель-Ангель слезы проливаетъ,
Смотря, какъ беззаботно онъ счастливъ.

Весь міръ онъ любитъ—Всѣ же ненавидятъ
Его кругомъ, какъ мерзкую чуму,
Всѣ только ждуть, чтобы его обидѣть,
Боль причинять жестокою ему.

Въ хлѣбъ и вино плевки съ золой мѣшаютъ
Ему, злорадствуя; что тронетъ онъ
Рукой своей, брезгливо всѣ бросаютъ;
Его бѣгутъ,—онъ словно прокаженъ...

Его жена на площадяхъ публичныхъ
Кричитъ: „—Онъ сильно любитъ такъ меня,
Что въ міръ рожу я идоловъ античныхъ, —
Тѣмъ памятникъ себѣ воздвигну я!..

Упьюсь я народомъ. Оиміамъ и мурро,
Какъ божеству, себѣ велю курить,
Чтобъ знать, могу-ль въ душѣ его кумиромъ
Одна я быть, одна лишь я царить!

Когда-жъ наскучитъ мнѣ кощунство, злое
Ему на грудь я руку положу,

И, ощутивъ, гдѣ сердце бьетъ живое,
Какъ гарсія я когти въ грудь вонжу;

Изъ груди сердце пылкое я выну,
Какъ птенчика больного изъ гнѣзда
И кошкой я его небрежно кину...
И буду же довольна я тогда!!“

Поэтъ возводитъ къ небу взоръ лучистый
И видитъ въ небесахъ чудесный храмъ:
Оттуда свѣтъ струится въ душу чистый
Къ нему, неся прощенье врагамъ:

„—Благословенъ Дарующій страданье,
Какъ средство чистое намъ, немощнымъ,
Смиряющее плотскія желанья,
Ведущее ко благамъ неземнымъ!

Я знаю, уготовилъ для поэта
Мѣстечко ты въ странѣ святой своей,
И призовешь его на праздникъ свѣта,
Силъ Ангельскихъ, Престоловъ и Властей.

Одна лишь скорбь въ величьи неизмѣнна;
Я изъ нея вѣнокъ сплести бы могъ, —
Но дань нужна со всѣхъ міровъ вселенной
Со всѣхъ временъ, чтобъ сплести мнѣ тотъ вѣнокъ—

Вѣнокъ мистическій. Въ его сіяньи
Затмѣтся драгоцѣнности земли:
Что передъ нимъ небесныхъ звѣздъ мерцанье,
Блескъ солнца, что ~~всѣ~~ земные всѣ огни!

Онъ свить изъ чистаго огня и свѣта,
Не изъ земныхъ невидимыхъ огней;
Предъ нимъ день—тьма ночная безъ просвѣта,
Предъ нимъ ничто блескъ смертныхъ всѣхъ очей!“

II.

АЛЬБАТРОСЪ.

За кораблемъ, скользящемъ по пучинамъ моря,
Безпечно спутники его несутся альбатросы;
Лазури короли, отважно съ бурей спора, —
Совсѣмъ безпомощны, лишь только ихъ матросы

Поймають и кладутъ на палубныя доски...
Недавніе цари, — какъ жалокъ видъ у нихъ!
Волочатся ихъ крылья бѣлыя и плоско,
И неуклюже, словно два весла большихъ...

Крылатый путникъ! ты, что средь небесъ париль,
На доскахъ корабля противень, слабъ, смѣшонъ!
Смѣются всѣ... Тотъ трубку въ клювъ ему вложилъ,
Тотъ, потѣшаяся, хромаетъ, какъ и онъ...

Поэтъ! подобенъ ты властителю Эфира!
Средь молній, бурь, громовъ твой гордый умъ
возросъ;
Низринутый же въ прахъ, средь грязи смрадной
міра,
Волочишь крылья Генія, какъ павшій альбатросъ!..

III.

ПАРЕНІЕ.

Надъ безднами моря, надъ тихой равниною,
Надъ облакомъ—тучей, за гранью міровъ —
Въ надсолнечной сферѣ—въ странѣ дивныхъ сновъ,
Гдѣ звѣзды текутъ вереницею длиною,

Свободно, легко ты несешься, мой духъ,
Какъ ловкій пловецъ отдаваясь теченію;
Смѣясь, въ безконечность стремишься въ пареніи...
Все сладостной тайною полно вокругъ!...

Лети-жь отъ міазмовъ земли отвратительныхъ,
Очистись въ надзвѣдномъ Эфирѣ скорѣй, —
И воздухъ божественный, чудный ты пей,
Купаясь въ огнѣ свѣтоносно—живительномъ.

Забудь свою скуку ты, скорбь позабудь,
Отъ жизненныхъ тяготъ уйди хоть съ усильями...
Тотъ счастливъ, кто можетъ могучими крыльями
Въ небесъ безконечность направить свой путь!

Тотъ счастливъ, чьи ласки могучія, ясныя
Надъ жизнью пошлою могутъ летать, —
Кто можетъ всегда и легко понимать
Языкъ у цвѣтовъ и природу безгласную!

IV.

СООТНОШЕНИЯ.

Природа есть храмъ, гдѣ живыхъ рядъ столповъ
Неясно бормочать невнятные рѣчи;
Лѣсъ символовъ мрачный, гдѣ каждый, при встрѣчи,
Съ другимъ, какъ знакомымъ, вести рѣчь готовъ.

Протяжныя эхо вдали раздаются.
Мѣшаются вмѣстѣ и сходятъ на нѣтъ;
Глубокой ночи отвѣчаетъ разсвѣтъ;
Цвѣты, звуки, запахъ другъ-къ-другу влекутся.

Какъ тѣло ребенка есть запахъ прохладный;
Зеленый, какъ лугъ; какъ музыка пріятный;
— Есть запахъ богатый, мятежный, развратный.

Какъ амбра и ладонъ, какъ мускусъ, бензой...
Тѣ запахи страшны, всеильны, громадны:
Порывы и страсти влекутъ за собой.

V.

Я люблю вспоминать тѣ эпохи, отъ насъ
отдаленныя,
Когда Февъ такъ любовно статуи ласкалъ
обнаженныя,
И мужчины и женщины были любовью полны,
Наслаждаясь безъ лжи, безъ боязни—другъ-другу
равны.

Красотою дышали тѣла благородныя, стройныя,
И дышали здоровьемъ ихъ ласки могучія, знойныя!
Мать-Природа любовно своихъ сыновей охраняла,
Плодовитая—щедро она ихъ всегда одаряла;
Какъ волчица своими сосцами поила вселенную,
Укрѣпляя тѣла ихъ, вливая въ нихъ соки
нетлѣнные.

И былъ въ правѣ гордиться тогда человѣкъ
красотой,
Своей силой, отвагой, любовью подруги молодой:
Тѣло женщины гладко-упругое, сильное, нѣжное
Замирало,—и страсть ихъ вздымалась, какъ море
безбрежное!

Но теперь, когда хочетъ поэтъ посѣтить тѣ мѣста,
Гдѣ царила въ величьи природномъ своемъ красота,
Гдѣ царила любовь безъ жеманной и пошлой
стыдливости,—

Содрагается онъ, и душа, наполняясь гадливостью,
Цѣпенѣтъ при видѣ теперешней жалкой картины:
Измѣнилось тѣло... Въ корсетахъ оно,
кринолинахъ,—

И отъ свѣта скрывается гнусность и мерзость
тѣлесная:

Груды плоскія, брюхи отвислыя, торсы нелестныя!..
Дѣти блѣдны (достойны безстыдныхъ своихъ
матерей),

Словно въ мѣдныхъ пеленкахъ судьба пеленала
дѣтей!..

Вы же женщины, словно изъ воска фигуры
прозрачныя,

Вы развратомъ живете,—и кровь ваша гнойная,
мрачная.

Все потомство тлетворной своей заражает
отравой,—
И царять въ немъ отцовскіе гнусные, мерзкіе
нравы.

Правда, есть и у насъ красота, такъ сказать,
бестѣлесная,
Красота, тѣмъ эпохамъ блаженнымъ совсѣмъ
неизвѣстная:

Это — блѣдныя лица, съ сердечною язвой въ чертахъ,
Это — томная блѣдность съ суровымъ страданьемъ
въ очахъ...

Но все это лишь выдумки музы больной
запоздалыя.—

Красота та не тѣшитъ народы совсѣмъ захудалые.
Мы жалѣемъ объ юности — юности дивной,
далекой,—

Какъ хотѣлось бы намъ эту юность вернуть
издалека!

— Юность чистую, словно вода ключевая
проточная,

Съ свѣтлымъ взоромъ, наивно-безпечную и
непорочную,

Какъ лазурь безконечныхъ небесъ, какъ цвѣты,
что несетъ

Съ собой пѣсни, любовь, ароматы — безъ тяжкихъ
заботъ!

VI

МАЯКИ.

Рубенсъ, садъ лѣни томной ты, рѣка забвенья,
Ты ложе страстное, гдѣ мѣста нѣтъ любви,

Но гдѣ вся жизнь кипитъ въ неустанномъ волненіи,
Какъ воздухъ въ небесахъ, какъ на морѣ струи.

Да—Винчи Леонардъ, ты темное зеркало,
Гдѣ ангелы, смѣясь, ликуютъ въ глубинѣ,
Гдѣ тайной полно все, гдѣ—ледники и скалы,
Гдѣ сосны шепчутъ вамъ о милой сторонѣ.

Рембрандтъ—печальный госпиталь, огромный, смрад-
ный,
Украшенный большимъ распятіемъ Христа,
Гдѣ слышатся молитвы въ стонахъ безотрадныхъ,
Гдѣ тусклый свѣтъ и гдѣ проклятья на устахъ.

Микель-Анджело—смутная долина привидѣній:
Здѣсь Геркулесъ, а рядомъ съ нимъ Христосъ, и
рой

Могучихъ призраковъ, неуловимыхъ тѣней,
Одѣтыхъ въ саваны, грозящихся рукой;

Безумный гнѣвъ борца, безстыдство, наглость фавна,
Все это вмѣстѣ ты соединить съумѣлъ,
Великій умъ и гордость, слабый и тщеславный
Владыка каторжныхъ, которымъ, смерть удѣлъ.

Ватто—веселый карнавалъ съ толпой нарядной,
Какъ мотыльки... смѣются, кружатся, поютъ...
Цвѣты... духи... Отъ люстръ струится свѣтъ гро-
мадный,—

Тревогу, дикое безумье люстры льютъ...

Гойя... Кошмаръ нечистый. Стоны сладострастья...
Безумный шабашъ вѣдьмъ, гдѣ на кострахъ дѣтей

Зародыши варячь, гдѣ льнуть съ подобострастьемъ
Старухи къ демонамъ для мерзостныхъ затѣй...

Делакруа—заливъ, весь алой крови полный,
Нечистыхъ ангеловъ излюбленный притонъ...
Рядъ пихть зеленыхъ тѣнь бросають въ крови волны,
И слышенъ звукъ роговъ, какъ отдаленный стонъ.

Проклятья, пѣсни, ропотъ, крикъ, богохуленья
Рыданья, славословія, потоки слезъ,—
То опій, намъ на мигъ дающій исцѣленье,
То эхо нашихъ чувствъ, родящее міръ грезъ,

То крикъ, повторенный стократно сторожами,
Приказъ, прочитанный милльонами людей,
То нашъ маякъ, горящій яркими огнями,
Призывъ заблудшимся средь горъ, лѣсовъ, степей.

Свидѣтельствомъ, Господь, намъ лучшимъ служить
это,

Что человѣкъ всегда протестовать готовъ...
Рыданье страстное, стремящееся въ лету,
Звучащее все громче изъ вѣка вѣковъ!

VII

БОЛЬНАЯ МУЗА.

Моя бѣдная Муза, увы!—что сегодня съ тобой?
Полнь глубокій мечтательный взоръ твой ночныхъ
привидѣній,

И я вижу, какъ въ немъ, отуманенномъ горькой
слезой
Отражается ужасъ, безуміе, страсть, омерзенье.

Злой ли духъ, иль зеленый мертвецъ, или плутъ—
домовой

Навѣваютъ любовь и боязнь, отравляютъ
сомнѣньемъ

Иль кошмаръ своей тяжелой сурово-мятежной рукой.
Утопилъ твою волю и силу въ глубокомъ теченьи?

Я хотѣлъ бы, чтобъ ты обладала здоровьемъ
обильнымъ,

Я-бъ хотѣлъ, чтобъ твоя волновалась грудь мыслию
сильной,

Чтобъ твоя христіанская кровь, словно ритмы
текла, —

Ритмъ потокомъ,—какъ древніе звучные тоны—
слогъ,

Въ царство дивное дивныхъ пѣсней къ златокудру
Фебу—

Въ царство Пана—владителя жатвъ—въ безконечное
небо!..

VIII

ПРОДАЖНАЯ МУЗА.

О, Муза милая, любовница дворцовъ!
Когда Январь придетъ, начнутъ трещать морозы
И вьюга взвоетъ,—вымолятъ ли твои слезы,
Чтобъ ноги красныя согрѣть, вязанку дровъ?

Ты оживишь ли мраморъ плечъ средь непогоды?
Сквозь ставни дуетъ, и потухъ твой огонекъ;
Языкъ твой сухъ, какъ сухъ твой кошелекъ...
А золото сберешь ли ты въ лазурныхъ сводахъ?

Тогда придется, чтобъ на хлѣбъ себѣ собрать,
Ге Деум, проклиная, въ хорѣ распѣвать,
Иль, какъ ребенку, подавать попамъ кадило,

Иль гаеромъ голоднымъ въ циркѣ предъ толпой
Мѣшая хрипый смѣхъ съ невидимой слезой,
Шутовствовать,—предъ чернью, для тебя постылой

IX.

ДУРНОЙ МОНАХЪ.

Когда то въ древности со стѣнъ монастырей
Въ картинахъ истина святая представала,
И впечатлѣнне ихъ, смиряя пылъ страстей,
Труды суровые монаховъ умѣряло.

И сѣмена Христа цвѣли тогда пышнѣй,
Молва сподвижниковъ великихъ называла,
Которые, живя средь смерти и скорбей,
Смерть славословили, какъ дивное начало.

— Послушникъ скверный я. Душа моя—могила,
Гдѣ вѣчно я живу, гдѣ на стѣнахъ постылыхъ
Картинъ великихъ нѣтъ,—нѣтъ истины святой.

О, рабъ лѣнивый! я, съумѣю ль сдѣлать разъ
Изъ зрѣлица скорбей души моей больной
Работу рукъ моихъ, любовь померкшихъ глазъ?

X.

ВРАГЪ.

Моя юность грозой пронеслась Гремѣлъ громъ,
И лилъ дождь, и лишь изрѣдко солнце свѣтило;
Ни цвѣтовъ, ни плодовъ нѣтъ въ саду ужъ моемъ,
Буря страшная цвѣтъ и плоды истребила.

И осеннія мысли тоскою гнетуть...
Чтобъ вспахать снова садъ, надо страшныя силы!..
Дождь могилъ накопалъ; надо каторжный трудъ,
Чтобъ сравнять въ саду бѣдномъ и скорбномъ
могилы.

Но размытая почва родить ли цвѣты,
Какъ разбитое сердце родить ли мечты?
Пищу сладкую корни найдутъ ли былую?

Злая скорбь! Скорбь—тоска! Время быстро идетъ!
Темный врагъ, что, терзая намъ душу больную,
Кровь изъ сердца сосетъ, и растетъ, и растетъ...

XI.

НЕУДАЧА.

Нужно силу Сизифа имѣть,
Чтобъ снести жизни гнетъ безконечный;

Жизнь коротка, искусство же вѣчно,—
Надо очень работать умѣть!

Въ сторонѣ отъ гробницъ украшѣнныхъ
На кладбищѣ у брошенныхъ плитъ,
Мое сердце безумно стучить,
Словно бьетъ оно маршь похоронный.

— Спать въ землѣ драгоценности, злато,
Не тревожить покой ихъ лопата,—
Далеко въ глубинѣ они спятъ;

Есть цвѣтовъ много необычайныхъ:
Ароматъ ихъ, какъ дивная тайна,—
Но пустыня тотъ пьетъ ароматъ...

ХП.

ПРЕЖДЕБЫВШАЯ ЖИЗНЬ.

Я жилъ подъ сѣнью портиковъ, идущихъ цѣлымъ
рядомъ
Колонъ, у моря чуднаго. Милліонами огней
Закатъ ихъ въ гроты превращалъ; въ сіяніи лучей
Казались гроты тѣ какъ бы бальзатовой громадой.

Морская зыбь небесныя видѣнья отражала,
Сливалась съ красками и съ дивной музыкой
небесъ;

Природа вся полна была несказанныхъ чудесъ;
Закатъ горѣлъ, переливая красками опала.

Тамъ—тамъ я обиталъ въ спокойно-томномъ
упоеньи
Среди лазури, блеска, волнъ. Изъ пальмовыхъ
вѣтвей
Рабы мнѣ вѣяли въ лицо душистымъ опахаломъ:

Они ловили каждый взглядъ моихъ больныхъ очей,
Заботливо стараясь тайну угадать скорбей
Моихъ, и тайну слезъ моихъ и тягостныхъ мученій.

ХІІІ.

СТРАНСТВУЮЩІЕ ЦЫГАНЕ.

Пророческій народъ—цыгане нація, съ горящими
зрачками,
Въ дорогу тронулся вчера. Изъ матерей однѣ дѣтей
За спинами несутъ, другія ихъ прижали межъ грудей,
Обильныхъ молокомъ и ихъ питаютъ смуглыми
сосцами.

Мужья идутъ пѣшкомъ; угрюмо взглядами за
облаками
Разсѣянно слѣдятъ и изрѣдка кричатъ на лошадей;
Повозки тянутся... Все жгучей солнце жжетъ среди
степей..
Природы тайный смыслъ они читаютъ зоркими
глазами.

Завидя ихъ сильнѣй заводитъ пѣснь въ норѣ своей
сверчокъ;

Ельвира стыдливо, дрожа подь одеждою темной,
Склоняется къ мужу-любовнику. Взглядомъ очей
Она умоляетъ улыбки его, той и сладкой и томной
Улыбки, какъ раньше—улыбки безоблачныхъ дней.

Изъ камня сѣдой великанъ—неподвижный и твердый
Несется, рѣки разрѣзая волну, за кормой...

— Склонясь на рапиру—небрежный, спокойный и
гордый—
Разсѣянно смотреть на черную воду герой.

XVI.

ТЕОДОРУ БАНВИЛЛЬ

— 1842. —

Захвативъ всѣмъ запястьемъ за косу Богиню
Искусства,
Крѣпко держишь ты плѣнницу сильной своею
рукой.
О, какъ блещешь ты чудной небрежностью и
красотой,
Какъ владѣешь ты дивными чарами сильнаго чувства!

И теперь еще юный твой взглядъ полонъ страсти
огня;
Вдохновенно и гордо, какъ зодчій—могучій, великій,
Ты возводишь роскошныя зданія и базилики,—
И въ нихъ видно, что мощь разростется безмѣрно
твоя.

О, поэтъ! наша кровь такъ мятежно волнуется въ
венахъ!
Неужли-жъ злой Центавръ намъ подмѣнить одежду
Любви
Отравленной одеждой, смоченной въ змѣиной
крови,
И отравить насъ ядомъ чудовищныхъ гадовъ
презрѣнныхъ,
Местію посланныхъ, что удавилъ молодой
Геркулесь
Въ колыбели своей, и возросъ для любви и
чудесъ.

XVII.

КАРА ЗА ГОРДОСТЬ.

Въ то далекое славное время, когда процвѣтала
Теологія пышной наукой, молва прославляла
Одного изъ ученыхъ, чья слава росла безъ конца...
Силой словъ увлекъ равнодушныя всѣ оныя сердца,
Взволновалъ ихъ, открылъ имъ души безконечной
глубины,
Переспорилъ ученыхъ, и въ славѣ блисталъ оныи—
единиимъ;
И тогда оныи вступилъ, полный гордыхъ властитель-
ныхъ думъ
На тотъ путь, на которомъ итти можетъ чистый
лишь умъ.

И вскричалъ онъ, весь славой и силой своей упоен-
ный

Сатанической гордостью, Разумъ забывъ, вдохнов-
ленный:

— „О, ты, крошка—Исусъ! я подкинулъ тебя высоко!
Но когда-бъ захотѣлъ, мнѣ спихнуть тебя было-бъ
легко,—

И ты сталъ бы насмѣшкой, позоръ твой сравнялся-
бы съ славой

Настоящей твоей,—на тебя лишь поиди я облавой!“

И,—какъ солнечный лучъ исчезаетъ при ставняхъ
закрытыхъ,—

Вдругъ изсякъ его умъ,—все въ мозгу тьмой кро-
мѣшною скрыто,—

Хаосъ мрачный объялъ его яркій божественный
умъ...

Храмъ когда то живой, оживленный разрушенъ;
угрюмъ

Его обликъ, недавно торжественной пышности
полный...

Ночь настала, молчанье; мысль смыли безумія
волны;

Бѣдный умъ сталъ какъ склепъ, отъ котораго
бросили ключъ.

Словно звѣрь одичавшій онъ бродитъ въ поляхъ.
Пусть изъ тучъ

Льетъ дождь, пусть жжетъ солнце—вниманья онъ
не обращаетъ.

Онъ пасется, какъ скоть, ничего онъ не видитъ,
не знаетъ...

Весь въ отрепьяхъ, беспомощный, грязный, безумьемъ
объятъ,
Онъ посмѣшищемъ служить для уличныхъ злобныхъ
ребяты.

ХVIII.

КРАСОТА.

Я прекрасна, о, смертный! прекраснѣй, чѣмъ греза
неясная!

Моя грудь, на которой ужъ многіе пролили кровь,
Создана, чтобы въ сердце поэта вдохнуть всю
любовь

Безконечную и, какъ матерія, вѣчно безстрастную.

Я царю, словно сфинксъ непонятный въ лазурной
пустыни;

Я бѣлѣе, чѣмъ лебедь,—и сердце холодное снѣжное
У меня; тѣла линіи строгія, чистыя, нѣжныя...

Никогда не смѣюсь я, не плачу—нѣмая богиня,

Величавою статуей вамъ я являюсь, поэты,—

Передъ взоромъ духовнымъ въ пластичныхъ и
мѣрныхъ движеніяхъ!

Вы-жъ бессильны меня возсоздать, ваши тщетны
стремленія...

Какъ бы вы ни любили искусство—бессильны вы
въ этомъ!

Эти очи мои, очи чудныя съ вѣчнымъ сіяніемъ—

Эти зеркала чистыя—вамъ не создать ихъ
ваяніемъ!!...

XIX.

ИДЕАЛЬ.

Нѣтъ, никогда, красавицы виньетокъ, мнѣ
очаровать
Вы сердца не съумѣете,—больныя, блѣдныя
созданья;
Въ васъ вижу вѣка пошлаго негоднаго печать,—
Вашъ видъ изысканный не вызоветъ во мнѣ
очарованья!

Пусть Гаварни васъ воспѣваетъ; онъ — хлоровныхъ
дѣвъ поэтъ!
Красоты чахлыя, стада блеющія — ему какъ милы! —
Но мнѣ!... среди этихъ блѣдныхъ розъ цвѣтка
моихъ желаній нѣтъ —
Мнѣ надо идеаль роскошный, розовый и полный
силы.

Чтобъ сердца моего глубокой безднѣ дать любви
забвенье
Нужна ты, лэди-Макбетъ, грозный духъ могучій въ
преступленьи,
Нужна Краса, чтобъ въ ней кипѣли страстью зыбью
океана,

Нужна Ты, чудно, кротко легшая, таинственная
Ночь —
Художника, Творца великаго — Микель-Анджело
дочь —

Съ роскошной грудью, созданной для мощныхъ
жгучихъ усть Титана!

XX.

ВЕЛИКАНША.

Въ оны дни, когда въ мщныхъ восторгахъ рожала
природа
Великановъ-дѣтей, я хотѣлъ бы ютиться у ногъ
Великанши молодой, словно котъ похотливой породы,
Чтобъ всегда ея страсть и восторгъ я угадывать
могъ.

Я-бъ хотѣлъ наблюдать, какъ ея развивается тѣло,
Какъ свободно душа ея въ играхъ ужасныхъ
ростеть,
И угадывать въ влажномъ туманѣ очей ея смѣло
Пламя мрачное въ сердцѣ, въ душѣ ея тягостный
гнеть.

На досугъ я-бъ бѣгалъ по формамъ ея величавымъ,
Я бы ползалъ по склонамъ ея безконечныхъ
колѣней
И порой, въ томный полдень палящій, наскучивъ
въ забавахъ,

Я ее, истомленную, въ полѣ бы всю распласталъ,
И заснулъ бы въ тѣни ея грудей въ истомѣ и лѣни,
Какъ деревня межъ горъ двухъ—и тихо я, сладко бы
спаль.

XXI.

МАСКА.

Аллегорическая статуя во вкусъ Ренессанса.

Эрнесту Христофору
ваятелю.

Вглядись въ сокровище Флоренціи—на диво это:
Какимъ изяществомъ и мощью дышетъ вся она—
Вся эта женщина—блаженная мечта поэта;
Какъ въ мертвомъ этомъ мраморѣ кипуче жизнь
видна!

Прекрасная и мощная, дыша вся сладострастьемъ,
Она какъ будто для любви и нѣги создана,
Чтобъ чаровать досуги сильныхъ міра плотскимъ
счастьемъ.

Взглядись въ змѣиную улыбку; дерзость вложена
Въ нее, и вся полна она желаніемъ мятежнымъ;
Насмѣшливый глубокій томный взоръ огнемъ горитъ,
И, газомъ обрамленное, лицо блистательно и нѣжно,
И все въ немъ властнымъ и побѣднымъ видомъ
говоритъ:

„Я сладострастіемъ полна, любовь меня вѣнчаетъ!“
Созданье дивное величьемъ божества полно,
Оно чаруетъ взоръ и возбуждаетъ какъ вино,—
Но ближе подойдемъ, и—...обаянье исчезаетъ...

О, неожиданность! Проклятье властнаго искусства!
У тѣла дивнаго, волнующаго страстно чувства,
Чудовищная бифефала голова торчитъ!

Но, нѣтъ!.. то маска лишь!.. Пустого украшенья
видь

Скрываетъ настоящаго лица изображенье...

Вотъ посмотри!.. смотри сюда! Вотъ настоящій
ликъ

Безъ лжи, гримасы адской злости... Милое видѣнье

Видно за маскою... И чудится мнѣ скорбный крикъ...

— Ты плачешь, бѣдная великая краса! рѣкою

Текуть обильной слезы изъ сіяющихъ лучей;

И твой обманъ гнететъ меня, и плачу я съ тобою...

Скорбь брызжетъ изъ очей твоихъ милліонами
лучей!

О чемъ скорбитъ она?—Она, краса чья совершенна —

Она, что побѣдила человѣческій весь родъ?

Какое зло грызетъ ей, дивной, сердце потаенно?

Она скорбитъ о томъ, рыдая страстно, что живетъ

Она, что жить должна она вѣка и безконечно...

И ужасомъ ей мраморную наполняетъ грудь

Та мысль, что жить—увы!—здѣсь на землѣ ей надо
вѣчно!...

А намъ?.. а мнѣ?... Наступить-ли конецъ когда-
нибудь?!!..

XXII.

ГИМНЪ КРАСОТЪ.

Ты съ неба-ль высокаго, или ты бездны рожденье,—

Кто ты, Красота? Твои очи ласкаютъ и жгутъ;

Въ нихъ виденъ то свѣтъ, то глубокая тьма
преступленья,

Они, какъ вино, опьяняютъ и въ пропасть влекутъ!

Во взорѣ твоёмъ безконечная тайна витаетъ,
Ты вся аромата, какъ вечеръ, полна безъ конца,
Лобзанье твое вдругъ въ героя дитя превращаетъ,
Героя порой превращаетъ оно въ подлеца.

Изъ ада ли ты, или со звѣздъ лучезарныхъ спустилась?
Самъ Демонъ, собакою, вѣется за юбкой твоей;
Надъ міромъ въ величьи ты грозномъ своимъ
воцарилась
И сѣшь и радость, и грезы, и гибель скорбей.

По трупамъ ты гордо несешься, съ усмѣшкой
презрѣнья,
А ужасъ смертельный забавою служить тебѣ;
Убийство съ восторгомъ лобзаетъ тебя въ упоеньи,
Ты звонко смѣешься и вызовъ бросаешь судьбѣ.

Въ огонь мотылекъ налетаетъ сіяньемъ прельщенный,
Трещить и сгораетъ на свѣчкѣ,—о, радостный мигъ!
На грудь своей милой стремится любовникъ
влюбленный,
А, чудится мнѣ, что онъ къ гробу съ лобзаньемъ
приникъ!

Изъ ада ли ты, или съ неба,—о, что мнѣ за дѣло!
Но я, Красота!—о, Чудовище! полонъ тобой,—
И, если велишь мнѣ, то въ дверь Безконечнаго
смѣло
Пойду за тобой, за невѣдомой дивной судьбой!

Отъ Бога-ль ты, отъ сатаны—все равно! Пусть сирена,
Пусть Ангель ты чистый, ты счастье, ты—радость моя,
Ты вѣчность, весенняя пѣсня средь смерти и тлѣна,
Вселенной царица Единая, Истина дня!! .

XXIII.

ЭКЗОТИЧЕСКІЙ АРОМАТЪ.

Когда вечеромъ теплымъ осеннимъ ко груди твоей
вѣ упоены
Я прильну, и, закрывши глаза, жаркой груди той
пью аромать,—
Полонъ грезъ, вижу я, край далекій, счастливый,
гдѣ ярко горять,
Лучи солнца, струяся съ небесъ монотонныхъ,—
край дивный забвенья;

Чудный островъ лѣнивый, гдѣ въ пышной природѣ
цвѣтеть дивный садъ:
Великаны — деревья, плоды наливные—тамъ все
заглядѣнье;
Тамъ такъ много сулятъ очи женщинъ и чуденъ ихъ
ласковый взглядъ.

Аромать твоей груди пьянитъ—и во мнѣ вызываетъ
видѣнья:
Видю гавань, лѣсъ мачтъ,—паруса колыхаются въ
мѣрныхъ движеньяхъ,
Словно помня о буряхъ недавнихъ, о ярости водныхъ
громадъ,

И изъ роцъ тамариндовыхъ вѣтеръ доносить своимъ
дуновеньемъ
Браговонія сладкія... издали пѣсни матросовъ
звучать...
И въ душѣ все смѣшалось моею: запахъ, пѣсни, и
моря волненье...

Въ путь скорѣй,—къ тихой гавани той, гдѣ душа,
отдыхая.

Вся ухнется восторгомъ отъ звуковъ, отъ красокъ,
духовъ...

Распусти волоса!.. Мой корабль уже несется, ныряя
Въ безконечныхъ объятіяхъ моря, и, небо лобзая,
Флаги плещуть,—и мчусь я въ страну упоительныхъ
сновъ!..

Погрузивъ въ волоса твои голову, я въ упоеньи
Ароматъ ихъ вдыхаю, плывя въ безконечную даль,
И ласкаетъ мой умъ тихой качкою страсти волненье...
Опьяненъ томной лѣнью, я грежу, я полонъ
забвенья,

акъ дитя въ колыбели,—со счастьемъ смѣшались
печаль...

Словно смоль волоса, но я вижу въ нихъ высь
голубую

Неба чистаго, море лазурное, черную ночь...

Тамъ у шеи, гдѣ вьются онѣ, я ихъ страстно цѣлую,
Обоняю въ нихъ мускусъ, кокосъ и смолу дорогую,
Цѣлый міръ ароматовъ, и страсть ужъ сдержатъ
мнѣ не въ мочь!

Долго... долго... Всегда!.. эти волосы буду ласкать,
Буду перлами, жемчугомъ, золотомъ ихъ украшать,
Чтобъ мои вождѣленья въ ея остывали объятіяхъ...
Не она ли мой оазисъ грезъ дивныхъ, мой рай и
проклятье,

Мой родникъ, гдѣ я прошлаго жажду могу утолять?!

Невозможно, и такъ ты жестока, что въ злобѣ
своей безконечной
Всякій день ты готова сердца пожирать страстью
безчеловѣчной?!
Твои очи горятъ, какъ оконныя стекла въ
публичныхъ мѣстахъ,
Иль какъ факелы, что зажжены на распутныхъ
безумныхъ пирахъ;
Они нагло глядятъ на весь міръ, но потухла давно
вся ихъ сила,
Обаянье святой красоты—и въ нихъ тлѣнь, ужасъ
страшной могилы!
О, чудовище страшное! Злая слѣпая машина страстей,
Опьяненная кровью мірской! Отрѣшись ты отъ
страсти своей!
Устыдись! Посмотри на себя!! Видишь въ зеркалѣ
образъ твой чудный
Ужъ поблекъ, твои прелести мертвы, и алчность
твоя безразсудна!
Неужели въ величїи зла, гдѣ ты мудрой считаешь
себя
Никогда не исполнится ужасомъ-скорбью душа вся
твоя,
Когда видишь, что даже Природа въ великихъ
своихъ всѣхъ стремленьяхъ
Отъ тебя сторонится, о, женщина, жрица грѣха и
паденья,
Отъ тебя, какъ отъ твари... И думать, что Геній
ты можешь создать!?

Поношенье великое! Сила способная все разрушать!

XXVII.

Sed non satiata.

Богиня чудная и темная, какъ ночи,
И благовонная, какъ мускусъ и бензой,
Творенье духа, Геній жизни молодой,
Колдунья смуглая, дитя глухой полночи,

Милѣй мнѣ опія и радостныхъ грезъ ночи
Дыханье устъ твоихъ, любовь въ нихъ и покой,—
И вождельнія къ тебѣ струять толпой,
И скуки жажду утоляютъ твои очи.

Но изъ очей тѣхъ двухъ, о демонъ безсердечный,
Вливай въ меня поменьше страсти вѣчной...
Вѣдь я не Стиксъ, чтобъ брать тебя несчетно разъ...

Увы я не могу, безпутная мегера,
Чтобъ утомить тебя, родить въ тебѣ экстазь,
Быть Прозерпиною въ аду любви—безъ мѣры!

XXVIII.

Въ одѣяньяхъ слѣпительно бѣлыхъ своихъ и
струистыхъ,
Когда ходитъ, то, можно подумать, танцуетъ она,
Словно длинная змѣи на палкахъ факировъ-
буддистовъ,—
И такъ плавно, такъ мѣрно, какъ въ морѣ
лазурномъ волна.

Съ якорей мои грезы снимаются
Тихо стремясь въ небеса.

Твои очи—что въ нихъ отражается?
Скорбь-ли, любовь-ли, печаль?
Ничего! Въ ихъ зрачкахъ лишь мѣшаются
Злато и синяя сталь!

А когда ты танцуешь медлительно,
Словно въ истомѣ больной,
Ты съ змѣею сходна оболстительной
Съ пляшущей дивной змѣей.

Вотъ съ безпечностью тихой и милою
Нѣжно головка твоя
Наклоняется съ нѣгой унылою...
Ты хороша, какъ дитя!..

Твое тѣло такъ мѣрно склоняется
Словно корабль на волнахъ
Въ тихой качкѣ безшумно качается,
Реи купая въ струяхъ.

Какъ ручей все бурливѣй становится
Снѣгомъ питаясь съ холмовъ,
Когда пьешь ты, то струйки готовятся
Вылиться съ бѣлыхъ зубовъ;

И мнѣ мнится, вино ты чудесное
(Горькое сильно) ты пьешь,
Мою душу,—и звѣзды небесныя, —
Звѣзды души моей пьешь!..

XXX.

ПАДАЛЪ.

Въ прекрасное утро роскошнаго лѣта, гуляя,
Ты помнишь ли что мы увидѣли вдругъ:
Въ лощинѣ вонючая падаль, на солнцѣ блистая,
Лежала... Ты помнишь ли это, мой другъ?!

Разставивши ноги, какъ женщина въ страсти
безстыдной,
Лежалъ этотъ трупъ, испаря свой ядъ;
Животъ обнаженъ былъ такъ мерзко, цинично,
постыдно,
И воздухъ вокругъ былъ отравой объять.

А солнце свѣтило и жгучѣе все становилось,
Какъ будто хотѣло ту падаль сварить,
И то, что когда то Природой любовно хранилось
Великой Природѣ въ сто-кратъ возратить!

И небо глядѣло на остовъ, спокойно синѣя,
Какъ будто на нѣжный пахучій цвѣтокъ.
Зловоніе было чрезмѣрно... Дрожа и блѣднѣя,
Ты съ крикомъ упала на жгучій песокъ.

Надъ трупомъ носилися мухи, на солнцѣ играя;
Изъ трупа ползли батальоны червей—
Ползли цѣлой массой, какъ будто похлебка густая
Вдоль гнили ужасной, сливаясь съ ней...

Какъ будто волна, то вздымалось, то вновь опадало
Все тѣло стремяся, волнуясь, кипя,—

И словно все тѣло отъ вздоховъ глубокихъ дрожало,
Хотя размножаясь, но всежь не живя!

И музыкой странной звучала надъ трупомъ природа:
Какъ будто бы сыпалось гдѣ то зерно.
Съ ритмическимъ шумомъ, какъ будто бы падали
воды

Въ глубокомъ оврагѣ, дробясь о дно...

Мечта отъ былого!.. Ужь форма совсѣмъ исчезаетъ...
Эскизъ торопливый, который забылъ
Небрежный художникъ и послѣ его лишь кончаетъ,
Не видно чей образъ написанъ тамъ былъ.

А тамъ, за камнями, слѣдя безпокойно за нами,
Желая приняться скорѣй за обѣдъ,
Собака ворчала, сердито сверкая зубами...
Мы ей помѣшали глотать тотъ скелетъ!

И что же? Ты станешь вотъ тѣмъ-же, моя дорогая,
Такою же падалью будешь и ты,
Мой ангелъ прелестный, любовь моя, радость святая,
Звѣзда моей жизни, созданье мечты!..

Да! Будешь ты тѣмъ-же! Я вижу, какъ ты,
разлагаясь,
Царица прелестныхъ восторженныхъ грезъ,
Въ холодную землю ты ляжешь, со смертью вѣнчаясь,
Сгниешь подъ гирляндами сорванныхъ розъ...

Тогда о скажи тѣмъ червямъ, что твои поцѣлуи
Бѣсть будутъ, скажи имъ, моя красота,
Что помнить я буду подругу свою дорогую,
Что въ Смерти жива дорогая Мечта!

XXXI.

ИЗЪ ГЛУБИНЫ ВОЗВАХЪ...

Тебя, Котораго единственно люблю, я умоляю —
Изъ темной глубины пучинъ, куда мой духъ упалъ;
Съ свинцовымъ горизонтомъ въ мѣрѣ сумрачномъ я
обитаю
Средь ужаса и богохульствъ—средь темныхъ мрач-
ныхъ скалъ!

Тамъ солнца нѣтъ! Полгода ночь царитъ зловѣщая,
нѣмая,
Полгода всходитъ блѣдный дискъ безъ свѣта, безъ
тепла,—
И та страна безплодна, какъ земля полярно леде-
ная,
Тамъ нѣтъ звѣрей, ручьевъ, лѣсовъ, земля вездѣ
гола!..

И въ этомъ ужасѣ, который ужасы всѣ превосходитъ,
Средь ночи ледяной—безъ солнца—духъ подавлен-
ный мой бродитъ,
Какъ въ хаосѣ... въ ночи необозримо—вѣчной!

И я завидую судьбѣ презрѣннѣйшихъ звѣрей,
Могущихъ погрузиться въ сонъ тупой въ норѣ
своей...

А время тянется—такъ долго безконечно!!...

XXXII.

ВАМПИРЪ.

Ты вошла въ мое сердце, сіяя,
Какъ блещетъ и острый клинокъ;
Ты могуча, какъ демоновъ стая
Ты сильна какъ безумный порокъ!

И покорный роскошному тѣлу,
Слабый умъ очарованъ тобой,—
И на вѣкъ съ тобой связанъ всецѣло
Я, какъ каторжникъ съ цѣпью стальной,

Какъ съ картежной игрой игрокъ пылкій
Какъ съ могильнымъ червемъ трупъ гнилой,
И какъ пьяница горькій съ бутылкой...
О, будь проклять, вампиръ роковой!...

Мечъ блестящій и ядъ вѣроломный
Я просилъ мнѣ свободу вернуть,
Чтобъ избавиться власти той темной,
Чтобъ забыться, душой отдохнуть...

Но—увы!—ядъ и мечъ отвѣчали
На мольбы лишь презрѣньемъ однимъ:
— Нѣтъ могущества въ ядѣ и стали!
Примирился ты съ рабствомъ своимъ.

О, глупецъ! если бъ Чары той власти
Отравилъ ядъ, или мечъ бы убилъ,—
Поцѣлуйми полными страсти
Трупъ вампиръ бы ее воскресилъ!...

XXXIII.

Какъ трупъ коченѣлый у трупа другого простертый,
Разъ ночью, я возлѣ Еврейки ужасной лежалъ.
Ея красоту созерцая, я тяжело страдалъ,—
И къ тѣлу ея прикасаясь, лежалъ я, какъ мертвый.

И видѣлъ ее я другой—величавой и смѣлой:
Горятъ ея очи, волосъ ея черныхъ волна
Небрежно упала, и вся она страсти полна,
И дѣвственно-чисто упругое нѣжное тѣло.

О, какъ бы любилъ я тебя, будь ты этой—другой!
Сокровищемъ ласки глубокой тебя опьяняя,
Душистыя косы, все тѣло безсчетно лобзая,

Въ пучину восторговъ я-бъ самъ погрузился
душой,—
Когда-бы, хоть разъ, о, царица толпы кровожадной,
Зрачки твоихъ глазъ оросились слезой
благодатной!..

XXXIV.

ПОСМЕРТНОЕ УГРЫЗЕНИЕ.

Когда ты на вѣкъ подь мраморной черной плитою,
Красавица мрачная, сномъ безпробуднымъ заснешь;
Когда, вмѣсто дома и мягкаго ложа, найдешь
Ты склепъ и могилу съ сочащейся сверху водою,—

И памятникъ мрачный, мѣшая людскому забвенью,
Давить будетъ тяжестью робкую грудь,—и желать
И биться онъ сердцу кипучему будетъ мѣшать,
И ножкамъ бѣжать помѣшаетъ тропой
приключеній,—

Могилы наперсница грезы моей безконечной,
(Могилы всегда понимаетъ всѣ думы поэта!)
Шептать тебѣ будетъ средь ночи томительно—
вѣчной:

„Безпечная жрица любви, среди тьмы безъ просвѣта.
Пойми же теперь, что и мертвые могутъ рыдать!»
— И черви сверлить будутъ мозгъ твой и тѣло
глодать.

XXXV.

Когти спрячь и прижмись, мой котенокъ, ты къ
сердцу влюбленному,
И позволь погрузить мнѣ свой взглядъ
Въ эти очи зеленые, очи холодно—бездонныя,
Гдѣ блеститъ и металлъ, и агаты.

Когда я въ темнотѣ шерсть ласкаю твою
эластичную,
Изъ спины твоей искры летятъ;
Какъ пріятно рукѣ моей гладить тѣ формы
пластичныя,
Какъ зрачки твои ярко горятъ!

Этотъ котъ на жену мою славную очень похожъ;
Какъ его, ея холоденъ взглядъ,
И блеститъ онъ, какъ остро-отточенный ножъ;

Такъ изысканъ ея весь нарядъ,—
Съ головы и до ногъ—вся такъ хищно опасна
она,—
Опьяняюще надушена, и смугла и стройна...

XXXVI.

ДУЭЛЬ.

Вотъ два соперника сошлись и устремились другъ—
на—друга.
Оружіе скрестилось ихъ, и искры сыпятся. Въ
крови
Окрасились клинки. — Игра безумная идетъ изъ-за
любви,—
Добычей побѣдителю прivedется милая подруга.

Но вотъ сломались мечи... какъ наша юность,
дорогая!
Но не конецъ еще... Пусть у соперниковъ разбить
металль,—
За сталь отмститъ кулакъ, ихъ зубы, ихъ отточенный
кинжалъ.
— О, бѣшенство сердецъ, созрѣвшей страсти!
Ненависть слѣпая!

Вдыхалъ я аромать живой твоей крови...
Еще горѣлъ закатъ румянцемъ сладострастнымъ!

Спустилась ночь—и скрыла насъ... Погасъ закатъ...
Во тьмѣ мои глаза смотрѣли въ твои очи,
Я пилъ въ твоёмъ дыханьи страсти жаркой ядъ,—
Ты томно грезила среди восторговъ ночи...
Темнѣе, ночь, темнѣй!... Совсѣмъ погасъ закатъ...

Искусство знаю я, какъ вызвать грезы счастья...
Я вижу вновь себя у дорогихъ колѣнъ;
Къ чему искать въ другихъ ту прелесть
сладострастья,
То тѣло, ту любовь... Нѣтъ безъ нея—все тлѣнъ!
Искусство знаю я, какъ вызвать грезы счастья!

Духи, обѣты, страсть и долгій поцѣлуй,—
Вернется это вновь, какъ солнце молодое,
Омывшись всходить средь морскихъ багряныхъ
струй?
Изъ бездны прешлаго воскреснетъ ли былое—
Духи, обѣты, страсть и жгучій поцѣлуй?...

XXXVIII.

ОДЕРЖИМЫЙ БѢСОМЪ.

Солнце скрыто завѣсой тумана. И ты
О, луна моей жизни, окутайся тьмою!
Въ бездну скуки уйди, погрузись,—тамъ съ тоскою
Сни, кури, но молчи... будь полна темноты!

Но порой предо мной возстаетъ призракъ милый,
Милосердный,—онъ созданъ изъ свѣта и силы,
Полны нѣги восточной его всѣ движенья...

И все ярче, яснѣе и рѣзче видѣнїе!
— И я въ немъ узнаю свою гостью желанную;
То она! свѣтоносная, долго-такъ жданная!..

2

АРОМАТЪ.

Ты вдыхалъ ли, читатель, порой ароматы,
Тихо-тихо совсѣмъ, въ упоенїи,—
Запахъ ладона въ церкви, иль мускусъ богатый,
Запахъ розъ, что даетъ вдохновенїе?

Какъ полно волшебство, какъ сильно чарованїе,
Оживаетъ бывшее опять...
Такъ любовникъ, томимый безумнымъ желаньемъ,
Любитъ образъ ея вызывать...

Отъ алькова могучей волшебной струей
Запахъ дивный несется—несетъ живой...
Образъ вызванный полонъ красы упоительной,—

И вдыхаетъ онъ кожи ея ароматъ молодой,
И волосъ, что рассыпались черной волной,
Запахъ нѣги и страсти безумный... томительный...

Гдѣ поцѣлуй ея, дававшій мнѣ забвенье?
Гдѣ страстныхъ грезъ мой рай, дарившій счастья
свѣтъ?!

Осталось что?!—Лишь блѣдное изображенье
Той, что была, которой нѣтъ.

И тотъ портретъ, какъ я, въ уединеньи грустномъ,
Влѣднѣетъ день-отъ-дня,—и время—злой старикъ—
Безжалостно крыломъ стираетъ милый ликъ!..

Нѣтъ! нѣтъ! убійца мрачный жизни и искусства!
Ее ты не убьешь! Въ моемъ воспоминаньи
Она—мой свѣтъ—и слава—и желанье!..

XI.

Если имя мое до эпохъ отдаленныхъ дойдетъ,
Какъ корабль аквилономъ могучимъ гонимый,
И въ душѣ у людей грезой страстной томимой
Себѣ откликъ родной стихъ мой грустно-печальный
найдетъ,—

Образъ твой очаруетъ, какъ пѣсенка няни
любимой,
Сниметъ съ братскаго сердца томительный гнетъ,
Цѣпью приемъ моихъ гордыхъ, что стихъ мой
скуетъ,
Съединится съ мечтами моими, какъ мостомъ
незримымъ...

О, созданье съ проклятой душою, которое знаетъ

Въ небѣ, въ безднѣ меня одного и лишь мнѣ
отвѣчаетъ!
Безучастная къ смѣху безумному смертныхъ
глупцовъ,

Грозной тѣнью скользишь ты надъ міромъ, скорбями
богатомъ,
Ангель съ гордымъ челомъ, чуждый грязныхъ
житейскихъ оковъ,
О, статуя съ глазами, горящими блескомъ агата!

XLI.

Semper eadem.

Спросили вы: „Откуда эта странная печаль у васъ?
Она, какъ океанъ, волнуется и объ утесы бьется!“
— Дитя, поймете вы, когда пробьютъ судьбы суровый
часъ,
Что жизнь есть зло.. Вотъ положеніе, что всѣми
признается.

Нѣтъ скорби не таинственной, нѣтъ скорби черезчуръ
простой!
О, любопытная, о милая,—ея вы не ищите,
И будьте радостны всегда, не вѣдайте ея душой,—
Вашъ голосъ сладокъ, нѣженъ, тихъ... чтобъ онъ
не потускнѣлъ,—молчите...

Молчите, благо будетъ вамъ... Вы веселы, всегда
счастливы,

Улыбка на устахъ играетъ вашихъ... Какъ ни
прихотлива
Жизнь, но она—лишь цѣпь, ей мы прикованы къ
стѣнамъ гробницъ!

О, не касайтесь сердца моего, пусть пѣть оно
обманъ,
Пусть погрузится въ ваши очи, какъ въ роскошный
океанъ,—
И дайте мнѣ уснуть подъ тѣнью вашихъ сладостныхъ
рѣсницъ!..

ХІІ.

ВСЯ ЦѢЛИКОМЪ.

Демонъ утромъ въ покой мой явился
И лукаво меня сталъ пытатъ;
Онъ хотѣлъ, чтобъ я проговорился,
И спросилъ: „Я-бъ хотѣлъ очень знатъ,

Между всѣми восторгами рая,
Чѣмъ владѣть царица твоя,
Упоенье тебѣ доставляя,
Что желаннѣй на тѣлѣ ея,

Тебѣ болѣе сладко?„ — „Проклятый!“
Я такъ демону хитро сказала:
„Мнѣ все въ ней упоенье, все свято,—
Все восторгъ, что-бъ я въ ней ни искалъ.

Все меня въ ней безумно плѣняетъ,
Къ ней любви не могу превозмочь:

Какъ заря она свѣтомъ сіяетъ,
Утишаетъ, какъ темная ночь.

Все гармонія въ тѣлѣ прекрасномъ,
Совершенство ея красота,
Недостатковъ искать въ ней напрасно:
Она нѣга, восторгъ и мечта!

И при ней ненасытны желанья,
Превращеній она тайныхъ рядъ:
Словно музыка—груди дыханье,
Ея голосъ—живой ароматъ!“

XLIII.

Вечеромъ нынче, что скажешь моя ты душа—одиоко
бестрастная,
Что скажешь ты, мое сердце, увядшее сердце
давно,—
Ей—самой чудной, которой нѣтъ лучше, дороже,
прекраснѣе,
Взглядъ чей меня обновляетъ—глубокой, какъ въ
небо окно?

Гордость свою мы заставимъ ей пѣть пѣснопѣнья,
молебны чудесныя!
Что съ ея властью сравниться? Она несравненнѣй
чудесь!
Ангельскимъ запахомъ пышетъ отъ тѣла ея безтѣ-
леснаго.
Очи ея заставляютъ насъ грезить о тайнѣ небесъ!

Будь это ночью, будь это въ пустыни, на морѣ
ревушемъ,
Будь это на улицѣ шумной, въ толпѣ безтолково—
снующей,—
Призракъ ея предо мною въ пространствѣ витаетъ,
какъ пламя,
И говоритъ мнѣ тотъ призракъ: „Ты любишь—то
знаю, конечно, я,—
Но изъ любви той ко мнѣ ты люби лишь прекрасное,
вѣчное;
Ангель-Хранитель—я, Муза, Мадонна!.. я—славное
Знамя!“

XLIV.

ЖИВЫЕ ФАКЕЛЫ.

Съ божественнымъ сіяньемъ Очи предо мной идутъ.
Ихъ намагнитилъ мудрый ангель, мой хранитель
милый;

Меня они, какъ брата дорогого берегутъ,
Алмазнымъ блескомъ свѣтятъ мнѣ съ невѣдомою
силой,

Отъ козней зла и отъ грѣха они меня спасаютъ;
Я рабъ имъ вѣрный, слуги дорогіе мнѣ они,—
Дорогой красоты стопы они мнѣ направляютъ,—
И вѣчно предо мной живые тѣ глаза—огни.

Прелестные глаза! горите вы таинственнымъ
стремленьемъ,

Не меркнете средь дня, какъ пламя восковыхъ
свѣчей,
Краснѣющее въ яркомъ блескѣ солнечныхъ лучей;
Тѣ прославляютъ смерть, а вы зовете къ
пробужденью,
О воскресеніи поете вы души моей,
Свѣтила чистыя, цѣлители моихъ скорбей!

XLV.

ОБРАТНОЕ.

Ангель радости, вы знаете-ль томленье,
Угрызенья, слезы, стыдъ, миллионъ скорбей,
Безпредѣльный страхъ средь ужаса ночей,
Замиранье сердца, полного сомнѣнья?
Ангель радости, вы знаете-ль томленье?

Ангель доброты, вамъ ненависть знакома?
Сжавши кулаки, вы плакали во тьмѣ?
Гнѣвъ, и желчь, и мечь лелѣяли въ себѣ?
Съ неба на враговъ вы призывали громы?
Ангель доброты, вамъ ненависть знакома?

Ангель, полный силъ, вы знали-ль лихорадки,
Мрачный госпиталь, гдѣ призраки больныхъ
Въ корридорахъ бродятъ средь болѣзней злыхъ?
Солнце ихъ не грѣетъ, свѣтя лишь украдкой...
Ангель, полный силъ, вы знали-ль лихорадки?

Ангель красоты, знакомы-ль вамъ морщины?
Призракъ старости грозилъ ли вамъ рукой?

Знали-ль тайный страхъ вы, когда дорогой
Милый ликъ темнѣеть словно безъ причины?...
Ангель красоты, знакомы-ль вамъ морщины?

Ангель полный счастья, радости и свѣта,
Царь Давидъ при смерти васъ бы пожелалъ,
Въ тѣлѣ вашемъ жадно силы-бъ онъ искалъ..
Я-жь прошу у васъ молитвы и привѣта,
Ангель, полный счастья, радости и свѣта!

XLVI.

ПРИЗНАНІЕ.

Одинъ разъ—только разъ,—ты, о, женщина, милая
нѣжная,
Локтемъ дивнымъ своимъ оперлася о руку
МОЮ...

Этотъ мигъ сохранилъ я душою своею мятежною,—
Этотъ мигъ я на сердцѣ храню.

Было поздно. Сіяла на небѣ медалью блестящею
Высоко надъ Парижемъ, смѣясь, большая луна,
И въ торжественномъ сумракѣ ночи лучами
струящими
Всѣ дома озаряла она.

Вдоль дорогъ, въ подворотняхъ скользили походкой
тайственной
Осторожныя кошки, какъ тѣни родныхъ людей,
Что давно уже умерли; тѣни любимыхъ,
единственныхъ
Провожали насъ взглядомъ очей.

Вдругъ среди разговора, свободно и дружно идущаго
(Онъ расцвѣлъ, какъ цвѣтокъ, при сіяніи
блѣдномъ луны),—
Вдругъ изъ Вашей груди, инструмента, столь
дивно поющаго,
Изъ лучистой его глубины.

Гдѣ царила лишь радость,—вырвалась нота
нежданная
И, дрожа, понеслася въ ночи, какъ бы
вздрогнувшей вдругъ,—
Эта нота крикливая, нота мучительно-странная,—
И проникъ въ мою душу испугъ.

Эта нота звучала, какъ стоны ребенка болящаго,
Отъ котораго даже семья отвернулась его,
Въ одиночествѣ, въ грязной постели, печально
кричащаго...

И кругомъ—никого... никого!..

Бѣдный ангель—вы... голосъ звучалъ вашъ
суровымъ страданіемъ:
„Въ этомъ мірѣ правдиваго нѣтъ ничего и
ни въ комъ;”
Эгоизмъ героическій, какъ не велико стараніе
Его скрыть, всегда виденъ во всемъ!

Ремесло это трудно: быть женщиной слабой,
прекрасною!
Какъ противно и пошло танцовщицей вѣчною
быть,
То холодной, то какъ бы сгорающей нѣгою страшною,
То въ привычной улыбкѣ застыть!..

Нѣтъ глуше, какъ вѣрить, коль сердце полно лишь
сомнѣнія!

Красота и любовь—въ этомъ свѣтѣ все
мерзостно лжетъ,
Все бросается въ соръ и въ корзину людского
забвенія,
Въ вѣчность брѣнное все отойдетъ!“

Вызываю я часто ту лунную ночь отдаленную,
То молчаніе томное ночи, ту блѣдную даль,
То признанье ужасное сердца, въ печаль погружен-
наго,—
И такъ страстно мнѣ прошлаго жаль!

XLVII.

ОДУХОТВОРЕННЫЙ РАЗСВѢТЪ.

Когда бѣлый румяный разсвѣтъ съ идеаломъ
прекраснымъ,
Вдругъ проникнетъ нечаянно къ грязнымъ
гулякамъ въ окно,—
Пробуждается мститель, грызущій ихъ, спавшій
давно,
Просыпается въ звѣрѣ вдругъ Ангелъ таинственный,
ясный.

Открывается бездна небесъ безконечныхъ полнѣй
Человѣку—и, если онъ грезить еще и страдаетъ,
Эта бездна далекая манитъ его и ласкаетъ.
Такъ на смрадныхъ развалинахъ оргій и дикихъ
страстей,

О, Богиня прекрасная, ясная, чистая Греза,
Предъ очами моими вдругъ Образъ пронесется
твой,
И я вижу Тебя, И я полонъ одною Тобой...

Пламя свѣчъ стало тусклымъ при солнцѣ...
Блаженные слезы
На рѣсницахъ... Такъ призракъ твой, о, лучезарный
мой Духъ,
Своимъ свѣтомъ безсмертнымъ, какъ солнце, согрѣлъ
меня вдругъ.

⊙ XLVШ.

ГАРМОНИЯ ВЕЧЕРА.

Часъ насталь, когда тихо качаясь на стеблѣ своемъ,
Какъ кадила, цвѣты въ воздухѣ чистый струять
испаренья;

Ароматы и звуки несутся въ неслышномъ теченьи;
Вальсъ печальный звучить, и истомой все полно
кругомъ!

Какъ кадила, цвѣты въ воздухѣ чистый струять
испаренья;

Скрипка страстно рыдаетъ, какъ память о прошломъ-
быломъ;

Вальсъ печальный звучить, и истомой все полно
кругомъ.

И печально прекрасное небо—и дышетъ забвеньемъ..

Скрипка страстно рыдаетъ, какъ память о прошломъ-
быломъ;

Сердце нѣжное смерти боится и полно томленья.
И печально прекрасное небо — и дышетъ забвеньемъ;
Заходя, солнце западъ покрыло кровавымъ огнемъ...

Сердце нѣжное смерти боится и полно томленья.
И хранить оно память о прошломъ блестящемъ
своемъ!

Заходя, солнце небо покрыло кровавымъ огнемъ...
И лучистый твой образъ встаетъ предо мной, какъ
видѣнье...

XLIX.

ФЛАКОНЪ.

Духи очень сильныя есть; черезъ всякіе поры
Ихъ запахъ проходить: чрезъ пробки, стекло и
затворы.

Вскрывая случайно найденный восточный ларецъ
Съ визжащимъ замкомъ, подобравъ къ нему ключъ
наконецъ,

Въ заброшенномъ домѣ, какой-нибудь шкафъ сильно
ветхій,
Гдѣ пыльно, гдѣ плесень, гдѣ запахъ противный и
ѣдкій,

Флаконъ иногда попадетъ, весь пыльный кругомъ,
Откуда бьетъ духъ животворнымъ и мощнымъ клю-
чемъ...

И тысячи думъ зароятся въ душѣ, оживая,—
Какъ бабочки пестрыя, въ солнечныхъ струяхъ
играя,

Все спавшее вдругъ оживаетъ въ потемкахъ души,
Весенніе звуки вдругъ грянуть въ могильной тиши.

Порхаютъ въ пространствѣ всенніа грезы;
забвенъе

Открыло страницы, рождая въ душѣ оцъяненъе...
И меркнуть глаза... Голова закружилась... И грудь
Тисками сдавило... И память твердитъ: „Не забудь!“

И въ вѣчную бездну влечется душа, вся сіяя,
Гдѣ Лазарь смердящій, свой саванъ въ куски
разрывая,

Идетъ, пробудясь отъ могильнаго вѣчнаго сна;
Грѣхами, пропахшей любовью душа въ немъ полна.

Когда позабудетъ совсѣмъ меня память людская,—
Какъ старый флаконъ, что свой запахъ окрестъ
испаряя,

Лежитъ въ ветхомъ шкафѣ, надгреснутый, липкій,
въ пыли,

Когда на мой гробъ ляжетъ вѣчная тяжесть земли,—

Твоею гробницей я буду развратъ—многимъ милый,
Въ себѣ я сокрою твой ядовитость и силу,
Ядъ милый, напитокъ, что Ангелы нѣжно варятъ,
О, смерть моя—жизнь—безконечный, мучительный
Адъ.

L.

Я Д Ъ.

Вино самый гнусный чуланъ превращаетъ
Въ дворець упоительно-чудный.
Закатомъ багровымъ его позлащаетъ,
И дивной красою сияетъ
Дворецъ тотъ въ отсвѣтахъ лучей изумрудныхъ.
А опій границы міровъ раздвигаетъ,
Даетъ безконечность томленью
Прекрасному нѣжному; страсть углубляетъ
И душу чрезъ край наполняетъ
Томительной нѣгой, любви упоеньемъ.
Сильнѣе ихъ ядъ, что изъ глазъ истекаетъ,
Изъ глазъ твоихъ темно зеленыхъ:
Они, какъ озера, въ себѣ отражаютъ
Всю душу, и сны навѣваютъ,
И тонетъ душа въ ихъ пучинѣ бездонной.
Слюна твоя—ядъ; этотъ ядъ отравляетъ
Сильнѣе ядовъ смертоносныхъ,
Въ тоску мою душу она погружаетъ
И къ смерти ее подвигаетъ
Въ мученьяхъ безумныхъ, въ мученьяхъ несносныхъ!

LI.

ХМУРОЕ НЕБО.

Твой взглядъ, всѣмъ кажется, покрыть туманною
слезой;
Таинственъ взоръ твой (онъ зеленый? сѣрый?
голубой?)

Поперемѣнно нѣженъ онъ, мечтателенъ, жестокъ,
То блѣденъ, то вдругъ аль, какъ въ утро лѣтнее
востокъ.

Ты помнишь ли о тускло-бѣлыхъ тепловатыхъ
дняхъ,
Когда тоскуетъ сердце, все изсякшее въ слезахъ,
Когда всѣ нервы возбужденные смѣются, или вдругъ
Ихъ скрутитъ боль внезапная, невѣдомый испугъ?

Похожа ты порой на хмурыя тѣ небеса,
Съ которыхъ видно, какъ струится, падаетъ роса
И дождь, а солнце прячется среди обрывковъ тучъ,—
И изрѣдка пейзажъ освѣтитъ тускло-блѣдный лучъ!

О, женщина опасная! о, климатъ, что пьянитъ!
Съ умѣю-ль я любить морозъ, что въ жилахъ кровь
студитъ?

Изъ злой зимы неукротимой я смогу-ль извлечь
Тѣ наслажденья, что жгучей льда, острѣй, чѣмъ
мечъ?

ЛП.

К О Ш К А.

I.

Какъ въ покояхъ удобныхъ, въ мозгу у меня,
Ходитъ кошка прелестная, пышная,
И мурлыкаетъ пѣсню чуть слышную,
И мяучить, какъ будто подругу маня.

И звукъ голоса кошки и нѣженъ и тихъ,
Онъ урчитъ, утихая, тонами безбрежными,
И онъ полонъ какою-то тайной небрежною,
Онъ ласкаетъ, какъ томный и сладостный стихъ.

Этотъ гелось чаруетъ меня и томить
Будить въ памяти мрачное прошлое,
Отгоняетъ безумье постыдное, пошлое,
Какъ напитокъ любовный меня веселить.

Онъ родить упоительно-дивный экстазъ,
Усыпляя все злое, жестокое,
Чтобы сказать мнѣ мысль вѣрно-глубокую,
Онъ мурлычетъ понятно безъ словъ и безъ фразъ.

Какъ смычокъ виртуоза по струнамъ, такъ онъ
По сердечнымъ струнамъ ударяетъ, и нѣжная
Пѣснь рождается въ сердцѣ моемъ, и мятежныя
Звуки волнами льются, какъ сладостный стонъ.

Голосъ этотъ, та кошка—то тайна моя;
Кошка—ангелъ, безумная, странная,
Гармоничная, нѣжно желанная,—
Она вѣчно мурлычить, желанья тая!

II.

Ея рыжая шкурка родить ароматъ,
Возбуждающій дивно мнѣ сердце мятежное,
Словно музыка страстно-томительно-нѣжная,
И при этомъ такъ чудно горить ея взглядъ!

Всѣмъ владѣть, все судить и властно царить
Эта кошка въ мозгу—въ своемъ ленномъ владѣннн....

Въ домѣ старомъ фамильное то привидѣніе:
Можетъ быть это фея, иль бѣсъ, иль эфритъ.

Я влюбленъ въ эту кошку, чей взоръ, какъ магнитъ,
Мои очи къ себѣ привлекаетъ; невольнo я
Повинуюся ей, какъ созданье безвольное,
И смотрю я въ себя, гдѣ та кошка царитъ.....

Съ удивленьемъ я въ очи той кошки смотрю,
Наблюдая зрочки огневые и блѣдныя,
Какъ опалы... Упорно глазами побѣдными
Она смотреть мнѣ въ сердце и въ душу мою.

ЛІІІ.

ЧУДНЫЙ КОРАБЛЬ.

Моя чаровница! тебѣ я хочу рассказать
О всѣхъ тѣхъ красотахъ, что юность твою
украшаютъ;

Твою красоту я хочу описать:

Она въ себѣ дѣтство со зрѣлостью пышной мѣшаетъ.

Когда ты идешь, своей юбкою воздухъ крутя,
Мнѣ мнится, корабль то выходитъ въ открытое
море,

Качаясь въ зыби; паруса, шелестя,

Полощатъ, и волны поютъ тому шелесту вторя.

На шею открытой глубоко, на полныхъ плечахъ,
Съ прелестною граціей гордо киваетъ головка;

Торжественно, съ чуднымъ сіяньемъ въ очахъ

Идешь, какъ царевна, походкой ты плавной и ходкой.

Моя чаровница! тебѣ я хочу рассказать
О всѣхъ тѣхъ красотахъ, что юность твою
озаряютъ,

Твою красоту я хочу описать:
Она въ себѣ дѣтство со зрѣлостью пышной вмѣщаетъ.

Роскошная грудь глазъ ласкаетъ ужъ формой своей...
Грудь-шкафъ, весь наполненный сладостной дивною
тайной,—

Корсетомъ прикрыта вся прелесть грудей:
Онъ служить броней отъ взоровъ нахаловъ
случайныхъ.

Ахъ, если-бъ открыть этотъ шкафъ — и двѣ точки
найти—

Замки дорогіе, что тайны его запираютъ...

Какія тамъ вина, ликеры, духи!..

Отъ нихъ сходитъ разумъ съ ума и душа замираетъ!

Когда ты идешь, своей юбкою воздухъ крутя,
Мнѣ мнится, корабль то выходитъ въ открытое море,
Качаясь въ зыби; паруса шелестя,
Площатъ, и волны поютъ, тому шелесту вторя.

Двѣ чудныя ножки подъ юбкой короткой видны...
Желанья родятъ онѣ, дразнятъ, какъ двѣ чародѣйки,
Онѣ навѣваютъ волшебные сны,
И манятъ къ себѣ, какъ напитокомъ любовнымъ,
злодѣйки!

А дивныя руки твои, какъ два змѣя-боа,
Задушатъ счастливца въ объятыхъ мощныхъ и
страстныхъ...

И рѣдкими цвѣтами,
Цвѣтущими годами,
Съ чуть слышнымъ ароматомъ;
Рѣзные потолки
И мебель... о любви—
Все будетъ говорить,
Роскошные диваны,
Волшебные платаны..
Съ тобой тамъ будемъ жить!..

Тамъ все — покой, любовь и счастье,
Все — красота, все — сладострастье...

Смотри, стоятъ вдали
Гиганты-корабли
На морѣ спятъ глубокомъ,—
И ждуть, любовь моя,
Въ далекія края
Насъ унести далеко...
Помчимся-жъ въ край иной—
Волшебный, золотой,—
Гдѣ все любовь и сладость!..
Спитъ мирно цѣлый міръ,
Туда, гдѣ тихій міръ,
Умчимся, моя радость!

Тамъ все — покой, любовь и счастье,
Все — красота, все — сладострастье.

LV.

НЕПОПРАВИМОЕ.

I.

Можно-ль забыть угрызения, что никогда въ насъ
не спать,

Тѣ угрызенья, что мучать въ насъ сердце и
душу терзають,

Такъ же, какъ мертваго черви, какъ дубъ
гусеницы сверлятъ?

Какъ заглушить эту память, что вѣчно одно
повторяеть?

Можно-ль забыть угрызения, что никогда въ насъ
не спать?

Какъ, въ какой страсти, въ напитокѣ какомъ
обрѣсти намъ забвенье?

Какъ намъ врага, что насъ вѣчно терзаетъ и
мучить, убить?

Врагъ тотъ любовницы старой жаднѣ, онъ весь—
истребленье,

Какъ муравей, терпѣливымъ, прилежнымъ
умѣеть онъ быть!

Какъ, въ какой страсти, въ напитокѣ какомъ
обрѣсти намъ забвенье?

О, чародѣйка, прелестная, ты объясни поскорѣй
Духу, что полонъ суровой гнетущей тоски и
сомнѣній,

Какъ среди сѣчи кровавой онъ палъ, какъ копыта
коней

Мнутъ его; коршунъ его уже видитъ въ
высокомъ пареньи..

О, чародѣйка прелестная, ты предскажи поскорѣй
Этому трупу почти (его чуетъ ужъ волкъ

кровожадный;

Коршунъ все ниже и ниже парить надъ его
головой)

О, предскажи ты ему, что въ отчаяннѣ мучится
страдномъ,

Гдѣ онъ обрящетъ могилу и вѣчный желанный
покой?!

О, предскажи ему то... Его чуетъ ужъ волкъ
кровожадный!..

Можно-ль зажечь, освѣтить этотъ черный всегда
небосклонъ?

Можно-ль потемки разсѣять рожденною
утромъ зарею?

Мракъ тотъ чернѣе смолы, весь онъ скорбной
тоской упоенъ,

Онъ не блеснетъ ни зарницей, ни молнией,
ни блѣдной звѣздой.

Можно-ль зажечь, освѣтить этотъ черный всегда
небосклонъ?

Въ окнахъ гостинницы милой надежда огни
потушила,

Всѣ потушила,—не видно ни зги, ни откуда
кругомъ...

Какъ намъ слѣпымъ и усталымъ дойти до
гостинницы милой,

Гдѣ мы отъ скверной и долгой дороги душой
отдохнемъ?

Сила нечистая въ окнахъ пріюта огни потушила!..

Милая злая колдунья, отверженцевъ любишь ли ты?

Знаешь ли ты безкончныя муки людей
осужденныхъ?

Знаешь ли ты угрызенья, отравленной грезы мечты?

Знаешь ли сердца людей, подъ беременемъ
рока согбленныхъ?

Милая злая колдунья, отверженцевъ любишь ли ты?

Непоправимое душу намъ точить томленіемъ
скрытымъ,

Въ сердце намъ острые когти оно запустило
свои,

Бѣдное сердце оно подрываетъ, какъ злые
термиты

Зданья фундаментъ... О, бѣдное сердце, молчи
и терпи!

Непоправимое душу намъ точить томленіемъ
скрытымъ.

II.

Въ балаганѣ пошломъ видѣлъ я случайно:

При звукахъ оркестра, вся горя въ огняхъ,

Чудную зарю, проникнутую тайной,

Фея зажигала въ адскихъ небесахъ;

Въ балаганѣ пошломъ я видѣлъ случайно:

Существо изъ свѣта, золота и газа

Повергало злого дьявола во прахъ;

Духъ мой, что не знаетъ никогда экстаза,—

Балаганъ, который все стоитъ въ потьмахъ,

Гдѣ ждуть тщетно феи, существа изъ газа...

LVI.

РАЗГОВОРЪ.

Ты прекрасное небо осеннее, небо, что взоры
ласкаетъ!
Но печаль, какъ на морѣ волна, подымается въ
сердце моемъ,
На угрюмыхъ устахъ, отливая обратно, она
оставляетъ
Горечь страшную—память о прошломъ погибшемъ,
что жжетъ, какъ огнемъ!
И рука твоя тщетно скользитъ по тоскующей
груди моей;
То, что ищетъ она, о мой другъ,—то давно, ужъ
давно, разстерзали
Зубы женщинъ жестокихъ и когти желѣзные
лютыхъ страстей...
Не ищи же ты сердца напрасно; его уже звѣри
сожрали.
Мое бѣдное сердце—разрушенный вражьимъ
нашествіемъ храмъ;
Тамъ дерутся, насилуютъ, пьютъ, вѣчно крики
тамъ, ругань и гамъ!..
Ароматъ же плыветъ вокругъ груди твоей молодой
обнаженной...
Твой законъ ужъ таковъ, Красота, беспощадный
бичъ душъ и сердець!
Грознымъ пламенемъ чудныхъ алмазныхъ очей,
о сожги же въ конецъ
То, что звѣрь пощадитъ кровожадный—лохмотья
души загрязненной!..

⊗

LVII.

ОСЕННЯЯ ПѢСНЬ.

I.

Мы скоро погрузимся въ мракъ осеннихъ вечеровъ,
Прощайте вы, тепло и ясность лѣтнихъ дней
прекрасныхъ!

Я слышу стукъ паденья дровъ на мостовой дворовъ,
И этотъ стукъ зловѣще отдается въ сердцѣ
страстномъ.

Все существо, проникнуто холодною зимой;
Гнѣвъ, ненависть, забота, тьма меня ужъ наполняетъ,
И сердце сдѣлалось, какъ комъ кроваво-ледяной,
Такъ солнце полюса кровавой глыбою сверкаетъ.

Я слушаю, дрожа, какъ падаютъ дрова;
Какъ будто строить эшафотъ велѣниемъ тирана;
Мой бѣдный умъ оцѣпенѣлъ, онъ живъ едва-едва,
Онъ словно башня, что дрожить при натискахъ
тарана.

И кажется, что гдѣ-то гробъ сбиваютъ далеко..
Сбиваютъ спѣшно такъ... Звучать удары
монотонно...

Прошли дни ясные. Какъ лѣто было коротко!..
Какъ стукъ паденья дровъ звучитъ напѣвомъ
похороннымъ!!

II.

Люблю я вашихъ длинныхъ глазъ зеленоватый
свѣтъ. .

Но, милая, я нынче полонъ горечью и горемъ;

Для головы твоей создамъ огромную корону, —
И оградить рѣшеткой статую твою металлъ,
Чистѣйшей платины... И полный сумрачныхъ
Сомнѣній,

Я мантию изъ тягостныхъ Фантази видѣній
Съумѣю выкроить, чтобъ прелести твои сокрыть, —
И мантию украсить Слезъ моихъ горячихъ нить.
И Платье на тебѣ, мнѣ страстнымъ будетъ
Вожделѣньемъ,
Желаньемъ—страстнымъ и струисто-чистымъ, какъ
туманъ,

Что на вершинахъ горъ клубится бѣлымъ
испареньемъ;
И сладостный на тѣлѣ розовомъ твоемъ Обманъ
Я стану пить. Изъ страсти сдѣлаю моей Сандали
Для ногъ божественныхъ; украшу ихъ эмалью;
Они въ объятіяхъ будутъ, какъ въ тюрьмѣ, тебя
держатъ,

Взамѣнъ ремня для нихъ—изъ Сердца вырѣжу
Печать,
И если не смогу при всемъ искусствѣ и стараньи
Я для ковра луну съ небесъ сіяющихъ достать, —
Я въ ноги положу тебѣ Змѣю моихъ Терзаній,
Что сердце мнѣ грызеть; ее ногами попирать
Ты можешь, Дивная Царица, Матерь Искупленья,
То злобное Чудовище, ту гадину презрѣнья.
И мысли всѣ мои горѣтъ, какъ свѣчи восковыя,
Все будутъ предъ твоимъ Престоломъ, о Царица
Дѣвѣ,

И въ потолокъ отсвѣчивать языки огневые,
Какъ миллионъ очей,—звучать какъ радостный
припѣвъ.
Съ молитвой страстной Обожанья предъ тобой

Курить я буду ладонь, мирру, омиамъ, бензой,
И безъ конца къ тебѣ, Вершинѣ чистой
бѣлоснѣжной,
Какъ Облако взойдетъ мой умъ суровый и
мятежный.

И, наконецъ, чтобъ роль твою дополнить
Присно-Дѣвы,
Смѣшать съ любовью варварство, съ проклятьями
наѣвы
И Сладострастье Темное,—изъ смертныхъ я Грѣховъ,
Полнь Угрызеній адскихъ, семь я выкую клинковъ;
Ихъ отточу,—и какъ злодѣй холодный лицемѣрный,
Мишенью выберя всю глубину твоей любви,—
Всажу ихъ въ Сердце всѣ, въ грудь чистую — рукою
вѣрной,—
И руки вымою въ твоей дымящейся Крови.

LIX.

ПОЛУДЕННАЯ ПѢСНЬ.

Нахмурены брови, сурово глядѣть
Взоръ страстно и нѣжно любимый...
Взоръ этотъ—не взоръ херувима...
Какъ страненъ, колдунья, твой видъ!..

Шалунья безпечная, радость моя,
Люблю тебя страстью ужасной!
И какъ предъ кумиромъ прекраснымъ
Стою предъ тобой я, молитву твоя!

Волось темнокудрыхъ конна
Полна аромата пустыни, дубравы,—
Загадки и тайны полна
Ты вся... Словно выпить дала мнѣ отравы!

Какъ вечеръ душистый, чаруешь ты всѣхъ
О, нимфа безстыдная ночи:
И блещуть загадочно очи,—
И свѣжее тѣло прекрасно, какъ грѣхъ.

Любовь твоя—радости рая и ада,
Ты знаешь всѣ ласки любви,
Ты въ мертвомъ волненья крови,
Лаская, возбудишь, колдунья-наяда.

Влюбленная бедра и выгибъ спины,
И очи съ блистаньемъ мятежнымъ,
Волненье грудей бѣлоснѣжныхъ,
Движенія, позы всѣ—нѣги полны!

И жалать, какъ жало, твои поцѣлуи,
А губы холодны, какъ ледь:
И страсть твоя нѣжить и жжетъ,—
И вся ты дрожишь, въ сладострастьи ликуя...

Насмѣшкой, язвительнымъ словомъ во мнѣ
Ты силы опять возбуждаешь,
И въ сердце мое погружаешь
Свой взглядъ... въ немъ тону я, какъ въ
свѣтлой лунѣ...

...Несу къ твоимъ ножкамъ-малюткамъ я геній,
Талантъ и всю радость мою.
Въ очахъ твоихъ вѣчность ловлю,—
Моя ты судьба и—мое вдохновенье!

Ты свѣтъ мой! Тобою живу я одной,—
Въ тебѣ лишь мое исцѣленье,
Сибири духовной забвенье...
Ты радость, восторгъ, моя страсть, мой покой!

LX.

С И З И Н А.

Вообразите Діану-охотницу дивно-безстрастную
Въ чудной коляскѣ, иль мчащейся смѣло верхомъ
на конѣ,—
Волосы—по вѣтру, грудь быстро дышетъ, и очи въ
огнѣ,—
Гордая, свиту влюбленныхъ мужчинъ презираетъ
прекрасная!
Видѣли-ль вы Теруань, дѣву въ войны и въ сѣчи
влюбленную?
Храбро на приступъ она свою рать босоногихъ
ведетъ,
Какъ королева—среди смерти—она величаво идетъ,
Съ саблей въ рукѣ обнаженной, крови рѣкой
опьяненная!
Вотъ такова и Сизина—роскошная, добрая, нѣжная,
Но въ то же время—увы!—смертоносная въ чарахъ
любви,
Въ порохъ, въ шумъ бранный она влюблена всей
душою мятежною...

ЛХШ.

КРЕОЛКЪ.

Въ благовонномъ краю, гдѣ такъ дивное солнце
ласкаетъ
Подъ деревъ балдахиномъ, тонущемъ въ багряныхъ
лучахъ,
Гдѣ роскошныя пальмы въ лѣнливой истомѣ
мечтають,
Я креолку прелестную зналъ съ скрытой тайной
въ очахъ.

И красавицы смуглой лицо было блѣдно и знойно,
Она пѣла роскошно и вся благородствомъ дышала,
Ея очи смотрѣли такъ ясно, съ улыбкой спокойной,
Какъ царица походкою смѣлой она выступала...

Я желалъ бы ее перенести изъ далекой дубравы
Къ берегамъ чудной Сены, зеленой Луары—въ край
славы,
Я-бъ хотѣлъ чаровницей украсить жилище свое,—

И тогда-бъ оживилось увядшее сердце поэта,
Въ честь ея я-бъ писалъ безъ конца—для
прелестной—сонеты...
Ея очи большія—въ нихъ радость и счастье мое!..

ЛХІV.

MOESTA ET ERRABUNDA.

О, скажи, твое сердце рвалось ли порою, Агата,
Изъ громаднаго смраднаго моря столицы гнилой

Къ океану другому, гдѣ солнце струится, какъ
злато,
Гдѣ такъ ясенъ и чистъ, какъ твой взоръ, неба
сводъ голубой,—
Въ край иной, улетала-ль ты сердцемъ, Агата?

Океанъ необъятный, въ тебѣ я топлю всѣ страданья!
Въ грозномъ ревѣ ты стонешь, какъ будто то
стонеть титанъ;
Иль ласкаешь какъ пѣснь корабельная; или рыданья
Вѣтровъ бѣшеныхъ вторять тебѣ, какъ громадный
органъ!

Океанъ необъятный, въ тебѣ я топлю всѣ страданья!

Унести!.. Хоть въ вагонѣ, хоть въ бронѣ могучей
фрегата—
Далеко, далеко!.. Тутъ изъ слезъ нашихъ сдѣлали
грязь!

И, быть можетъ, печальное сердце Агаты
Унесется отъ зла, отъ страданій, отъ смрада—
смѣясь,—
Далеко!.. Хоть въ вагонѣ, хоть въ бронѣ могучей
фрегата!..

Какъ далекъ, какъ далекъ этотъ рай благовонный
и знойный,
Гдѣ подъ свѣтлой лазурью—все радость, покой и
любовь,
Гдѣ что любишь и чтить—все любви и почтенье
достойно,
Гдѣ желаніемъ чистымъ такъ бурно волнуется кровь...
Какъ далекъ, какъ далекъ этотъ рай благовонный
и знойный!

При первыхъ же лучахъ денницы,
Едва раскроешь ты рѣсницы,
Я вновь, какъ призракъ, улечу.

Надъ юной жизнию твоею
Я не любовью пламенѣю,—
А ужасомъ царить хочу!

LXVI.

ОСЕННИЙ СОНЕТЪ.

Мнѣ говорятъ твои глаза, прозрачнѣй, чѣмъ
кристалль:
„Скажи, любовникъ чудный мой, чѣмъ дорога
тебѣ я?“
Молчи—и будь мила! Я сердцемъ страстнымъ
пламенѣя,
Лишь искренность плотекою признаю... Что-бъ не
сказаль

Я тайны адской, о, молчи! Я нѣкогда мечталъ
О колыбельной пѣснѣ, но—сказать я не умѣю,
Что пѣла пѣсня та, что слушалъ я, слабѣя..
Я ненавижу страсть,—и умъ твой ранить, какъ
кинжалъ!

Эросъ въ засадѣ, держитъ лукъ... Стрѣлой сразить
своею
Умѣеть онъ,—но я любить лишь тихо бы желалъ
Другъ друга... Такъ къ чему-жъ Амура старый
арсеналь?!

Безумье, ужасъ, страсть и зло!... Люби, не пламенѣя...
Осеннимъ солнцемъ будь, не жги... Любить я
пересталъ...
О, Маргарита блѣдная, люби меня сильнѣе!...

ЕХVII.

ПЕЧАЛЬ ЛУНЫ.

Въ этотъ вечеръ луна въ томныхъ грезахъ лѣниво
мечтаетъ...

Такъ красавица, вечеромъ, лежа въ постелѣ своей
Передъ сномъ своимъ легкой небрежной рукою
ласкаетъ

Нѣжный контуръ упругихъ грудей..

Средь атласныхъ подушекъ, всю полную страстнымъ
томленьемъ

Какъ лавиной громадной ее поглотили мечты,—
Предъ очами ея пролетаютъ ночныя видѣнья,
Что растутъ вокругъ нея, какъ цвѣты...

И украдкой на груди красавица слезы ровняетъ,
Какъ осколки опала тѣ блѣдныя слезы сіяютъ,—
Ихъ крадетъ сну враждебный поэтъ,

И затѣмъ въ свое сердце мятежное ихъ помѣщаетъ,
И ревниво отъ солнца очей эти слезы скрываетъ,—
Чтобы ихъ не похитилъ разсвѣтъ...

Вдаль зрачки своихъ красныхъ очей устремляя,—
Изваяньяи странныхъ какихъ-то боговъ.

И такъ будутъ сидѣть онѣ день безъ движенья
До поры, когда землю окутаетъ ночь,
И помчится пугливо лучъ солнечный прочь,
И наступитъ часъ нѣги, тоски и томленья.

Мудрецы ихъ покоемъ должны поучаться,
Что въ семь мѣрѣ намъ надо безмѣрно бояться
Лишь волненія, шума, движеній, тревогъ;

Человѣкъ, сдѣлавъ шагъ за блестящею тѣнью,
Ужъ погибъ... Ему на-вѣкъ не будетъ забвенья—
Потому-что порыва сдержать онъ не могъ.

LXX.

ТРУБКА.

У поэта я трубкой любимой стала;
Коль фигурку мою хорошо разсмотрѣть,
Можно только одно заключенье имѣть,
Что поэтъ и хозяинъ мой курить не мало.

Коль исполненъ онъ скорбною тоски и заботы
Я дымлю безъ конца, какъ печная труба
У избушки, гдѣ топится печка, когда
Ожидаютъ хозяина дома съ работы.

Я его обнимаю и нѣжно качаю
Въ сѣти дыма, который идетъ изъ меня,—
Эта сѣть родилася во мнѣ отъ огня;

Утѣшенье могучее я доставляю:
Оно сердце поэта чаруетъ, цѣлить
Всю усталость больную — и грезы дарить.

—
LXXI.

МУЗЫКА.

Музыка часто меня возбуждаетъ, какъ море!
Мчусь я поднявъ паруса,
Черезъ сѣдые туманы въ эфирѣ, съ теченіемъ
споря —
Къ блѣдной звѣздѣ — въ небеса;

Легкія дышать мятежно и воздуха полны...
Парусъ мой бурно вѣтрить;
Темною ночью по стонущимъ бѣшеннымъ волнамъ
Быстро корабль мой летить...

Снасти трещать... Паруса улетѣли.. Крушенье!!..
Всѣми страстями терзаюся я!..
Буря, и вѣтеръ, и бездны глубокой волненье

Какъ въ колыбели качаютъ меня. —
— Въ музыкѣ слышу порою я скорбь лишь и горе, —
Штилемъ покоится мертвымъ все море!

—
LXXII.

★ МОГИЛА ПРОКЛЯТАГО ПОЭТА.

Если ночью холодной и темной, какъ тайна,
Христіанинъ мой прахъ погребетъ

Гдѣ нибудь — иль въ оврагѣ, иль въ ямѣ
случайной, —
И прахъ покоя себѣ не найдетъ.

Въ ночи часъ, лишь взойдутъ вереницею длинной
Звѣзды на небо, станетъ темнѣй, —
На могилѣ паукъ будетъ вить паутины
И плодиться эхидна на ней;

Надъ поэта опальной главой
По годамъ будетъ слышится вой
Дикой стаи голодныхъ волковъ,

Будутъ рѣчи слышны стариковъ похотливыхъ,
Будетъ шабашъ у вѣдьмъ безконечно-шумливый,
Будетъ сходбище гнусныхъ воровъ.

ЕХХІІІ.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ГРАВЮРА.

Странный призракъ — подѣ видомъ нелѣпымъ,
ужаснымъ скелета
Со смѣшной діадемой блестящей на лбу — неоцѣтый,
Онъ сидитъ на конѣ — привидѣнья такомъ же,
какъ онъ,
Безъ бича и безъ шпоръ онъ стремится въ
пространство времянь.
Старый конь запыхался, съ ноздрей его падаетъ
пѣна, —
Онъ несется впередъ по долинамъ печали и тлѣна,
Въ безвоздушномъ пространствѣ, стремясь въ
безконечную даль.....

Но подвинуться имъ хоть чуть-чуть удалось
едва-ль.
Пламенѣющей саблею всадникъ въ пространствѣ
махаетъ,
Угрожая толпѣ безъ названья, что путь
преграждаетъ,
И онъ мчится, какъ князь, что владѣнья свои
посѣщаетъ,
По кладбищу, гдѣ нѣтъ горизонта, гдѣ мракъ
обитаешь,
Гдѣ народы исторіи снять, и гдѣ холодъ кругомъ...
— Такъ въ толпѣ безъ названья все мчится тотъ
всадникъ съ конемъ.

ЕХХІV.

✓ ВЕСЕЛЫЙ МЕРТВЕЦЪ.

Въ жирной и полной улитокъ землѣ на заглогшемъ
погостѣ,
Яму глубокую самъ себѣ вырою я съ упоеньемъ,
Гдѣ на досугѣ я-бъ могъ протянуть свои старыя
кости,
Гдѣ, какъ акула въ волнахъ, спалъ бы я въ
полномъ забвеньи.
Я не люблю завѣщаній, и не терплю я гробницъ,
Міра слезинокъ притворныхъ я не хочу умолять!
Лучше къ себѣ приглашу я шакаловъ, воронъ и
лисицъ—
Ѣсть мой обѣдъ поминальный, остовъ мой сгнившій
глодать!!..

Черви, товарищи мрачные, черви безъ глазъ и ушей,
Въ гости къ веселому вы мертвецу приходите
скорѣй!

Вы же философы, праха сыны, прожигатели жизни,

Къ смертнымъ останкамъ идите безъ всякихъ своихъ
угрызений

И мнѣ скажите: - Для тѣла бездушнаго есть-ли
мученье?

Смерть среди смерти?—Скажите, не бойтесь моей
укоризны!

LXXV.

ВѢЧНАЯ НЕНАВИСТЬ.

Въ мракѣ застывшемъ безформенномъ, въ бочку
бездонную

Ведро большія слезъ мертвыхъ и алой крови
Блѣдныя дщери Даная, судьбой осужденныя,
Льютъ безконечно, мѣшая въ нихъ слезы свои.

Демонъ, глядя, какъ сквозь дыры усилья и потъ
Тысячей лѣтъ пропадаютъ, смѣется пронзительно,—
Злобная мечь ихъ терзаетъ томленьемъ

мучительнымъ,

Ненависть, слезы и кровь безъ конца создаетъ...

Ненависть эта, какъ пьяница съ жадностью вѣчною:
Жажда все жгучѣй, чѣмъ больше онъ пьетъ,
Жажда Лернейскою гидрой растеть...

Счастливъ кто жажду унять свою могъ безконечную
Ненависть—вѣчною быть суждена,—
Бочка Данаидъ безъ дна!...

LXXVI.

НАДТРЕСНУТЫЙ КОЛОКОЛЬ.

И горько, сладко въ печальныя зимнія ночи
мечтать,
Смотря, какъ въ каминѣ трепещетъ огонь,
потухая,—
И призраки прошлаго въ памяти жадной своей
вызывать
Подъ званъ колокольный, поющій о прелестяхъ рая.
Ты, колоколь, счастливъ! Съ могучей силою глоткою
мѣдной
Такъ бодро гудишь ты, весельемъ здоровымъ
объять,
И громко далеко несется въ пространство твой
призывъ побѣдный,
Какъ на полѣ бранномъ побѣдная пѣсня солдатъ.
А я... мое сердце тоскою надтреснуто... жить я не
въ силахъ!
И если-бъ пространство холодное ночи я пѣсню
унылой
Наполнить хотѣлъ, то мой голосъ бы только
скрипѣлъ,

Похожій на хрипъ позабытаго на полѣ въ часъ
отступленья
Въ канавѣ, наполненной кровью подь грудю тѣлъ,
Который кончается въ тщетныхъ усилъяхъ сдѣлать
движенъе.

ЕХХVII.
СПЛИНЪ.

Плювбозъ, разъяренный на жизнь всю, мятется и
свищетъ,
Изъ урны своей мрачный холодъ безъ устали
льетъ;
Онъ трепеть наводитъ на жителей мертвыхъ
кладбища,
Въ предмѣстьи убогомъ въ болѣзняхъ онъ валитъ
народъ.

Мой котъ шелудивый всѣмъ тѣломъ вертится и
ищетъ
На старой подстилкѣ покоя,—никакъ не найдетъ;
Духъ старый поэта, какъ зябкій безпомощный
нищій
По жолобамъ крыши печально и робко бредеть.
Въ каминѣ сырыя дрова какъ-то странно поютъ,
Простуженнымъ хрипомъ имъ вторя часы мои
бьютъ;
Въ пассьянсѣ, наслѣды старухи умершей водянкой,
Пиковая дама легла на червонный валетъ,—
И сальныя карты, смѣясь надъ жизни изнанкой,
Зловѣще болтаютъ о счастья промчавшихся лѣтъ...

ЕХХVІІІ.

СПЛИНЪ.

Воспоминаній у меня, какъ будто сотни лѣтъ
Я прожилъ.

Старый шкафъ,—гдѣ каждый ящичекъ
секретъ,
Гдѣ свалены стихи, счета, торговые балансы,
Любовныя записки, книги, письма и романы,
Росписки, локоны волосъ,—не знаетъ болѣе меня...
Я пирамида вѣчная, склепъ темный мрачный—я,
Тутъ больше мертвецовъ, чѣмъ въ общей ихъ
лежитъ могилѣ.

— Погость проклятый я, гдѣ пережитки старой
были—
Всѣ угрызенія, какъ стая мерзостныхъ червей,
Сверлятъ прахъ милый мертвецовъ—мечту
прошедшихъ дней.
Я старый будуаръ, весь полный розъ поблеклыхъ,
пыльныхъ,
Гдѣ все раскопано, гдѣ хаосъ мрачный и умильный
Царить всевластно... Грустныя пастѣли съ старыхъ
стѣнъ
Однѣ—онѣ однѣ—глядятъ на этотъ старый тлѣнъ,
Вдыхая запахи духовъ флаконовъ незакрытыхъ...
Такъ дни текутъ зимой среди хоромъ, въ сугробахъ
скрытыхъ,
И скука (этотъ плодъ бездѣлья всякъ въ себѣ
хранить)
Безсмертья вѣчнаго ужъ принимаетъ грозный видъ.

Отнынѣ болѣ нѣтъ тебя, матерія живая!
Ты лишь гранить, въ пескахъ затерянный; во снѣ
мечтая,
Стоишь ты средь Сахары, полный скорби, сотни
лѣтъ.
Невѣдомый и старый сфинксъ,—его забылъ весь
свѣтъ...
Ненужный никому, угрюмый, дикій и печальный
Поеть тотъ сфинксъ лишь разъ, глядя на солнца
лучь прощальный.

LXXIX.

СПЛИНЪ.

Я словно царь страны съ природою дождливой и
больной.
Богатъ, но немощенъ; хоть юнъ, но ужъ давно |
старикъ душой,
Который презираетъ все, въ тоску бездѣлья
погруженный,
Собаками и рабской челядью придворной
окруженный.
Ничто его не веселить: ни соколъ хищный, ни лай
псовъ,
Ни умирающій народъ передъ балконами дворцовъ.
Едва любимый шутъ его начнетъ припѣвъ смѣшной
балады,
Онъ морщитъ лобъ и говоритъ ему досадливо:
„не надо!“
Альковъ съ гербами, шитый лильями, на мрачный
гробъ похожъ...

И камеръ-фрау, готовыя на все (имъ всякій принцъ
хорошъ)
Уже не знаютъ, какъ придумать побезстыднѣй
туалеты,
Чтобы вызвать хоть улыбку на уста безсильнаго
скелета.
Его мудрецъ (онъ дѣлалъ золото ему), совѣтникъ,
другъ,
Не зналъ, какой внутри его гнѣздится пагубный
недугъ;
И въ ваннахъ, полныхъ крови алой—Рима
гнуснаго наслѣдство!—
Кунался тщетно онъ, всѣ были для него напрасны
средства;
Ничто тотъ трупъ для жизни возвратитъ уже не
силахъ вновь:
Въ немъ Леты затхлая струя течетъ, изсякла
въ жилахъ кровь.

ЕХХХ.

С П Л И Н Ъ.

Словно крышкой тяжелою мрачныя тучи весь міръ
покрываютъ;
Умъ смущенный не въ силахъ тоски безконечной
своей превозмочь;
Небеса утомленныя на-земь день хмурый съ дождемъ
посылаюгъ;
Этотъ день такъ печаленъ и мраченъ, какъ долгая
черная ночь.

То мракъ, онъ не есть ли завѣса, которой
скрываются бывшихъ народовъ
Отжившаго міра родныя намъ души со взглядомъ
знакомымъ очей,
И ихъ миріады въ очахъ моихъ брызжутъ, какъ
снодь безконечныхъ лучей!

LXXXII.

ВКУСЪ НЕБЫТІЯ.

Угрюмый духъ, влюбленный нѣкогда въ сраженья,
Надежда объ тебя тупить не хочетъ шпорь!
Усни же безъ стыда, о, загнанный одерь,
Ты спотыкаешься при каждомъ затрудненьи.
Покойся, сердце, сномъ презрѣннаго творенья!
Ты, умъ обманутый, ты, старый мародерь,
Любовь тебѣ внушаетъ лишь одно презрѣнье...
Не мучайте, мечты, мое воображенье!
Прощайте грезы, пѣсни, страстный разговорь!
Свой запахъ потерялъ весны цвѣтной узорь!
Уничтожаюсь я мгновенье за мгновеньемъ,
Сраженный холодомъ, остановился взорь,—
И видитъ онъ, что не видалъ до этихъ порь:
Весь шаръ земной, всю ложь и всю красу творенья!
О, лавина, покрой меня въ своемъ паденьи!

LXXXIII.

АЛХИМІЯ СКОРБИ.

Одинъ тебя пыломъ, Природа, своимъ озаряетъ,
Другой въ тебѣ скорбь и печаль помѣщаетъ свои;
И то, что гласитъ одному: „Наслаждайся, люби“!
Другому печально и скорбно: „Могила“! вѣщаетъ.

Гермесъ неизвѣстный, который меня навѣщаетъ
И мнѣ помогаетъ во всемъ: и въ дѣлахъ, и въ любви,
Въ Мидаса меня превратилъ,—и дѣянья мои
Какъ злобный алхимикъ всегда онъ въ ничто
превращаетъ.

Въ песокъ превращаю я перлы, алмазы, агаты;
Стремлюсь въ милый рай,—предо мной открывается
адъ;

И въ саванѣ тучъ неожиданно я открываю

Трупъ милой потерянной грезы прелестной моей;
Средь неба, средь волнъ, средьzybучихъ песчаныхъ
степеней

Я рядъ саркофаговъ громадныхъ въ мечтахъ
воздвигаю...

LXXXIV.

СИМПАТИЧЕСКІЙ УЖАСЪ.

Съ неба этого странно-багроваго съ тучей угрюмой,
Разъяренного, схожаго съ бѣдной судьбою твоей,

Иногда въ твою праздную душу слетаютъ ли думы?
Вольнодумецъ, какія? Распутникъ! отвѣть поскорѣй!

Незамѣтно алкающій мрака и тайны желая,
Я не буду печально стонать и судьбу проклиная,
Какъ Назонъ изъ латинскаго милаго выгнанный
рая...

Моя гордость съумѣетъ вездѣ за себя постоять!

Небеса разорвались отъ вешнихъ бушующихъ грозъ!
Моя гордость въ томъ небѣ, себя отражая,
любуется,

Въ этой гордости скорби души твоей пылкой,
врачуются,

Провожая останки печальные всѣхъ моихъ грезъ...
И очей Вашихъ свѣтъ и мерцанье—мнѣ радостный
адъ,

Гдѣ желанія сердца безумнаго ярко горять.

ЛXXXV.

Т Р У Б К А М И Р А.

(Подражаніе Лонгфелло).

I.

И Гитши Маниту—Онъ—Жизни Учитель Могучій
Спустился въ долину, окутанный грозною тучей.
Онъ въ преріи вѣчно-зеленой на гору поднялся—
На Красную гору, откуда все видно кругомъ,

И здѣсь, надъ пространствомъ царя, весь залитый
огнемъ,
Великій, прямой и огромный—онъ всталъ —и держался

И созвалъ къ себѣ онъ несмѣтныя толпы народа,
Безчисленнѣй травъ и песковъ и свѣтиль небосвода.
Рукою могучей у скалъ онъ кусокъ отломалъ,
И чудную трубку изъ камня огромнаго сдѣлалъ;
Потомъ къ этой трубкѣ мундштукъ онъ придѣлалъ:
Чтобъ сдѣлать его, онъ тростникъ у ручья длинный
взялъ.

Отъ нвы плакучей онъ взялъ для куренія лыко.
И Онъ, Всемогущій и Силы Создатель Великій,
Зажегъ, какъ маякъ свѣтлый, дивную трубку ту
мира.

И, стоя на Красной высокой горѣ онъ курилъ;
Купаясь въ лучахъ, надъ пространствомъ Онъ
властно царилъ,
Сигналомъ своимъ созывая людей всего міра.

И медленно дымъ поднимался въ пространствѣ
лучистомъ
Божественный, благоуханный и дивно-струистый.
Сначала тянулся онъ тонкой прямой бороздой,
Потомъ все густѣлъ онъ, туманомъ вокругъ
разсѣваясь,
Потомъ побѣлѣлъ, словно паръ, и, на небо
вздымаясь,
Высоко летѣлъ и разбился о сводъ голубой.

И съ мѣсть отдаленныхъ отвсюду: и съ горъ
бѣлоснѣжныхъ
И съ сѣверныхъ водъ океана съ волною мятежной.

Съ долинь Тавазенты—страны несравненно-
чудесной
Изъ пышныхъ дубравъ Тюскалоза, и съ сумрачныхъ
скаль—
Всѣ видѣли дымъ тотъ—могучій призывный
сигналь...
А дымъ воздымался и несся въ пространствѣ
небесномъ.

Пророки сказали: „Вы видите-ль полосу тучи,
Которая какъ бы похожа на палецъ отъ длани
могучей?
Она, подымаяся, заститъ вамъ солнечный свѣтъ.
То Гитши Маниту, то Жизни Учитель нашъ
вѣчный,
Который вѣщаетъ народамъ земли безконечной:
„Васъ, воины, я созываю, зову въ Мой совѣтъ!“

И вотъ отовсюду—съ долинь, и отъ водъ океана,
И съ горъ, гдѣ раскинулись воиновъ пестрые
станы,
Со всѣхъ концовъ свѣта, увидѣвъ сигналь тотъ,—
смиренно,
Стекаются ратники міра племень всѣхъ земныхъ.
И облако дыма имъ путь указываетъ, гдѣ ихъ
Ждетъ Гитши Маниту, ждетъ Жизни Учитель
Нетлѣнный.

Явились—и стали у Красной Горы всѣ—въ долинь
зеленой.
Какъ будто на битву явились вооружены:
Закованы въ латахъ, въ доспѣхахъ, съ копьями,
съ мечами;

И ненависть ярко горѣла въ ихъ черствыхъ
сердцахъ:
(У предковъ виднѣлась еще эта злоба въ очахъ),
И злобно другъ друга они пожирали глазами,

И мрачнымъ пожаромъ горѣли враждебныя очи:
А Гитши Маниту, Учитель Земли, мрачнѣй ночи
И скорбный смотрѣлъ на стоящихъ предъ нимъ
злыхъ людей,
Какъ добрый отецъ, Онъ былъ полонъ однимъ
состраданьемъ.

Онъ, молча смотрѣлъ на враждебное это собранье,
Онъ, Гитши Маниту, Учитель, Судья всѣхъ судей.

И вотъ онъ десницу могучую къ нимъ простирая,
И тѣнью отъ этой десницы ихъ всѣхъ покрывая,
Сердца побѣждая и узкую смертныхъ природу,
Онъ голосомъ точно громовымъ, къ нимъ зычно
возвалъ.

Былъ схожъ этотъ голосъ съ потокомъ, ревающимъ
у скалъ
Съ чудовищнымъ ревомъ, звучавшемъ, какъ вихрь
непогоды.

II.

„Потомки земные, къ вамъ шлю я слова укоризны!
Сыны дорогіе, внимайте вы этимъ словамъ:
То Разумъ, то Гитши Маниту, Учитель вашъ Жизни
Вѣщаетъ, который все создалъ для вашей отчизны—
Медвѣдя, бизона, оленя, и лѣсъ, и вигвамъ!

Я легкую рыбную ловлю вамъ далъ и охоту...
Зачѣмъ же охотникъ презрѣннымъ убійцею сталъ?

Есть звѣри въ лѣсахъ, много дичи пернатой въ
въ болотахъ...

Чѣмъ вы недовольны?... Живите не зная заботы!
Зачѣмъ на сосѣдей вы точите острый кинжалъ?!

Поистинѣ, я ужъ усталъ ото всѣхъ преступленій!
Война кровавая злая—вотъ славный вашъ пирь!
Убийства, насилья, поджогъ—въ этомъ ваше
стремленье...

Гдѣ-жъ сила любви, гдѣ любовное всѣхъ единенье?..
О, братья, живите, стараясь поддерживать миръ!

Получите скоро по волѣ Моей вы Пророка,
Который придетъ наставлять васъ и съ вами
страдать.

Жизнь будетъ вамъ праздникъ—въ познаніи жизни
уроковъ!..

Но, если убьете вы Мудрость, то бойтесь Рока:
Я самъ къ вамъ явлюся тогда за убійство карать!

Сотрите-же съ лицъ вашихъ краски—цвѣта боевые!
Тростникъ—его много! отъ скалъ всякій можетъ
отбить

Кусокъ—сдѣлать трубку! Отбросьте всѣ помыслы
злые!

Довольно лить кровь,—и отнынѣ, какъ братья
родные,

Живите въ любви, чтобы мирную трубку курить!“

III.

И тотчасъ оружіе войны всѣ побросали.
Цвѣта боевые, что лица у нихъ украшали,

Смываютъ въ ручьяхъ они. Злоба исчезла изъ глазъ.
И всякій тростникъ себѣ срѣзалъ, проворно и смѣло,
Отъ скаль отломивши кусокъ, себѣ трубку онъ
сдѣлалъ.

И разумъ у всѣхъ прояснился, и гнѣвъ ихъ
погасъ...

И всякій съ душой безмятежной вернулся къ
отчизнѣ.

И Гитши Маниту, Учитель безхитростной Жизни
Къ себѣ возвратился на небо... Въ сіяніи чистомъ
Онъ плавно вознесся въ туманѣ сѣдыхъ облаковъ,
Довольный работой своею и дѣломъ сыновъ
Земли,—великій, спокойный, лучистый!

ЕXXXVI.

МОЛИТВА ЯЗЫЧНИКА.

Не умѣрай ты свой пламень въ крови,
Сердце согрѣй мнѣ давно онѣмѣлое,
О, сладострастіе, мука любви!
Выслушай, дивная, скорбь застарѣлую!

О, ты, богиня въ пространствѣ парящая,
Свѣточъ, свѣтящій въ темницѣ моей!
О, исцѣли мое сердце болящее,
Въ душу мнѣ страсть огневую пролей!

Ты, сладострастіе, Богомъ мнѣ будь!
Дай мнѣ ласкать бархатистую грудь,
Милой, принявшей вдругъ образъ сирены...

Грезы блаженные въ очи навѣй,
Дай мнѣ упиться безумствомъ страстей,
О, сладострастье, источникъ бездѣнный!

LXXXVII.

К Р Ы Ш К А.

Вездѣ, гдѣ-бъ ни былъ онъ: на морѣ ли, въ пустынь,
Въ странѣ ли вѣчныхъ льдовъ, въ странѣ ль, гдѣ
солнце жжетъ,

Слуга-ль Христа, любовникъ вѣтряной богини,
Угрюмый нищій, или Крезъ, что вѣчно жретъ,

Бродяга, домосѣдъ, любитель благостыни,
Съ умишкомъ крохотнымъ, съ умомъ, что всѣхъ
гнететъ,—

Повсюду человѣкъ дрожащимъ взглядомъ нынѣ
Глядитъ на верхъ, и тайный страхъ въ немъ все
ростетъ.

Вверху же небо! Словно склепъ оно всѣхъ давить;
Оно какъ потолокъ въ театрѣ росписной,
Гдѣ шутъ, покрытый кровью, зрителей забавить;

Злодѣй дрожить, аскетъ надѣется святой...
О, небо, крышка черная котла машины,
Гдѣ человечество кипитъ средь мерзкой тины!

LXXXVIII.

НЕОЖИДАННОЕ.

Надъ отцовской постелью стоялъ Гарпагонъ
И смотрѣлъ, какъ отецъ чуть дышалъ, умирая:
„Нужны доски для гроба, сказалъ себѣ онъ,—
Ихъ возьму я отъ ящика въ старомъ сараѣ!“

Целимена воркуетъ: „Прекрасной меня
Создалъ Богъ, чистотой мое сердце гордится!“
— Ея сердце средь адскаго злого огня
Словно окорокъ жирный, воняя, коптится.

Злой газетчикъ, мня свѣточемъ чистымъ себя,
Утопивъ бѣдняка, его такъ вопрошаетъ:
„Гдѣ, повѣдай мнѣ, Тотъ, Кто благое любя,
Видя зло, за обиды и горе отмщаетъ?“

Но презрѣннѣе этихъ разслабленный фатъ,
Что бьетъ себя въ грудь, о грѣхахъ сокрушаясь,
И, зѣвая, твердить, весь экстазомъ объять:
„О, прости мнѣ, Господь.... черезъ часъ —
раскаюсь!“

А часы въ свою очередь тихо стучать
„Осужденный созрѣлъ ужъ; совѣты напрасно
Мы давали ему,—и гнѣздится въ немъ гадъ;
Онъ грызетъ и сверлитъ его черепъ несчастный!“

А затѣмъ появляется Нѣкто, Кого
Отрицали мы и надъ кѣмъ насмѣхались,—
И вѣщаетъ: „За черною мессой давно
Изъ моей дароносицы вы причащались!

Вы воздвигли мнѣ храмъ—каждый въ сердцѣ своемъ,
Въ задъ поганый меня вы лобзали умильно...
Сатану узнаете-ль!?! Вы слышите-ль громъ,—
Это смѣхъ мой торжественный, мрачно-всесильный

Лицемеры! прилежно скрывая свой путь,
Вы хотѣли надъ вашимъ Владыкой смѣяться,
Плутовать съ нимъ, надѣясь его обмануть:
Въ рай блаженный войти и съ богатствомъ остаться...

Нѣтъ, охотника дичи нельзя провести,
Вы моей заслуженной добычею стали,—
Я хочу васъ въ туманы свои унести,
Чтобъ дѣлить съ вами радость, любовь и печали.

За концомъ мірозданья, средь сумрачныхъ тучъ
На громадѣ—созданья изъ праха и тлѣна,
Мой чертогъ возведенъ—неприступенъ, могучъ,
Его строили Хитрость, Коварство, Измѣна;

Изъ грѣховъ всего міра чертогъ возведенъ,—
Моя гордость онъ, честь, и любовь, и забава!..“
А надъ міромъ побѣдой Христа упоенъ
Рѣветъ Ангель, трубя безконечную славу

И побѣду всѣхъ чистыхъ незлобныхъ сердець
Тѣхъ, кто Господа славиль Творца, повторяя:
„Славенъ будь Твой карающій бичъ, о Отецъ,—
И да будетъ во всемъ Твоя воля святая!“

О, какъ сладостенъ звукъ этихъ пѣсенъ святыхъ
Въ дни великія сбора кистей винограда,
Онъ звучитъ, какъ угроза, для падшихъ и злыхъ,
Онъ сулитъ для смиренныхъ блаженство, отраду.

LXXXIX.

ИСПЫТАНІЕ ПОЛУНОЧИ.

Часы бьютъ полночь; дать отчетъ
Насмѣшливо насъ приглашаютъ
О днѣ, что въ Лету отлетаетъ,—
И къ покаянью насъ зоветъ:

— Какъ разъ сегодня день зловѣщій,—
И будетъ исповѣдь легка:
Мы шли путемъ еретика,
Пренебрегая гласомъ вѣщимъ.

Мы на Иисуса клеветали,
Смѣшное находя лишь въ немъ;
У богача мы за столомъ,
Какъ паразиты, пировали;

Чтобы скотинѣ услужить,
Мы Крезу грязно, грубо льстили,
Мы проклинали, что любили,
И стали пошлости кадить.

Мы пресмыкались предъ бичомъ,
Убогихъ, слабыхъ оскорбляя,
Тельца златого обожая
Мы пали ницъ предъ палачомъ;

Лобзали гнусныя творенья,
Неся имъ набожный привѣтъ,
Благословляя тусклый свѣтъ
Великой мерзости и тлѣнья.

И даръ поэзіи святой
Мы, копошась среди разврата,
И возставая братъ на брата,
Кляли анаѳемую злой;

Въ тяжеломъ подломъ опьяненны
Пѣвцомъ продажнымъ сталъ поэтъ!..
— Потушимъ же скорѣе свѣтъ,
Утонемъ въ сумракѣ забвенья!..

ХС.

ПЕЧАЛЬНЫЙ МАДРИГАЛЬ.

Что мнѣ въ томъ, что твой умъ благоправьемъ
блистаетъ!
Будь печальной, прекрасной—и плачь! Красоты
Та слеза еще больше лицу прибавляетъ...
Такъ пейзажъ монотонный рѣка украшаетъ,
Такъ гроза обновляетъ цвѣты.

И особенно нѣжно тебя, дорогая
Я люблю, когда радость сбѣгаетъ съ чела,
Когда ужасъ всю душу тебѣ отравляетъ,
И когда въ настоящемъ себя отражаетъ
Злого прошлаго черная мгла.

И люблю я смотрѣть, какъ твой взоръ изливаетъ
Свѣтлый ключъ скорбныхъ слезъ, что горячъ,
словно кровь;
Какъ баюкая нѣжно, тебя усыпляетъ
Скорбь, глубокая скорбь,—она душу пронзаетъ, —
И томить, какъ больная любовь.

Сладострастїе дивное жадно вливаю
Въ томномъ я упоеньи, въ безумствѣ страстей,—
И въ рыданьяхъ твоихъ я душой отдыхаю,
Свое сердце о перлы твои зажигаю,
Что катятся изъ скорбныхъ очей!

Твое сердце, я знаю, давно ужъ страдаетъ,
Отъ любви, отъ давнишнихъ мучительныхъ ранъ,
Яркимъ горномъ въ огнѣ безконечномъ пылаетъ,
И въ себѣ оно вѣчную бурю скрываетъ,
Гордость надшихъ—любовь и обманъ...

Моя милая, эти больныя всѣ грѣзы,
Тебя жгутъ и терзаютъ, какъ огненнѣй адъ,
И въ кошмарѣ тяжеломъ проносятся грозы,
Звонъ мечей, стоны, смерть, ядовитыя розы—
И страданій томительный рядъ.

Открывая повсюду лишь зло и проклятья,
Ты вся ужасомъ дикимъ и скорбнымъ полна;
Не находишь нигдѣ для себя ты собратій,
Ты не вѣдаешь родственныхъ милыхъ объятій,
Въ одиночествѣ грустномъ сильна...

Никогда ты не сможешь, царица-рабыня,
Полюбить, какъ любила когда-то ты встарь,
Чтобъ сказать мнѣ въ ночи, отрѣшась отъ гордыни
Среди ласкъ безконечныхъ: „Моя ты святыня,—
И подобна тебѣ я, мой царь!“

ХСІ.

ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩІЙ ГОЛОСЪ.

У того, кого можно назвать человѣкомъ, всегда,
Въ сердцѣ пылкомъ змѣя, какъ на тронѣ своемъ,
возсѣдаетъ,—

И всегда человѣку эхидно она отвѣчаетъ
Словомъ нѣтъ безпощаднымъ, коль онъ говоритъ
себѣ да!

И какимъ бы богамъ онъ ни вѣрилъ и имъ
поклонялся,

Иль въ какіе бы мысли высокія онъ не вдавался,
Она злобно шипитъ: „Помни! помни о долгѣ своемъ!“

Коль плодитъ онъ дѣтей, коль сажаетъ деревья съ
заботой,

Коль онъ лощитъ стихи, иль другой какой занять
работой

Она злобно шипитъ: „Можетъ быть, ты умрешь
этимъ днемъ?“

Чтобъ ни дѣлалъ всегда онъ, во что бы ни вѣрилъ,
обидно

Голосъ вѣчный змѣиный на сердцѣ шипитъ и
шипитъ...

Отравляетъ всю жизнь, стережетъ, ни минуты ни
спитъ

Эта подлая злая, грызущая сердце эхидна!

ХСІІ.

М А Л А Б А Р К Ъ.

Вызываешь ты зависть у бѣлыхъ красавицъ совѣмъ
не напрасно.
Ты стройна и изящна, и бедра широки; ты вся
такъ прекрасна,
Что художникъ-артистъ не сводилъ бы съ тебя
своихъ жадныхъ очей.
Взоръ очей твоихъ бархатныхъ нѣжно ласкаетъ;
онъ кожи чернѣй.
Въ своей милой отчизнѣ лазурной, ты словно
цвѣтокъ среди долины.
Твое дѣло — раскуривать трубку у ногъ своего
господина;
Ключевую водою безопасно кувшины свои наполнять,
И въ родномъ шалашѣ отъ постели москитовъ-
бродягъ отгонять;
Утромъ раннимъ, едва всколыхнется листва у
зеленыхъ платановъ,
На базаръ ты идешь покупать ананасы, кокосъ и
бананы,
И затѣмъ цѣлый день ты свободна, какъ греза;
босая идешь
Ты туда, куда манить мечта, и тихонько ты пѣсни
поешь.
А когда сходить вечеръ, все небо багрянымъ
огнемъ зажигая,
Ты ложишься на цыновку спать, беззаботно смѣясь
и мечтая,
И спокойно ты спишь; полонъ сонъ твой роскошныхъ
чарующихъ грѣзъ,

Легкихъ словно колибри, цвѣтущихъ роскошнѣе
дѣвственныхъ розъ.
Ты счастлива дитя!.. Такъ къ чему-жъ эти мысли
о дальнихъ скитаньяхъ?
Ты стремишься во Францію, край населенный
однимъ лишь страданьемъ,
И ввѣряешь ты жизнь молодую объятіямъ бурныхъ
валовъ,
Покидаешь лазурное небо и грезу чарующихъ
сновъ.
Ты одѣта едва кисеей. А въ Парижѣ подь снѣгомъ
и градомъ
Ты дрожать будешь вѣчно и плакать, смотря
умоляющимъ взглядомъ
На свинцовое небо. Досуги и счастье свои позабуди!
Безпощаднымъ корсетомъ затынешь ты милую
черную грудь,
На троттуарахъ ты будешь искать себѣ счастья
мятежной душою,
И, чтобы хлѣбъ заработать себѣ, торговать своей
чудной красою,
И мечтать, средь тумановъ и грязи, о чудныхъ,
родныхъ небесахъ,
О кокосовыхъ пальмахъ, о счастья, о прошлыхъ
промчавшихся дняхъ!

ХСШ.

Г О Л О С Ъ.

Моя колыбель въ библіотекѣ старой стояла...
Тутъ были научныя книги, исторія, былъ,

Поэмы, романы, тамъ связка поэтовъ лежала,
Тамъ собрана римлянъ и грековъ старинная пыль.
Я ростомъ былъ съ книгу in-folio. Разъ я неожиданно
Два голоса странныхъ услышалъ. Одинъ мнѣ
твердилъ:

„Вселенная—сладкій пирогъ, я бѣ тебѣ подарилъ
Большой аппетитъ, въ наслажденьяхъ ты жилъ бы
пространнѣ!“

Другой говорилъ: „О, пойдемъ путешествовать въ
грезахъ,

Витать за предѣлами міра, средь тайны и сновъ!“
Звучалъ этотъ голосъ, какъ вѣтеръ въ весеннія
грозы

Какъ сладкіе стоны прибоя родныхъ береговъ,
Къ себѣ онъ манилъ, словно призракъ далекій,
родной!..

И я отвѣчалъ:—„Нѣжный голосъ! иду за тобой!“
Увы, этотъ день для меня сталъ суровымъ терзаньемъ;
Съ тѣхъ поръ я гонимъ безощадною злою судьбой,—
И я самый несчастный и жалкій во всемъ мірозданьи...
За черною бездною я странные вижу видѣнья,
Я рабъ вдохновенной терзающей грезы моей.
Я—жертва безумныхъ, чарующихъ умъ вдохновеній—
Влачу за собою кусающихъ ноги мнѣ змѣй.

Съ тѣхъ поръ я похожъ сталъ на древнихъ
пророковъ, и мнѣ

Пріятны пустыня и даль безконечнаго моря...

Я сладостный вкусъ нахожу въ самомъ горькомъ
винѣ,

Я плачу средь празднествъ, смѣюсь средь юдоли
и горя,

Въ поступкахъ людей мнѣ безумье, ложь, жадность
видны,

Я падаю въ ямы, при небѣ лазурномъ и ясномъ...
И вѣчно твердить мнѣ мой голосъ: „Храни свои
сны,
Безумецъ! и знай, что у мудрыхъ они не прекрасны!“

XCIV.

Г И М Н Ъ.

Милой, лазурной, прекрасной,
Въ сердцѣ рождающей свѣтъ,
Ангелу вѣчности ясной
Въ вѣчности шлю я привѣтъ!

Жизнь мнѣ она наполняетъ
Пѣсней, волнующей кровь,
Въ душу мою проливаетъ
Къ вѣчному вкусу и любви.

Воздухъ родной она, счастье,
Свѣжій весны ароматъ,
Полныя пѣги и страсти
Дивно такъ очи горять!

Какъ мнѣ любовь въ безконечность,
Какъ ея страсть мнѣ продлить?
О, какъ мгновение въ вѣчность
Я бы хотѣлъ превратить!

Милой, лазурно-прекрасной,
Ей, что—и радость—и свѣтъ,
Ангелу вѣчности ясной
Въ вѣчности шлю я привѣтъ!

ХСV.

Н Е П О К О Р Н Ы Й.

Разгнѣванный Ангелъ съ небесъ, какъ орелъ
опустился
И грѣшника за волоса взялъ онъ мощной рукой:
„Ты будешь ли вѣрить?“ такъ къ грѣшнику онъ
обратился,
Тряся его: „Я такъ хочу! Добрый Ангелъ я твой!
Узнай, тебѣ должно любить безъ гримасъ отвращенья
Глушцовъ, прокаженныхъ, безумныхъ, болѣющихъ,
злыхъ,
Чтобъ сдѣлать изъ этой любви при Христовомъ
явленьи
Коверъ триумфальный для ногъ его чистыхъ святыхъ.
Любовь такова! Пока сердце твое еще бьется,
Ко славѣ Всевышняго пусть оно радостно рвется,
Пусть истиннымъ свѣтомъ для Бога оно лишь
горить!“

И Ангелъ, лупя кулакомъ, добру научаетъ,
Онъ грѣшника мучить; любя его, хлещетъ, терзаетъ...
„А я не хочу!“ непокорный свое все твердить.

ХСVІ.

О Ч И Б Е Р Т Ы.

Вы меня очи милыя славныя не презирайте!
Вы струите роскошные сны... И въ глуби тѣхъ очей

Отражается нѣга и томность душистыхъ ночей,—
О, скорѣй же въ меня упительный мракъ
проливайте!

Очи темныя, вы, дорогія мнѣ, дышите тайной,—
Взглядъ ихъ очень похожъ на волшебный и сумрачный
гротъ,

Гдѣ толпа безпокойныхъ тѣней дивный кладъ
стережетъ...

Кто найдетъ этотъ кладъ — кладъ таинственный,
необычайный?!

О, малютка, дитя мое милое, все мое счастье!
Твои очи — безмѣрная ночь съ блескомъ молній
порой;

Эти молніи—мысли любви и надежды святой:
Цѣломудріе въ нихъ, а порой безъ конца —
сладострастье!

XCVII.

В О Д О П А Д Ъ.

Очи устало смежились твои, моя чудно-прекрасная...
О, оставайся такъ въ позѣ лѣнливой своей,
Не открывая роскошныхъ и черныхъ, какъ ночи,
очей,—
Ты словно замерла, слушая грезы любви
сладострастныя!

Падаютъ воды въ стремительномъ бѣгѣ,
Не умолкая ни ночью, ни днемъ,—
И говорятъ о любви мнѣ и нѣгѣ,
Образъ рисуя твой въ сердцѣ моемъ.

Цвѣты распустились
Въ долину влюбленной,
Луной посребрились,—
И въ сумракъ сонномъ,
Росой окропленномъ,
Все вѣчно стремились
Струи водопада, какъ слезы,
Рождая томленья и грѣзы...

Заревомъ жаркимъ пожара любовь моя все
разростается;
Пышетъ она сладострастьемъ, волнуя мятежно мнѣ
кровь,—
И дерзновеннѣе, жгучей становится въ страсти
любовь;
Зарево страсти на небѣ, какъ въ сердцѣ моемъ
отражается.

И умирая медлительнымъ стономъ
Страсть все слабѣетъ и тихой струей
Падаетъ, какъ по незримымъ уклонамъ
Въ душу мою, отзываясь тоской.

Цвѣты распустились
Въ долину влюбленной,
Луной посребрились,—
И въ сумракъ сонномъ,
Въ росѣ обновленномъ
Все вѣчно стремились
Струи водопада, какъ слезы,
Рождая томленья и грѣзы.

О, ты, которую дѣлаетъ ночь еще ярче, прекраснѣе!
Сладко и дивно мнѣ, къ груди прижавшись твоей
молодой,

Вѣчную скорбь водопада внимать. Онъ могучей
струей
Страстно рыдаетъ, — и ночью рыданья еще
сладострастнѣе...

Дивная ночь и луна... Падаютъ воды...
Шелестъ листвы... очертанья тѣней...
Грусть безконечнаго звѣзднаго свода—
Это все—зеркало страсти моей.

Цвѣты распустились
Въ долину влюбленной,
Луной посребрились,
И въ сумракъ сонномъ
Росой обновленномъ,
Все вѣчно стремились
Струи водопада, какъ слезы,
Рождая томленья и грѣзы.

ХСVIII.

ДЕНЬ РАЗСЧЕТА.

Чтобъ достойно свой долгъ возвратить провидѣнью,
Человѣкъ долженъ туфъ двухъ полей перерыть;
Онъ на нихъ долженъ вѣчнымъ работникомъ быть,
И вспахать ихъ желѣзомъ ума по умѣнью.

Чтобъ ничтожный алмазъ на поляхъ тѣхъ достать,
Получить урожай золотистаго хлѣба,—
Какъ дождемъ, что идетъ изъ высокаго неба,
Тѣ поля надо по́томъ всегда поливать.

Одно поле—Любовь, а другое—Искусство.
Чтобъ судьѣ милосердному сдать свой отчетъ,
Когда страшный великій день Судный придетъ,
Надо чтобъ въ закромахъ было полно—не пусто.

Коль ты жизнь свою отдалъ всецѣло труду,
Наполняя закомъ свой зерномъ, иль цвѣтами,
Коль сравнялось въ закомѣ добро со краями,—
То получишь хвалы безконечной ты мзду.

XCIX.

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО ОТСЮДА...

Это здѣсь обитель рая,
Гдѣ красой своей блистая,
Рукой вѣтряной лаская,

Груди нѣжныя, спокойно
Отдыхаетъ въ нѣгѣ знойной
Доротея. Нѣжно, стройно,

Какъ далекое рыданье,—
Струй фонтана, пѣснь стремится...
Усыпавъ своимъ лобзаньемъ
Прихотливое созданье—

Вѣтерокъ надъ ней томится...
Какъ атласъ отъ притираній
Кожа нѣжная лоснится...
Ароматъ духовъ стремится...

С.

РОМАНТИЧЕСКІЙ ЗАКАТЪ.

Какъ солнце яркое въ часъ своего восхода чудно
Бросаетъ намъ въ кроваво-красномъ взрывѣ свой
привѣтъ!

— О, счастливъ тотъ, въ чьемъ сердцѣ есть любви
могучій свѣтъ,

Кто на закатѣ дней блаженъ, свершивъ путь жизни
трудный!

Я помню... Видѣлъ я цвѣты, луга, обрывки тучъ,
Все трепетало въ блескѣ, какъ сердечное бѣнье...

— Скорѣй!.. Скорѣй бѣжимъ туда, гдѣ солнца
Возрожденье,

Бѣжимъ, чтобы поймать, хотя-бъ его послѣдній
лучъ!

Но тщетно я преслѣдую пылающаго Бога.

Тьма мрачная спустилась вдругъ, скрывъ отъ меня
дорогу,—

И ночь зловѣщая раскинулась, какъ черный
свитокъ...

Сырой могилы запахъ плаваешь вокругъ меня,

И вязнетъ въ топкой тинѣ робкая нога моя,

Скользить, пугая слизлыхъ жабъ и мерзостныхъ
улитокъ...

СП.

Б Е З Д Н А.

Душа Паскаля въ безднѣ пребывала вѣчной.
Увы! все—бездна: дѣло, грезы, голоса!
Я чувствую порой, какъ дыбомъ волоса
Встають отъ ужаса, отъ мыслей быстротечныхъ.

Вездѣ—внизу —вверху—пространство безъ конца...
Все—тишь, все—время съ бѣгомъ безконечнымъ...
И Богъ на фонѣ тьмы ночей людей безпечныхъ
Чертитъ рукой кошмаръ безъ формы и лица.

Боюсь я сна, какъ ямы вырытой, большой,
Гдѣ ужасъ манить насъ своею глубиной;
И въ окнахъ безконечность только вижу я...

Мой умъ всегда охваченъ головокруженьемъ,
Во мнѣ рождается къ небытію стремленье...
— О, если-бъ въ мірѣ числъ жила душа моя!

СПІ.

ЖАЛОВЫ ИКАРА.

Любовники пошлые б.....
Счастливы, надменны и сыты;
А я... мои руки разбиты
Стремленій лишь выпренныхъ ради.

По милости звѣздъ безподобныхъ,
Что въ небѣ глубокомъ горять,
Зрачки моихъ глазъ не глядятъ
Лишь помнить о небѣ свободномъ.

Напрасно измѣрять весь міръ я
Стремился въ безумьи своемъ,
Какимъ то я сверженъ огнемъ,—
И сломаны гордыя крылья!

Къ прекрасному сердцу стремилось,
Хотѣлъ свое счастье поймать,—
И имя не могъ даже дать
Могилѣ, что вдругъ мнѣ открылась.

CIV.

СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ.

Будь мудрой, скорбь моя, держи себя спокойнѣй!
Звала ты вечеръ,—и съ небесъ нисходитъ онъ.
Вотъ въ атмосферу тьмы ужъ городъ погруженъ:
Одни ужъ спятъ, другимъ не спится въ мысляхъ
знойныхъ.

Но подлыхъ смертныхъ большинство, гоня свой
сонъ,
Подъ плетью наслажденья, роемъ беспокойнымъ
Сбираетъ угрызенья на нивахъ непристойныхъ...
Дай руку мнѣ, о, Скорбь, уйдемъ отсюда вонъ!

Гляди, ты видишь ли на баллюстрадахъ тучъ,
Стоитъ рядъ прошлыхъ лѣтъ, наряденъ и могучъ;
Изъ глуби водъ смѣется тихо сожалѣнье;

Подъ аркой солнце засыпаетъ крѣпкимъ сномъ,
Какъ въ саванъ западъ весь окутался кругомъ...
О, скорбь, ты слышишь ночи приближенье?!..

CV.

Ἡσαυτοῦ τιμωροῦ μενος.

Я безъ гнѣва, безъ презрѣнья
Дамъ тебѣ миллионъ скорбей;
Такъ въ пустынѣ Моисей
Гудеямъ въ облегченье

Наносилъ въ скалу удары.
И когда изъ милыхъ глазъ
Брызнетъ горькій ключъ, — тотчасъ
Жажду — зной моей Сахары —

Муки сердца утолю я
Океаномъ горькихъ слезъ...
И, блаженныхъ полонъ грезъ,
Поилыветъ мой духъ, ликуя,

Какъ корабль въ волнахъ безбрежныхъ
И пробьетъ плачь скорбный твой,
Какъ атаки грозный бой
На душѣ моей мятежной!

Можетъ быть, аккордъ фальшивый —
Я въ симфоніи Творца?
Сердце жалитъ безъ конца
Рядъ сарказмовъ прожорливыхъ!

Ножъ я острый и я — рана!
Пытка я, и самъ палачъ!
Смѣхъ зловѣщій, горькій плачь!
Жертва съ сердцемъ я тирана!

Я зловѣщее зеркало,
Гдѣ Мегеры ликъ глядитъ!
Голосъ мой, какъ крикъ, звучитъ!
Кровь, — какъ ядъ! языкъ, какъ жало!!!

Лишній я средь пиршествъ міра...
Долженъ вѣчно хохотать,
А могу я лишь рыдать...
Кровь свою я пью вампиромъ!

CVI.

НЕОТВРАТИМОЕ.

I.

Идея, Форма, Сущность—изъ лазурныхъ тучъ
Упали въ Стиксъ свинцово-грязный.
Гдѣ какъ въ кошмарѣ безобразномъ
Не свѣтитъ ни единый, ни откуда лучъ;
Какой-то Ангелъ, странникъ вѣчный, неразумный,
Познавшій къ мерзости любовь,
Плыветъ, борясь средь валовъ
Въ кошмарной глубинѣ—огромной и безумной,
Сражается—(зловѣщая тоска и жуть!)
Съ гигантскимъ пагубнымъ теченьемъ,
Струящемъ съ грознымъ пѣснопѣньемъ,
Вертясь во мракѣ и стремясь... куда нибудь;
Несчастный очарованный, лишенный свѣта,
Ощупываетъ все вокругъ...
Но тѣсенъ, заколдованъ кругъ,—
И не уйти отъ змѣй, отъ ночи безъ просвѣта;
Отверженецъ, безъ лампы, нисходящій вглубь
Огромной бездны по ступенямъ,
Когда сгибаются колѣни
Отъ ужасовъ, что наполняютъ эту глубь:

Чудовища глядятъ фосфорными очами,
И мракъ темнѣй отъ тѣхъ очей!
На смѣльчака милльонъ тѣней
Бросается и душитъ влажными руками;
Корабль на полюсъ застрявшій,—а проливъ
Замерзъ единственный, случайный,—
Все льдомъ покрыто, вѣчной тайной;
Темница, изъ нея никто не выйдетъ живъ;
— Эмблемы ясныя, роскошныя картины
Судьбы неотвратимо, злой...
И полонъ думы я одной,
Что дьяволъ создалъ это все не безъ причины!

II.

Здѣсь сердце встрѣтилось съ своимъ зеркаломъ,
И встрѣча ихъ ясна, мрачна!
Колодезь истины безъ дна,
Гдѣ звѣзды свѣтятся огнемъ опала;
Насмѣшливое маяка мерцанье,
Благой свѣтильникъ сатаны,
И славы сказочные сны:
Грѣхъ въ красотѣ, во злѣ добра познаніе...

СѪП.

Ч А С Ы.

Часы... Богъ зловѣщій, суровый и чуждый
страданью,
Чей палець грозитъ намъ, твердя: „Не забудь!“

III-2118
Какъ въ цѣль, тебѣ въ сердце, пронзивъ твою
грудь,
Дрожащія скорби вопьются съ безумнымъ рыданьемъ;

Какъ призраки духовъ во мракѣ кулиссъ
Исчезнутъ туманное счастье и дни наслажденья;
Отраду, блаженство уже потеряютъ мгновенья,
И счастья кубокъ, какъ уксусъ, прокисъ.

Шестьсотъ и три тысячи разъ каждый часъ
повторяя,
Секунды трещать, какъ кузнечиковъ рой:
Теперь стало прошлымъ!... Опомнись! Постой!..
Я жизнь твою словно огромной кишкою качаю.

Remember! Опомнись ты! Esto memor!
(На всѣхъ языкахъ моя мѣдная глотка вѣщаетъ).
О, смертный безпутный, минуты покоя не знаютъ,
Тебя онѣ будутъ терзать съ этихъ поръ!

О, вспомни, что Время—игрокъ беспощадный,
который
Играетъ навѣрное.. Это законъ!
День кратокъ. Ночь стала длиннѣе. Какъ сонъ
Жизнь мчится, о близкая бездна поглотитъ насъ
скоро.

И скоро раздастся карающій гласъ;
Природа своихъ тебѣ нѣжныхъ горячихъ объятій
Лишитъ,—и сурово и грозно раздастся проклятье:
„Умри ты, о, св....., ужъ пробилъ твой часъ!“